Анатолий ТЕРЕЩЕНКО

ФАВОРИТ И УЗНИК

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга посвящена одному из руководителей органов госбезопасности СССР генерал-лейтенанту Е.П. Питовранову, призванному на чекистскую службу с выпускного курса МИИТа (Московского института инженеров транспорта) в период окончания ежовских репрессий. В 28 лет, получив звание генерала и руководя областным управлением НКВД, впоследствии он возглавил контрразведку СССР. Участвовал в сложных операциях по борьбе с немецкой агентурой во время Великой Отечественной войны и националистическим подпольем после нее, нередко рискуя жизнью. В книге раскрываются некоторые подробности деятельности резидентуры «Фирмы». Автор дает ответы на многочисленные вопросы: почему он стал любимцем Сталина и в связи с чем оказался в 1951 году в камере смертников? Почему его оправдали и назначили после освобождения руководителем внешней разведки Советского Союза? Почему уволили в 50-летнем возрасте из КГБ? что скрывалось за многолетней дружбой с председателем КГБ СССР Юрием Андроповым? Почему он стал кумиром в чекистских коллективах и завоевал своим авторитетом умы и сердца разных поколений оперативников? Автор выражает глубокую признательность за помощь в подготовке книги коллеге полковнику в отставке А.А. Вдовину. Книга предназначена для широкого круга читателей.

- Анатолий Терещенко
  - Предисловие
  - Детство и юность
  - Проба на человечность
  - Оперативные университеты
  - Сталин замечает…
  - В Узбекистан за опытом…
  - Заместитель министра
  - Арест, следствие и освобождение
  - Во главе внешней разведки
  - Берлинское испытание
  - Триумф и трагедия вождя
  - Снова четвертое…
  - Командировка в Поднебесную
  - Высшая школа
  - Увольнение в запас
  - Торгово-промышленная палата СССР и «Фирма»

- Агенты влияния
- Разлом, разграб, распад 90-х…
- Послесловие
- Литература

Анатолий Терещенко
Фаворит и узник

Памяти генерал-лейтенанта Евгения Петровича Питовранова посвящается.

Предисловие

Осуждают то, чего не понимают.

Квинтилиан

Книга посвящена человеку, мечтавшему стать инженером железнодорожного транспорта, а ставшему в 28 лет генералом, а в 31 — заместителем Министра госбезопасности СССР. Генерал-лейтенант Евгений Петрович Питовранов, обладая гибким умом, принципиальностью, смелостью и решительностью, был замечен Сталиным в конкретных, порой сложных оперативных ситуациях, и, таким образом, в какой-то степени стал его фаворитом. Правда, это не уберегло Е.П. Питовранова от гнева вождя. Сталин поверил наветам завистников молодого руководителя контрразведки; его арестовали и посадили в камеру смертников во внутренней тюрьме на Лубянке.

Высокие звание и должность он заслужил, решая вопросы государственной безопасности без ломки человеческого достоинства, а скорее, в борьбе за его утверждение. Это был Человек, к уму, выдержке и порядочности которого довелось прикоснуться и автору этой книги во время учебы в Высшей школе КГБ при СМ СССР, в период, когда он был ее руководителем и откуда был уволен на якобы заслуженный отдых.

Но духовная и профессиональная энергия истинного патриота Советской России пульсировала в нем так сильно, что он создал, находясь в запасе, практически новое направление и подразделение для работы внешней разведки, высокооцененное руководством страны. Называлось оно по-разному: «Фирма», отдел «П» ПГУ КГБ, «разведка» Ю.В. Андропова.

Кто-то из великих сказал, что почитать человека следует не по знатности его происхождения, а по происхождении его знатности. Знатность свою он завоевал своим умом и трудом. Генерал-лейтенант Евгений Петрович Питовранов — один из наиболее деятельных и честных руководителей в когорте начальников советских спецслужб. К сожалению, длительное время, со времен правления Хрущева и до сих пор, его имя находится в тени сплетен, наговоров и несправедливых оценок. Но в жизни принято считать: если тебе плюют в спину — значит, ты впереди. И это подтверждается оперативной деятельностью Е.П. Питовранова. К счастью, его отдельные взгляды на проблемы

безопасности государства понимал и принимал Сталин. Это потом, после увольнения, некоторые начальники начали чувствовать силу Е.П. Питовранова, руководителя Высшей школы КГБ при СМ СССР.

Автор застал Евгения Петровича на излете его служебной карьеры во временном отрезке с 1963 по 1965 год. Именно за два года до выпускных экзаменов автора этой книги генерала, профессионала, человека с высоким уровнем человечности из-за подковерной борьбы политиканов Кремля сняли с должности руководителя чекистского вуза.

Судьба, опыт, решительность и смелость позволили ему в разные годы руководить советской разведкой и контрразведкой как внутри страны, так и в подразделениях КГБ в длительных зарубежных командировках.

Бескорыстной деятельностью молодого сотрудника госбезопасности на благо Родины, его гибким умом, переросшем в мудрость, поражался И.В. Сталин, понимавший, что мудрость приходит с годами… но не ко всем. Человек, обладавший таким качеством, — это уравновешенный человек; он смотрит на жизнь с пониманием ее смысла, принимая жизненные обстоятельства такими, какими они есть. Но для этого надо дорасти.

И.В. Сталин, как и великий китайский мудрец Конфуций, понимал, что у человека есть три пути познания мудрости: первый — самый благородный, размышление; второй — самый легкий, подражание; третий — самый горький, опыт. Значит, мудрость — это результат титанической работы над собой с использованием знаний. Ничто не возникает из ничего. Не каждый знания способен переплавить в мудрость, необходимую для работы, службы и жизни вообще. Не хватает сосредоточенности, внимательности, а главное — духовности.

В правоту государственного дела, в свою профессию Евгений Петрович влюбился и пошел вместе с ней своим путем честно и бесстрашно. Но тому, кто выбирает такой путь, жизнь пойдет навстречу. Ибо кто имеет, тому дано будет и приумножится, а кто не имеет, тот лишится и того, что есть.

Многие завистники говорили, что он являлся фаворитом вождя. Но таких любимцев у Иосифа Виссарионовича было много, особенно среди молодых дарований в военном деле, органах госбезопасности, в промышленности, авиации, сельском хозяйстве и строительстве. Он молодежь уважал и ценил. Но это не давало индульгенции как согрешившим, так и невиновным в случаях, когда ему докладывали непроверенные материалы с явными ляпами в работе. Попадали в жернова несправедливости и люди — фавориты хозяина Кремля. Не спасла Е.П. Питовранова

в 1951 году прежняя доброжелательность к нему И.В. Сталина после ареста его начальника — министра государственной безопасности генерал-полковника Виктора Семеновича Абакумова, и всех его заместителей: Е.П. Питовранова оговорили следователь Рюмин и политик Маленков…

И все же он дал младшему поколению урок, достойный подражания. Именно с его легкой руки у автора зародилась уверенность, что оперативник должен быть «пусть маленькой, но ходячей энциклопедией». Он прививал нам такой, подтвержденный в дальнейшем момент истины: любые знания, навыки и умения крайне важны и непременно пригодятся в чекистской работе.

Присутствие его на занятиях по специальной подготовке нисколько не смущало слушателей. Он как умудренный опытом педагог как бы растворялся в их среде, прививая обучающимся потребность смело рассуждать с учетом полученных знаний, а поэтому четко отвечать на задаваемые вопросы, без волнения и переживания. Уроки для многих пригодились в дальнейшем на практике. Мало кто игнорировал его рекомендации.

Автору захотелось рассказать о своем кумире широкому кругу читателей…

Детство и юность

Мальчик кричит: «Нельзя!
Двое на одного!»
Он ведь не знает, что
только так и будет.

Рамон Гомес де ла Серна

Так уж повелось в природе, что громче всего человек кричит о себе, когда он в пеленках; потом с месяцами и годами он понемногу сбавляет уровень своей тональности. А еще он, именно в детстве, поражается всем и всему. Поэтому не случайно чудеса происходят только в этом «молочном» возрасте. В дальнейшем человека сопровождают каждодневные учеба и труд, с взлетами и падениями, успехами и неудачами. С годами, взрослея, человек понимает, что жизнь не столько красива и обустроена, сколько сурова и несправедлива. В этом он убеждается на каждом шагу, а потом принимает условия окружающего мира или не соглашается с ними и даже пытается бороться с проявлениями несправедливости. Начало мироощущения справедливости начинается из страны под названием «Босоногое детство!..».

По материнской линии дедом Е.П. Питовранова был татарин Атисов, который после перехода в православие именовался Павлом Ивановичем. Дед женился на дочери русского купца и немки из числа переселенцев, появившихся в Поволжье в XVIII веке.

Прежде чем говорить о детстве нашего героя, несколько слов хочется сказать о родителях Евгения Петровича Питовранова. Мать — Антонина Павловна Атисова, после окончания с похвальным листом полного гимназического курса решила посвятить себя благородной учительской профессии. Губернский департамент образования направил ее учительствовать в школу села Князевка, которое располагалось на границе между пензенской и саратовской землями, с тихой, немноговодной речушкой Медведкой.

Она полюбила педагогику и с головой ушла в работу. Отличалась честностью, добротой и контактностью как с коллегами-учителями, так и с учениками. Мирно жила и с соседями. Незадолго до начала Первой мировой войны в село прибыл новый настоятель храма, стоящего на крутолобом пригорке. Молодой священник Петр Николаевич Питовранов —

высокий, русоволосый, статный красавец, с добрым и улыбчивым лицом. Он всем своим видом походил на былинного героя — беломорского помора. Вскоре ему приглянулась скромная симпатичная учительница Антонина Павловна. Ухаживание было коротким, потому что пара быстро поняла, что они не смогут жить друг без друга. Сыграли свадьбу. Венчал их сам глава церковного округа, саратовский епископ Гермоген (в миру Георгий Ефремович Долганов, проявивший себя как убежденный и последовательный монархист).

20 марта 1915 года у них родился первый и единственный сын. Назвали его Женя. Давно замечено, от отца к детям переходит кровь, а характером их награждает мать. Евгений физически пошел в отца: высокий рост, статная фигура, удивительно теплый баритон, привлекательная, добрая улыбка и неторопливость. От матери он получил упорство в достижении поставленной цели, трезвый ум и терпимость.

Но счастье, как говорится, требовательно, как законная супруга, и ветрено, как любовница. Через полтора года совместной жизни, после простуды и крупозного воспаления легких, ушел из жизни Петр Николаевич Питовранов. Антонина Павловна осталась совсем молодой вдовой. Вот тогда мать Евгения и поняла, что счастливой жизни нет… Есть только счастливые дни, которые уложились в полтора года интересного совместного проживания.

Тяжело перенесла она утрату. Не легок был крест, который она понесла по жизни. Все, что раньше ее радовало в Князевке, теперь раздражало всегда спокойную женщину. Друзья посоветовали ей сменить место жительства. В школе соседнего Сердобского района были свободные штатные должности учителей. Туда молодая вдова и переехала с малолетним сыном. Директор школы помог с местом жительства. Именно в этой школе было суждено ей встретиться и подружиться с мужественным, ярким, образованным молодым коллегой Гавриловым, который, как и новая учительница, искренне принял октябрьские события 1917 года в Петрограде.

Вскоре Гаврилов возглавил боевую народную дружину для подавления контрреволюционных элементов, поднявших голову против советской власти. Через некоторое время дружина переросла в отряд, влившийся в состав Красной армии, и Гаврилов стал его командиром. А тем временем дружба учительницы и боевого командира переросла в любовь с регистрацией брака. У Жени появился второй отец, так как он его усыновил юридически и по жизни в семье. Но обстоятельства сложились так, что в одном из боестолкновений с мятежниками в

глубинке Пензенской губернии, где свирепствовал брюшной тиф, командир заразился и буквально сгорел за несколько дней в 1921 году. Вновь осиротел Евгений. Строгая, пунктуальная, обязательная, деятельная 25-летняя Антонина Павловна стойко перенесла очередной удар судьбы, которая ей показалась форс-мажорной, предопределенной, фатальной. Поэтому она уже больше не рисковала связывать свою жизнь с новым главой семейства. А интересные предложения на жизненном пути у нее были. Она же теперь всю себя решила посвятить только любимому сыну Евгению, а в дальнейшем его большой семье с внуками и правнуками.

Как мудрая женщина, познавшая все «прелести» классовой борьбы после революции, она до поры до времени не признавалась сыну, что его родной отец был священником, который при новой власти принадлежал к эксплуататорскому классу. Материнский инстинкт сработал четко в обстановке доведения «классовой борьбы» до абсурда с широко распространенным атеизмом. С церковниками власть боролась самым жестоким образом. Создавалось представление, что она, эта самая новая власть, вознамерилась извести священников и веру под корень.

Учитывая кристальную честность чада в будущем — он бы мог признаться где-то и когда-то кадровикам, кто его настоящий отец, и, возможно, испортить таким образом себе биографию, прозорливость матери увела сына от роковой черты в то непростое время утверждения новой безбожной власти.

Евгений Петрович часто вспоминал интересные по-своему детские годы и своих сверстников. У каждого человека этот возрастной период вспоминается с теплотой. Несчастливого детства не бывает. Сад детства — это не детский сад. Детство в глубинке особенное, натуральнее, чем в мегаполисах.

Шестилетним мальчонкой он с ребятами-рыбаками бежал на речку Сердобу — левый приток Хопра, и там они таскали удочками и закидушками окуней, плотву и лещей. Ловили и в районах поймы, пересеченной многими старицами и редкими озерками, где после оттока воды скапливалось столько рыбы, что добывали ее не только удочками, но и неводками, вершами и даже корзинами.

С гордостью Женя приносил рыбу домой, обязательно на лозовом кукане. От матери он получал искреннюю благодарность, ведь это был его взнос в семейный паек. Он любил наблюдать за приготовлением матерью и ухи, и жарки рыбы на сковородке, понимая, что это его заслуга.

Страсть к рыбной ловле у Евгения Петровича сохранилась до

последних дней его пребывания на этой бренной земле. Со временем о рыбацких «подвигах» семьи Питоврановых ходили легенды. Одна из них была опубликована на страницах журнала «Охота и рыболовство».

Тем временем жизнь в уездном Сердобске без мужа, без подсобного хозяйства, без родственных связей, с мизерной учительской зарплатой обрекала семью на голодное существование, да и голодомор уже стучался в дверь каждой квартиры жителей Поволжья, в каждую избу россиян. Антонина Павловна решилась вырваться из уездной удавки и переехать в большой город на Волге — Саратов. Продолжила учительствовать и здесь. Зарплаты не хватало, пришлось подрабатывать в других местах. Хлопоты с проблемой прожиточного минимума давали знать.

Но возникла и другая проблема — Женя отбивался от рук. Улица стала больше влиять на подростковое мировоззрение и поведение. Как метко скажет Сергей Есенин о себе примерно такого же возраста, что и Евгений Питовранов:

Часто, часто с разбитым носом
Приходил я к себе *домой.*
И навстречу испуганной маме
Я цедил сквозь кровавый рот:
«Ничего! Я споткнулся о камень,
Это к завтраму все заживет…

Женя приходил после драк и в синяках, и рваной одежде. Иногда без шапки или кепки. Мать из экономии стала покупать ему красочно вышитые дешевые татарские тюбетейки. Именно в таких условиях формировались бойцовские качества. Правда, учеба в школе с сентября по июнь заметно отвлекала от улицы. Там продолжали буянить беспризорные или местные оторвиголовные мальчишки. Мать-учительница прививала сыну усидчивость и внимание в работе с учебниками и книгами из разряда художественной литературы. Учился Евгений легко и прилежно. Много читал классиков — писателей и поэтов. Хорошая память позволяла сохранить не только сюжеты произведений, но и основные мысли, заложенные в этих произведениях.

С переездом в Саратов увлечение рыбной ловлей не покидало Евгения. После весенних разливов Волги оставалось много пойменных озер — мелких, теплых, с обилием разных пород рыб, от пескарей и до колючих красноперых окуней, жерехов и прочих рыбешек. И здесь ловили рыбу кто чем мог: майками, рубахами,

ковшами и даже руками.

С наступлением лета появлялось у матери беспокойство за сына. Ребята гурьбой убегали на песчаную косу загорать и купаться. А в августе, когда поспевали арбузы и из Камышина начинали тянуться груженые баржи, толкаемые пыхтящими от натуги маломощными буксирами, начиналась пора «ловли»… арбузов и дынь. Едва водный караван показывался из излома реки, молодые корсары по-пластунски, на животах сползали к реке. Они, величавшие себя крокодильчиками, направлялись к низко посаженным от груза баржам, борта которых нередко бахчевые производители сладких ягод для страховки обматывали колючей проволокой. Но эту защиту преодолевала напористая ребятня. Голыми руками, палками и даже проволочными крючками они смело шли на абордаж, пытаясь стащить в воду несколько арбузов и с ними добраться до берега. Благо ягода не тонула, а вот с дынями было сложнее, они тянули разбойников на дно. На облюбованном островке «добытчики» наслаждались сладкой красной мякотью. Вечером довольные возвращались домой, иногда с добычей…

Было еще одно опасное увлечение — путешествовать на проходящих мимо товарных поездах в тамбурах. Некоторые умудрялись забираться даже на паровозный тендер. После таких поездок приходилось долго отмываться от дымной копоти и угольной пыли. Конечно, это увлечение, похожее на современных «зацепистов», таило большую опасность для жизни. Автору этих строк тоже знакомо это увлечение — детство ведь прошло на большой узловой железнодорожной станции Сарны, что на Полесье…

Детство у Евгения закончилось в 1930 году, когда он успешно закончил семь классов и встал перед дилеммой: продолжить дальше учиться в школе или приобрести специальность, чтобы помочь выбивающейся из сил матери наряду с учительством, подрабатывающей на других черновых работах.

Евгений выбрал фабрично-заводское училище (ФЗУ) Саратовского отделения Рязано-Уральской железной дороги. Поступил и впервые с гордостью надел профессиональное обмундирование даже с форменной фуражкой, на темном околыше которой красовалась золотистая железнодорожная эмблема — разводной ключ и молоток. В училище, избрал профессию токаря. Там он познакомился с сокурсницей Елизаветой, ставшей впоследствии его женой. С ней он учился новому ремеслу со старанием, понимая практичность хорошей успеваемости: чем выше разряд, тем больше будет зарплата. В 1933 году он окончил училище, и его направили в

вагоноремонтные мастерские при железнодорожной станции. Через месяц Евгений принес домой первую зарплату. Антонина Павловна была чрезмерно рада за сына — наконец-то он поступил на работу, оторвался от улицы. В семейный бюджет, по выражению матери, «потекли нужные рублики».

Но радость не бывает без печали. Однажды вытачивая деталь, Евгений не надел защитные очки, кусочек стружки отлетел и вонзился ему в глазное яблоко. Спасли от повреждения глаза врачи — осторожно подтянули металлическую стружку наружу при помощи магнита, а потом вынули пинцетом, отметив, что пострадавший, сориентировавшись правильно, не втер ее в глазную ткань.

О профессии токаря теперь можно было забыть. Но он устроился дежурным по станции — встречал и провожал поезда. Как-то в зале ожидания вокзал встретил Евгений Петрович человека, на лацкане пиджака которого красовался серебристый овал с крохотным паровозиком внутри — знак «Почетный железнодорожник СССР». Познакомились, долго говорили о жизни, паровозах, работе, учебе…

Оказалось, железнодорожник опасался воровства, которое в те времена часто случалось на вокзалах. Дежурный по станции предложил новому знакомому в своей рабочей комнате деревянный диван, обтянутый дерматином. Собеседнику понравился пытливостью и целеустремленностью молодой человек. Он уловил в нем самый главный посыл — желание учиться дальше, и пообещал помочь в поступлении в учебное заведение и в дальнейшем выполнил свое обещание. Так Евгений Питовранов со своим другом Анатолием Егоровым стали студентами Московского института инженеров транспорта (МИИТ).

Антонина Павловна была рада поступлению сына в институт, хотя и понимала, что отъезд Евгения обрекает ее на одиночество. С подругой Елизаветой, поступившей в Саратовский сельхозинститут на машиностроительный факультет, шла активная переписка на почтовом канале Саратов — Москва и Москва — Саратов. Вскоре молодые люди решили завести семью: чтобы переехать к Евгению в Москву, нужен был документ о регистрации брака и перевод в МИИТ. У любящих людей все получилось. Недаром говориться «Любовь и горы может свернуть». А вообще женщины любят не героев, а победителей. И Евгений оказался именно таким.

Семейная жизнь началась в малюсеньком закутке студенческого общежития. Получали скромную стипендию, на нее и жили: в любви — бесплатная только луна, а в целом это океан

чувств, окруженный совсем не легкой жизни. Правда, родители Елизаветы и друга Анатолия Егорова через проводников снабжали студентов продуктами питания, одеждой, обувью. Так и обретались — делились земляки чем могли.

Существенным приработком, наверное, во все времена студенчества служили погрузочно-разгрузочные работы на различных пакгаузах, базах, складах…

Время бежало быстро, но, кроме зубрежек, душа требовала культурной подпитки — посещения музеев, театров, кино, выставок, дней поэзии и т. д., а для этого нужны были «рублики в советской республике».

И вот на календаре в общежитии появилась цифра -1937 год. Студенты чутко реагировали на все перипетии в жизни страны. К этому времени в СССР окончательно утвердилась однопартийная система. Большое количество партий были закрыты или уничтожены. Идеологи этих партий оказались в изоляции. Одни попадали под судебный прессинг, уничтожались; другие уходили в глубокое подполье или покидали страну. В Советском Союзе периодически проводились чистки: в партии, в армии, в органах госбезопасности, на производствах и даже в сельской местности. Средства массовой информации громко информировали население страны, беспощадно критиковало тех, кто шел не в ногу с партией.

И все же студенты не особо ощущали происходящие дикости властей. Хотя это был страшный год необоснованных и несправедливых массовых репрессий под названием «ежовщина». Назван этот процесс в исторической литературе был по имени главного их исполнителя Николая Ивановича Ежова (1895–1940), партийного и государственного деятеля, генерального комиссара госбезопасности и руководителя НКВД СССР. Надо признать, что аресты и казни 1937–1938 годов причинили стране громадный вред. Но он возник не на голом месте. Именно в этот период Сталин с похвалой отозвался о безжалостном истреблении бояр царем Иваном Грозным как о крайне необходимом условии для утверждения централизованного русского государства.

В довоенные годы началась идеализация образа «грозного царя». Царь Иван Грозный и император Петр Первый стали парадигмами сталинской историографии. В почете они и в современной России.

Репрессии Ежова против так называемой «ленинской гвардии» дали толчок к появлению новых сталинских кадров, которые выгодно отличились в становлении государства через мощнейшие экономические сдвиги путем индустриализации страны.

Аресты, процессы, расстрелы, о чем уже написано много под разными углами зрения. В ту пору создавалось впечатление, что Сталин с помощью Ежова стремился избавиться от своих прежних противников. Но позже открылись подлинные масштабы этих обширных политико-полицейской операций, которые были направлены против двух категорий коммунистов: периферийных партийных работников, включая секретарей обкомов, и большевиков первых поколений.

На самом деле, репрессии ослабили СССР до такой степени, что государство могло быть поставлено на край гибели. Борьба политиков за верхние эшелоны власти не утихала, но когда вскрылись признаки участия в заговоре военных — над страной нависла чудовищная опасность.

О военной оппозиции в лице двух маршалов Тухачевского и Блюхера написано много книг и статей.

Версия обвинения бывшего первого заместителя наркома обороны СССР М.Н. Тухачевского (1893–1937) на момент ареста командующего войсками Приволжского военного округа (ВО) и его группы в лице: командармов 1-го ранга И.Э. Якира (1896–1937), командующего войсками Киевского ВО, и И.П. Уборевича (1896–1937), командующего войсками Белорусского ВО; командарма 2-го ранга А.И. Корка (18871-го ранга 1937), начальника Военной академии им. М.В. Фрунзе; комкоров: Р.П. Эйдмана (1895–1937), председателя Центрального совета Осоавиахима, В.К. Путна (1893–1937), военного атташе при полпредстве СССР в Великобритании, Б.М. Фельдмана (1890–1937), начальника Управления по командному и начальствующему составу РККА, В.М. Примакова (1897–1937), заместителя командующего войсками Ленинградского ВО; армейского комиссара 1 ранга Я.Б. Гамарника (1894–1937), первого заместителя наркома обороны СССР, начальника Политуправления РККА, гласила так: организация военного заговора с целью захвата власти. В газетах и по радио шла информация, но студенты были далеки от этих событий — с головой были погружены в учебный процесс.

Закрытое заседание Специального судебного присутствия Верховного суда СССР по делу состоялось 11 июня 1937 года. Все подсудимые были признаны виновными и расстреляны немедленно после вынесения приговора. Я.Б. Гамарник застрелился накануне ареста. Вот как оценивал Сталин заговорщиков перед судом над ними, выступая 2 июня 1937 года на расширенном заседании Военного Совета при НКО СССР:

«Товарищи! В том, что военно-политический заговор существовал против советской власти, теперь, я надеюсь, никто

не сомневается. Факт — такая уйма показаний самих преступников и наблюдения со стороны товарищей, которые работают на местах, такая масса их, что, несомненно, здесь имеет место военно-политический заговор против советской власти, стимулировавшийся и финансировавшийся германскими фашистами».

Если верить некоторым публикациям, то станет очевидным, что Тухачевский постоянно критиковал, причем открыто, а порой и беспардонно, с позиций «бонапартистских» амбиций своего начальника — наркома обороны К.Е.Ворошилова. Но это же армия, в которой наличествует принцип единоначалия главенствующий «Приказы не обсуждаются».

Юрий Жуков, историк, глубокий исследователь сталинского периода правления, отмечал искусственную раздутость дела, которая исходила от карьеристских намерений руководителя НКВД Николая Ежова и его окружения.

Дело Тухачевского стало началом широкомасштабных репрессий в РККА.

Из маршалов СССР в судилище принимали участие В.К. Блюхер и С.М. Буденный. Через год Блюхер окажется сам на скамье подсудимых. Вообще биография Блюхера, его служба в царской и советской армиях полны разного характера нестыковок. Как писал исследователь жизни и деятельности «красного маршала» Роман Борисович Гуль (1896–1986) в книге «Блюхер», после 1916 года под именем «ярославского мужичка, действовал кадровый офицер разведки армии Австро-Венгрии». Писатель называл Блюхера «полководцем под псевдонимом» и «генералом Немо», который взял в качестве псевдонима фамилию прусского генерала. Эта версия была озвучена Гулем в книге «Красные маршалы» еще при жизни будущего полководца в 1933 году, забитого насмерть на допросах в НКВД в 1938-м. Это всего лишь только версия писателя.

Приведем интересную информацию, полученную автором в 1974 году от пожилой технической работницы дома 2 на Лубянке. По ее вспоминаниям: когда ее срочно вызвали для уборки, она, только что пришедшая в конце 30-х на работу в центральное здание НКВД, оказалась свидетельницей выноса на носилках из кабинета № 650 окровавленного человека. Этот кабинет в 70-е принадлежал подразделению, в котором служил автор. Так как на лифте нельзя было транспортировать «живой груз» из-за габаритов носилок, его двое военных понесли по лестничному пролету вниз, а она шла сзади и замывала пятна крови. Потом девушка узнала, что на носилках несли Блюхера…

После завершения боев на Хасане, 29–31 августа 1938 года,

действия маршала разбирали эксперты Главного Военного Совета РККА. Итогом проверки его деятельности стал приказ Наркомата обороны СССР № 0040 от 4 сентября 1938 года, в котором говорилось:

«Боевая подготовка войск, штабов и командно-начальствующего состава фронта оказались на недопустимо низком уровне, войсковые части были раздерганы и небоеспособны; снабжение войсковых частей не организовано. Обнаружено, что Дальневосточный театр к войне плохо подготовлен…».

Создавалось впечатление, что Блюхеру не хватало храбрости и он умышленно не хотел активизировать наступательные действия у озера Хасан, словно играя с японцами в поддавки. Сталин рассвирепел и в разговоре по прямому проводу 1 августа 1938 года вынужден был спросить военачальника в лоб:

«Скажите, товарищ Блюхер, честно: есть ли у Вас желание по-настоящему воевать с японцами? Если нет — скажите прямо, а если есть — считаю, что Вам следовало бы выехать на место немедля».

Блюхер ничего не сказал, но на место боев ни разу не выезжал. Более того, он запретил авиации бомбить японские укрепления на сопках. Терпение Кремля лопнуло, и трусливого полководца отозвали в Москву. Ему приказали прибыть в столицу и тут же отправили отдыхать с семьей на черноморскую дачу наркома обороны страны К.Е. Ворошилова. Там Блюхера и арестовали. Выбивали японцев с советской территории уже другие командиры.

Продолжение этой истории произошло в августе 1946 года. Задержанный военными контрразведчиками МГБ СССР (ГУКР НКО СССР СМЕРШ прекратил свое существование в мае 1946 года. — *Авт.)* свирепый атаман белого казачества Григорий Семенов показал, что он располагает некоторыми сведениями о Блюхере:

«Летом 1937 года ко мне в Дайрен приезжал из СССР с поручением от маршала Блюхера некий Соколов, назвавший себя лейтенантом Амурской Военной Флотилии. Он прямо заявил, что прибыл по поручению штаба маршала Блюхера и предупредил, что в СССР в ближайшее время произойдут крупные события. Ожидается "дворцовый переворот", в результате которого власть перейдет военным с Блюхером во главе. Подчеркнул, что участникам заговора опасно медлить, "иначе с маршалов полетят головы". Соколову было поручено через меня выяснить, как японцы отнесутся к перевороту и не воспользуются ли они происходящим для того, чтобы захватить советский Дальний Восток…

Выбор на Соколова пал потому, что его отец, лично был со

мною знаком… В штабе Квантунской армии начальник 2-го разведывательного отдела полковник Ямоока сделал мне выговор за несогласованную встречу с Соколовым (тот тайно прожил у меня в доме два дня) и отметил, что о настроениях в штабе Блюхера им известно».

Думается, арестованному атаману Семенову, не было абсолютно никакого резона в 1946 году оговаривать покойного маршала. Обвинять Блюхера в шпионаже в пользу Японии — это, вероятно, перебор. Но вот то, что чины штаба Блюхера с его ведома устанавливали тайные контакты с представителями военной разведки японской армии, второго отдела генштаба, — это факт, доказанный на суде.

Арестант Блюхер был уже не молод — 47 лет, а тут такой стресс. Так что конец героя Гражданской войны был, к несчастью, банальным. И, пожалуй, вполне закономерным.

Чистка военных кадров продолжалась и после Ежова, но в значительно меньших масштабах. Сталин не зря опасался предательства…

И все же, констатируя всю тяжесть нанесенного стране ущерба, неоспоримым остается тот факт, что новым кадрам суждено было управлять страной во время войны и привести ее к победе.

Именно в конце 30-х годов в органы госбезопасности и военной разведки из гражданских институтов и военных академий пришли хорошо подготовленные люди, ставшие выдающимися руководителями в области разведки и контрразведки: Виктор Семенович Абакумов, Ян Карлович Берзин, Николай Иванович Железников, Павел Михайлович Фитин, Анатолий Николаевич Михеев, Петр Иванович Ивашутин, Иван Иосифович Проскуров и другие. Среди них достойное место занял и будущий генерал-лейтенант КГБ СССР Евгений Петрович Питов-ранов.

Для московского студенчества 1937 год ничем особенным не отличался: молодые ребята учились, гуляли, отдыхали так же, как и до этого. Конечно, о проходивших процессах читали в газетах и слышали по радио. Осуждали тех, кто боролся против партии и народа. Горячо осуждали вредителей, кулаков, тем самым показывали свое отношение к отщепенцам. Именно в это время Евгений Петрович стал кандидатом, а потом и членом ВКП(б).

В своем заявлении он шаблонно, как это делали и другие вступавшие в партийные ряды, отметил: «…в трудное для всей страны время считаю своим долгом быть в первых рядах активных

строителей коммунизма».

Позже он вспоминал:

«В партию я вступил совершенно искренне, без всяких внутренних установок на извлечение из этого каких-либо карьерных или материальных преимуществ. Как и большинство моих сверстников и друзей, я полностью, безоглядно доверял Партии и почитал для себя за честь стать ее солдатом».

После того как Питовранов вступил в партию, став исполняющим обязанности секретаря парторганизации института, начальник отдела кадров института Костромин все чаще стал приглашать студента выпускного курса для разговоров на разные, в том числе и политические темы. Но однажды, зайдя по приглашению кадровика в его кабинет, он увидел за соседним столиком незнакомца. Тот быстро листал, а порой внимательно читал чьи-то личные дела. Наблюдательный Евгений сразу обратил на это внимание и подумал: «Как же так требовательный Костромин позволяет постороннему человеку копаться в студенческих личных делах. Это, наверное, какая-то шишка, не иначе».

И вдруг кадровик обратился:

— Евгений Петрович, расскажите свою биографию с самого дня рождения.

«Зачем Костромин заставил при постороннем человеке рассказывать о моей ничем не примечательной жизни, — промелькнуло в голове Питовранов. — Я ведь свою биографию раз десять уже пересказывал на партсобрании, в партбюро и в райкоме партии. Что-то здесь не чисто. Пора лишней подозрительности с устранением Ягоды прошла, и вдруг… Кажись, нигде и никому я лишнего не взболтнул. Может о детском хулиганстве и атаках на баржи с арбузами решили что-то прояснить. Навряд ли…»

И он стал рассказывать о месте рождения, о том, что мать — учительница, отец — бывший командир Красной армии, умер в Гражданскую войну. После семи классов закончил ФЗУ. Работал токарем и железнодорожным служащим, и вот сейчас в МИИТе…

Это была биография типичная для юношей той поры, вышедших обожженными пламенем гражданской бойни.

— Да, Гражданская война, вспыхнувшая по воле внутренних и внешних врагов, принесла много бед Советской России, — вдруг включился в беседу незнакомец. — Газеты читаете? Отслеживаете международную жизнь?

— Да-а-а… — коротко ответил Евгений.

— А как вы оцениваете Мюнхенский сговор Англии и Франции с Гитлером в отношении Чехословакии?

— Думаю, соглашение, подписанное 30 сентября этого года Чемберленом и Даладье с одной стороны и Муссолини с Гитлером — с другой, — это не только открытие семафора для движения нацистов в сторону передачи Судетов Берлину, но в конечном счете приговор первым двум трусливым политикам и, самое главное, их гражданам. Это развязывание рук фашистской Германии и ее сателлитам, а затем, может, и большая мировая война…

— Ваш ответ меня удовлетворил, — ответил незнакомец, который был представителем органов госбезопасности.

Он не случайно положил глаз на молодого человека высокого роста, комсомольского вожака. Собранная на Питовранова характеризующая его информация представляла интерес. По характеру — выдержанный, рассудительный. Речь спокойная, с аргументами «за» и «против». Взвешенность и обоснованность речи подкупали оперработника. Удивил его и такой факт: в то время большинство студентов не отличались эрудицией, а в советских институтах и техникумах практиковалась система коллективной защиты зачетов и экзаменов. В то время было модно, когда один или несколько студентов в присутствии всей группы отвечали преподавателю тот или иной предмет, а оценка ставилась всей группе в зависимости от той, которую получал смельчак. Практически студент отвечал не по билету, а весь предмет. Такой экзамен тянулся три-четыре часа. Следует отметить, что Питовранов чаще других выручал группу, особенно по точным наукам типа сопротивление материалов, детали машин и т. п.

Желание постоять за коллектив произвело на опытного чекиста хорошее впечатление. Выполнение отдельных поручений оперативника Питовранов исполнял в срок, не увиливал, не придумывал небылиц, а честно и добросовестно доводил дело до конца.

Но вернемся к беседе. Потом чекист стал говорить о разгаре классовой войны, о врагах народа, пытающихся навредить строительству социализма, о великих достижениях в коллективизации и индустриализации страны. Коснулся он опыта и мудрости, которые нарабатываются в процессе трудовой деятельности. А потом, помолчав немного, сказал, что мудрость измеряется способностью его приобретать и накапливать опыт.

5 ноября 1938 года встреча Евгения и нескольких его друзей-студентов была уже в общественной приемной НКВД на Сретенке, откуда он вышел человеком, поставленным на другие рельсы — ему предложили стать чекистом. Да кто?! — Сам Николай Иванович Ежов, Железный нарком, о котором слагали песни, и

его набирающий силу заместитель Лаврентий Павлович Берия. Конечно, Евгений не мог знать, что звезда Ежова вот-вот закатиться. На предложение стать в ряды сотрудников госбезопасности Евгений ответил согласием. Убедили!..

В тот же день он был зачислен оперуполномоченным 3-го контрразведывательного отдела Главного управления госбезопасности (ГУГБ) НКВД СССР. Через пять дней, 10 ноября, новоиспеченному чекисту присвоили звание лейтенанта госбезопасности. Кстати, это звание в период с 1935 по 1943 год соответствовало капитану Красной армии. Первым учителем Е.П. Питовранова в контрразведке стал начальник оперативного отделения 3-го отдела ГУГБ НКВД Рубен Аракелян.

Проба на человечность

Превозмогать себя и возвращаться к должному в себе — вот что такое истинная человечность. Быть человечным или не быть — это зависит только от нас самих.

Конфуций

30-е созидательные годы!

Середина их ознаменовалась в Советском Союзе масштабными стройками и с великими результатами: индустриализация становилась реальным фактом. Материальные и человеческие затраты оставались очень высокими, а диспропорции — большими. Достижения же не всегда соответствовали первоначальным наметкам. Но, надо сказать, основной итог был неоспорим. По объему валовой промышленной продукции СССР в 1937 году стал второй державой в мире. Он еще отставал от США, но опережал любую отдельно взятую европейскую страну. Родившаяся в 30-е годы советская крупная промышленность начала активно работать: в строй действующих предприятий за этот период вступило 4500 крупных производственных объектов.

Самым узким местом в промышленном развитии в это время был транспорт. Не случайно его нормальная работа стала одним из первоочередных, ударных заданий пятилетнего плана. Существенного улучшения в этом направлении удалось добиться только к 1935 году. Железные дороги получили новое оборудование. Штаты во всех управлениях и отделениях дорог увеличились. Это романтическое время призывало стать летчиком, чекистом, машинистом паровоза… И многие откликались на призыв партии и правительства.

Еще до поступления в МИИТ Евгений видел, как по стальным магистралям страны Советов проносились новые стальные кони серий: СУ, ФД, СО, Тб, Эр, Лк и другие. Они завораживали мальчишек, наблюдавших, как огнедышащие многотонные громады грохотали стальными бандажами колес на рельсовых стыках, унося за собой пассажирские и товарные вагоны, пульманы, цистерны и платформы. Хотелось самому встать у реверса с регулятором и сдвинуть это многотонное стальное чудо вместе с пассажирским составом или товарным эшелоном.

Одногодок Евгения Петровича — Степан Петрович — отец автора этой книжки, тоже бредил паровой телегой. Он прошел уроки слесарного дела, побывал кочегаром и помощником машиниста, прежде чем стать в конце 30-х годов капитаном стального коня — машинистом паровоза. Всю войну он «проехал» — нет, скорее, «пропахал» почти в открытой ветрам, сквознякам, зною и морозам, а также пулям и осколкам паровозной будке от западных рубежей Отчизны до Сталинграда с вражескими обстрелами и под бомбежками.

В 1944 году с наступающими частями РККА снова вернулся в родное депо, чтобы в 40-50-е бить всесоюзные рекорды по вождению тяжеловесных поездов и получить знак «Почетный железнодорожник СССР».

Евгений Петрович Питовранов, наверное, тоже мечтал пополнить ряды железнодорожников-движенцев. Как уже говорилось выше, пройдя учебу в ФЗУ, он стал слесарем. А потом, после глазной травмы из-за попавшего осколка стальной стружки, вынужден был работать дежурным по станции. О машинисте мечтать не приходилось — медкомиссия не пропустила бы его по зрению.

Итак, Евгений Питовранов в 1938 году, на последнем курсе Московского института инженеров железнодорожного транспорта, переменил профиль своей будущей работы.

Берия, придя на смену Ежову, в 1921–1922 годах служил в ЧК Азербайджана на должностях заместителя начальника и начальника секретно-оперативного отдела. В декабре 1921 года к чекистам в республику приезжала ревизионная комиссия во главе Михаилом Сергеевичем Кедровым (1878–1941), соратником Ф.Э. Дзержинского. Комиссия выявила много нарушений законности и волюнтаризма со стороны Л.П. Берия. Спас его от ареста Г.К. Орджоникидзе, обратившись к И.В. Сталину, а последний — к Железному Феликсу. Это послужило уроком для Берии…

Пройдет время, и он, встав во главе НКВД после Ежова, станет исправлять тяжелые ошибки последнего. Несколько тысяч членов партии, военнослужащих и сотрудников ЧК были выпущены из тюрем и лагерей. По его инициативе 17 ноября 1937 года упразднены так называемые карательные судебные органы «двойки» и «тройки».

Сам он тоже наломал много дров в своей работе. Кстати, в советскую эпоху он оказался удобным козлом отпущения, то есть в положении шекспировского «Короля Лир», познавшим неблагодарность самых близких людей. Это на его плечи вешали интриги и всю ответственность за террор, уводя из-под критики излишне доверчивого, но в целом положительного для

индустриализации страны Сталина. Выводились за скобки менеджерские успехи Берии в руководстве экономикой Грузии, органами ГБ в военное время и атомным проектом после войны.

В то же время это был период, когда на Европу надвигалась немецкая угроза, а в СССР закончившаяся кампания истребления руководящих кадров дезорганизовала как промышленность, так и армию. Она прибавила дерзости всем зарубежным противникам Москвы. Не подлежало сомнению вместе с тем, что репрессии являли миру образ общества, настолько раздираемого противоречиями по вопросам внутренней и внешней политики, что для их разрешения необходимыми оказались темные заговоры и массовые казни. Это был дополнительный аргумент всем противникам Москвы утверждать, что на Советский Союз нельзя полагаться как на твердого союзника, и они же высказывали сомнения относительно боевых качеств Красной армии и ее способности к наступательной операции.

Ах, как это было похоже на время России 90-х годов! Но тогда США и страны блока НАТО полагали, что ельцинская экономическая политика и без военного вмешательства разрушит Россию. Била в цель лермонтовская строка о том, что это — «насмешка горькая обманутого сына над промотавшимся отцом». Многие в ту пору трезвомыслящие сыновья России понимали эту фразу именно так: «над промотавшимся отцом» в облике гаранта конституции уже не столько насмехались, сколько боялись за безопасность страны. Это было начало конца вчерашней сверхдержавы. Но вернемся к концу 30-х.

А тем временем масштабы арестов в СССР потрясли в 1938 году даже американского посла Джозефа Эдварда Дэвиса, сторонника антигитлеровского соглашения с Москвой. На XVIII съезде ВКП(б), как писал итальянский историк и журналист Джузеппе Боффа в работе «История Советского Союза», Сталин и Ворошилов сочли необходимым вступить в публичную полемику с авторами подобных оценок, справедливо расценив их как поощрение нападения на Советский Союз…

Выходит, студент выпускного курса МИИТа Евгений Питовранов справедливо сделал прогноз дальнейшего развития Мюнхенского сговора. Еще продолжал работу партийный съезд в Москве, когда Гитлер разорвал в клочья Мюнхенское соглашение, решив вовсе ликвидировать чехословацкое государство. В ночь с 14 на 15 марта 1939 года он провозгласил независимость Словакии под властью марионеточного правительства Йозефа Тиссо, а Богемию и Моравию включил в состав рейха в качестве протектората. Так начиналась подготовка к Большой войне 1939–1945 годов с мостом через завоевание нацистами Европы.

На сборы Евгению Питовранову дали трое суток — от беседы с женой с известием о новой профессии, уведомления кадров института о переходе на службу в органы государственной безопасности, получения справки об обучении в МИИТе и до прихода в бюро пропусков НКВД на Малой Лубянке. Так начиналась его почти 30-летняя действительная служба в органах государственной безопасности СССР. Потом он добавит еще 20 лет служению разведке и контрразведке в несколько иной — цивильной оперативной ипостаси, в резерве органов КГБ.

Уже работая в системе контрразведки, он много узнал о деятельности ВЧК во главе с Ф.Э. Дзержинским, операциях «Трест» и «Синдикат», о работе Вячеслава Рудольфовича Менжинского (1874–1934), Генриха Григорьевича Ягоды (1891–1938) и Николая Ивановича Ежова (1895–1940), канувших в Лету. Отошедшие в историю деятели органов госбезопасности воспринимались совсем не такими, какими они жили в его представлениях до прихода в НКВД.

О Генрихе Ягоде — Иегуде Енохе Гершевиче — Евгений узнал позже, что после смерти Дзержинского и больного Менжинского он фактически руководил ОГПУ, НКВД и ГУГБ НКВД СССР, беспощадно подавлял крестьянские восстания, руководил почти «бесполезным», по понятиям либералов в смысле рабского труда, но поглотившим многие тысячи зэковских жизней строительством Беломорско-Балтийского канала им. Сталина. На последнем шлюзе этого канала была воздвигнута 30-метровая пятиконечная звезда с огромным бронзовым бюстом Ягоды внутри.

Канал был построен на пути, который использовался русскими деловыми людьми в течение нескольких веков. Здесь проходил большак паломников, совершавших хождения к православным святыням на Соловках.

Царское правительство несколько раз планировало приступить к прокладке этого канала в 1835, 1857 и 1900 годах, но отказалось из-за слишком большой стоимости работ. В Советском Союзе к идее Беломорско-Балтийского канала вернулись в 1930 году. В течение 20 месяцев шла на удивление интенсивная стройка этой водной артерии. И уже в августе 1933 года состоялось торжественное открытие 227-километрового канала глубиной 5 метров с 19 шлюзами. Для сравнения: Суэцкий канал длиной 160 километров строился 10 лет, а Панамский канал протяженностью 80 километров — 28 лет. Число заключенных, работающих на строительстве Беломорканала, было от 130 до 280 тысяч. Их участие властями подавалось как перевоспитание преступников через труд.

Идея использования труда осужденных философски разработана Львом Давыдовичем Троцким (1879–1940) и вначале была отвергнута ВКП(б), но затем активно применялась с мизерными выплатами, которые выдавались при освобождении.

В 30-е годы Ягода еще теснее сблизился с вернувшимся в СССР из-за границы Максимом Горьким, став другом его семьи и любовником Надежды Пешковой — «Тимоши», жены сына Горького, Максима. Он участвовал в организации судов по сомнительным делам об убийстве Кирова, «Кремлевском заговоре», в устроении процесса против Зиновьева и Каменева. В сентябре 1936 года Ягода был снят с поста наркома внутренних дел, который занял «герой» Большого террора Николай Ежов.

15 марта 1938 года Ягода, обвиненный в связях с Троцким, Бухариным и Рыковым, был расстрелян.

Новый нарком внутренних дел Н.И. Ежов привел с собой на Лубянку из ЦК партии около 300 партийцев, которые в один день стали сотрудниками чекистских органов. Для борьбы с троцкистами, «окопавшимися за рубежами», он создал из них, подчиняющие лично ему специальные подвижные группы, которые направлялись с фальшивыми иностранными паспортами за границу для ликвидации троцкистов и выполнения других тайных поручений Кремля.

Со временем Евгений Петрович, руководя подразделениями внешней разведки СССР, поймет, что таким образом власть расправлялась со старой гвардией отечественных разведчиков, в том числе и нелегалов, которые боялись возвращаться в атмосферу ежовского беспредела. Многих возвратившихся ждала опала, а нередко и казнь.

С Ежовым Питовранов не работал, хотя при нем был взят на службу в органы госбезопасности и много негативного наслышался в период руководства НКВД Лаврентием Берией. Еще учась в МИИТе, он познакомился со стихотворением народного поэта Казахстана Джамбула Джабаева «Песнь о батыре Ежове», в котором были такие строчки:

В сверкании молний ты стал нам знаком,
Ежов, зоркоглазый и умный нарком,
Великого Ленина мудрое слово
Растило для битвы героя Ежова…

Только спустя несколько лет Евгений Петрович понял, сколько этот пахарь партийно-карательной нивы загнал в землю своих соотечественников. Масштабы его репрессий были таковы, что даже напугали самого Сталина. Ежов сыграл большую роль в

политическом и физическом уничтожении так называемой «ленинской гвардии», принципиально противостоящей в некоторых экономических и политических вопросах Сталину. В своем рабочем столе «зоркоглазый и умный нарком» Ежов хранил пули, которыми были расстреляны Зиновьев, Каменев, Крыленко и другие.

Однако первый толчок Большому террору дал совсем не Ежов, а секретарь Западно-Сибирского крайкома партии, «ленинский гвардеец» Роберт Эйхе. Выступая на пленуме ЦК ВКП(б) в июне 1937 года, он сообщил о существовании некой «подпольной повстанческой организации кулаков», действия которой направлены на свержение советской власти. Эйхе потребовал немедленного принятия чрезвычайных мер и особых полномочий для так называемых «троек», в состав которых входили первые секретари, прокуроры и начальники НКВД города, области или края. К его требованиям присоединились и другие «партийные боссы», заговорившие на партийном форуме о сотнях тысяч «врагов народа». И уже через месяц, 30 июля 1937 года, нарком внутренних дел СССР Николай Ежов подписал секретный приказ № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». С этого приказа, в котором указывались семь категорий граждан, подлежащих аресту и в большей части расстрелу, начался Большой террор со «скорострельным правосудием».

Дошло до того, что некоторых высоких руководителей в политике, армии и госбезопасности сначала расстреливали, а потом оформляли приговор трибунала.

Кроме того, репрессируемых делили на две категории. К первой относились «наиболее враждебные». Они подлежали немедленному аресту и по рассмотрении их дел на тройках — расстрелу. Ко второй категории относились все остальные, «менее активные, но все же враждебные элементы». Они подлежали аресту и заключению в лагеря на срок от 8 до 10 лет. «Шлюз» для репрессий был открыт. Начались соревнования. Тот же Эйхе заявил о желании только расстрелять 10 800 жителей Западно-Сибирского края.

В этом рвении ему почти не уступал секретарь Московского городского и областного комитета ВКП(б) Никита Хрущев. Он потребовал приговорить к расстрелу либо высылке 41 305 «бывших кулаков». Этот «борец со сталинским террором» на всех партийных пленумах и других элитных посиделках того времени громогласно вещал:

«Нужно уничтожить этих негодяев. Уничтожая одного, двух,

десятой, мы делаем дело миллионов. Поэтому нужно, чтобы не дрогнула руна, нужно переступить через трупы врагов на благо народа».

Итак, он предлагал на благо народа какую-то часть его лишить жизни, а потом спокойно переступить через трупы внутренних оппозиционеров, конечно же, «врагов народа». А ведь в это время вместе с этим же народом он пел: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью…». Но в той «сказке», которую предлагал розовощекий партократ, «быль» появилась вместе с чудовищной обманкой — обвинениями многих истинных патриотов, сотрудников органов государственной безопасности, участников Великой Отечественной войны в нарушениях социалистической законности. Сотни отсидели в тюрьмах от 5 до 15 лет. Десятки были расстреляны: Лаврентий Берия, Виктор Абакумов, Всеволод Меркулов, Богдан Кабулов, Сергей Гоглидзе, Павел Мешик, Владимир Деканозов, Лев Влодзимирский и другие.

Потом Хрущев прикажет расстрелять и расстреляет рабочих Новочеркасска, вышедших на митинг из-за повышения цен и тарифов. Спустя несколько месяцев обманет рядовых членов партии и более молодое поколение обещанием наступления коммунизма через 20 лет — к 80-м годам. Но вместо него образовался брежневский «застой», а за ним горбачевская «перестройка», приведшая к полнейшей разбалансировке деталей государственной машины. Совершивший государственный переворот Ельцин вовсе взорвал ее, не подвергнув эту самую государственную машину капитальному ремонту.

Вот так и живем незнамо, что строим и куда идем до сих пор. Правда, развернулись в сторону дикого капитализма. Постепенно дичаем, активно делясь на богатых и бедных. Причем вторых появляется все больше и больше!

Однако вернемся к правлению Ежова, именно в тот период, когда заработал «конвейер» смерти… О нем много чего написано — и правды, и лжи. Истина была посередине — дикий террор существовал. По поводу того времени есть смысл привести пример обработки Зиновьева для признания своей вины перед партией.

«Политбюро в последний раз требует от вас разоружиться до такой степени, чтобы для вас была исключена малейшая возможность когда-нибудь снова подняться против партии», — уговаривал Ежов «ленинского гвардейца».

В конце концов Железный нарком сказал Григорию Евсеевичу Зиновьеву (Радомысльскому) (1883–1936), в чем суть этого требования, исходящего от Политбюро: он должен подтвердить на открытом судебном процессе показания других бывших

оппозиционеров, а главное — то, что по уговору с Троцким он готовил убийство Сталина и других членов Политбюро.

Зиновьев с негодованием отверг такое требование:

— Я вижу, настало время, когда Сталину потребовалась моя голова? Ладно, берите ее! Я вижу, что вы все предусмотрели и не нуждаетесь в том, чтобы я клеветал на самого себя. Вот поэтому вы меня и уговариваете. Это нужно для вашего большого суда, чтобы Зиновьев заклеймил себя как преступник? Как раз этого-то я никогда не сделаю!..

Но многие не выдерживали пыток или верили обещаниям сохранения жизни и сдавались, клевеща на других и даже на самих себя. Участь таких решалась быстро.

Ежов провел репрессивные чистки в среде партийцев ленинского периода, потом принялся за руководство армии, а третьим этапом на его кровавом пути была чистка чекистов. Сам Сталин испугался масштабов преступной бесцеремонности подчиненного. Однажды он в сердцах, отдыхая со Ждановым на даче, по поводу наркома внутренних дел заметил:

— Если голова пуста, то голове ума не придадут места!

Наверное, вождь понял, что вину за масштабность репрессий в конечном счете повесят на него. И он их остановил. Однако инерция кулака с зуботычинами и пистолетного выстрела в затылок еще несколько недель гуляла по стране.

10 апреля 1939 года Ежов был арестован при участии Берии и Маленкова в кабинете последнего, куда его пригласили с докладом о проводимых чистках в органах госбезопасности. Ежову вменили в вину, что он со своими сообщниками готовил путч на 7 ноября 1938 года. Его обвинили, что во время демонстрации на Красной площади в Москве он запланировал теракт против Сталина и других руководителей партии и правительства. На суде теперь уже бывший нарком косноязычно и убого заявлял:

«Я почистил четырнадцать тысяч чекистов, но огромная моя вина заключается в том, что я мало их почистил. У меня было такое положение, я давал задания тому или иному начальнику отдела произвести допросы арестованного и в то же время сам думал: ты сегодня допрашивал его, а завтра я арестую тебя. Кругом меня были враги народа… враги везде… В отношении Слуцкого (начальник иностранного отдела НКВД — разведка. — *Авт.) я имел от директивных органов указание: Слуцкого не арестовывать, а устранить другим путем… Так как иначе бы наша вся зарубежная разведка разбежалась. И Слуцкий был отравлен».*

А чистки проходили примерно так. Вот один из примеров.

Когда в предрассветный час опергруппа явилась на квартиру чекиста Леонида Исааковича Чертока, кстати, прославившегося свирепыми допросами Каменева, он крикнул: «Меня вы взять не сумеете!» — выскочил на балкон и прыгнул с 12-го этажа, разбившись насмерть. Феликс Гурский, сотрудник Иностранного управления (разведка. — *Авт.),* за несколько недель перед этим награжденный орденом Красной Звезды «За самоотверженную работу», выбросился из окна своего кабинета на 9-м этаже Лубянки.

Кстати, комплекс зданий НКВД был расположен в самом центре Москвы, и случаи, когда сотрудники наркомата выбрасывались с верхних этажей, происходили на виду у многочисленных прохожих. Слухи о самоубийствах энкаведистов начали гулять по Москве. Никто из населения не понимал, что происходит, потому что действия не поддавались логическому осмыслению и не сообщались в СМИ.

По делам арестованных сотрудников НКВД не велось никакого следствия даже для видимости. Их целыми группами обвиняли в троцкизме и шпионаже и расстреливали без суда. Но кровь — загадочный сок, она проливается на пролившего его.

Это было страшное время, и о нем надо знать и помнить, чтобы не повторилось вновь, хотя некоторые клевреты наркома пытались хитро оправдываться, что невозможно не растоптать яиц, если ты по ним ходишь. Получается, они были слепцами, а потому не могли обойти и наступали на них.

Военная коллегия Верховного суда СССР 3 февраля 1940 года приговорила «дирижера» Большого террора Николая Ежова к «исключительной мере наказания»-расстрелу. Приговор привели в исполнение на следующий день.

Теперь хозяин Кремля стал раскачивать кровавые качели в обратную сторону. Если раньше НКВД уничтожал партию — теперь новая, созданная им партия уничтожала ежовские кадры. Принимаются решения ЦК о контроле партии над НКВД, партийные комиссии начинают «пропалывать» органы, летят головы вчерашних палачей. Откат террора идет через кровь. Через страх. Стихийно и больно для невиновных родственников…

Именно такую обстановку застал молодой чекист Евгений Петрович Питовранов, только что зачисленный в штат оперативников контрразведки.

После Николая Ежова, вплоть до лета 1953 года, Питовранову довелось служить при Лаврентии Берия, которого отличали великие организаторские начала и способности, здоровая деловитость, иногда «больная» исполнительность и частый

авантюризм.

22 августа 1938 года Берия был назначен первым заместителем наркома внутренних дел СССР Н.И. Ежова, а после его ареста Лаврентий Павлович с 22 ноября того же года стал руководить НКВД СССР. Надо признать, что с приходом Берии репрессии в стране резко начали сокращаться: Большой террор в тех масштабах, каким он был, завершился. Иногда историки этот период называют Сталинской «оттепелью» из-за массового освобождения из тюрем осужденных в период Ягоды и Ежова.

Вместе с тем под руководством нового наркома в 1939–1940 годах создается мощная, активно действующая агентурная сеть советской внешней разведки в Европе, Японии и США. В период его правления были уничтожены в мае 1938 года лидер Организации украинских националистов (ОУН. — Деятельность организации запрещена на территории РФ. — *Авт.)* Евген Коновалец, а в августе 1940 года — Лев Троцкий. Последний являлся не только врагом Сталина, но и ненавистником Советской России в разгорающемся пламени Второй мировой войны. На эту тему есть немало конкретных доказательств…

Еще в 1935 году, когда призрак войны вырисовывался все яснее, специальный курьер привез в Москву секретарю Коминтерна Карлу Бернгардовичу Радеку (настоящее имя — Копель Собельсон (1885–1939). — *Авт.)* давно ожидаемое письмо Троцкого, который, после высылки его из Франции, находился в Норвегии. Сгорая от нетерпения, Радек вскрыл письмо и начал читать. На восьми страницах тонкой английской бумаги Троцкий излагал подробности тайного соглашения, который он наконец-то должен был заключить с германским и японским правительствами. После вступления, в котором подчеркивалась «победа германского фашизма» и неминуемость «войны между народами», Троцкий переходил к своей главной теме. Он писал:

«Существует два варианта возможности нашего прихода к власти. Первый вариант — это возможность прихода до войны, и второй вариант — во время войны…

Надо признать, что вопрос о власти реальнее всего станет перед блоком только в результате поражения СССР в войне. К этому блок должен энергично готовиться…

Германии нужны сырье, продовольствие и рынки сбыта. Мы должны допустить ее к участию в эксплуатации руды, марганца, золота, нефти, апатитов и обязаться на определенный срок поставлять ей продовольствие и жиры по ценам ниже мировых.

Нам придется уступить Японии сахалинскую нефть и гарантировать ей поставки нефти в случае войны с Америкой. Мы также должны допустить ее к эксплуатации золота. Мы должны

будем согласиться с требованием Германии не противодействовать ей в захвате придунайских стран и Балкан и не мешать Японии в захвате Китая…

Неизбежно придется пойти на территориальные уступки… Придется уступить Японии Приморье и Приамурье, а Германии — Украину».

По официальной версии осужденный к 10 годам за приверженность к троцкистскому блоку Карл Радек был убит в Верхнеуральском изоляторе для политических заключенных 19 мая 1939 года сокамерником, неким Виктором Вережниковым. Троцкий ликвидирован агентом НКВД Рамоном Меркадером 21 августа 1940 года в Мексике.

18 октября 1941 года Л.П. Берия отдал приказ о расстреле без какого-либо приговора суда или даже решения внесудебного органа 25 подследственных заключенных, включая ряд арестованных военачальников и их жен. Одним из них был заместитель НКО СССР по авиации Герой Советского Союза генерал-лейтенант Павел Васильевич Рычагов (1911–1941) (и его жена — заместитель командира авиаполка особого назначения майор авиации Мария Петровна Нестеренко (1910–1941). - *Авт.).* Всех военнослужащих расстреляли 28 октября того же года в поселке Барбыш вблизи Куйбышева. В дальнейшем они были реабилитированы посмертно. А ведь шли первые дни страшной, опустошительной Великой Отечественной войны, и авиаторов в ВВС РККА так не хватало…

Репрессии начались после состоявшегося 9 апреля 1941 года совещания Политбюро ЦК ВКП(б), СНК СССР и руководящего состава наркомата обороны во главе со Сталиным. Собрание было посвящено вопросам укрепления дисциплины в авиации. На вопрос Сталина о причинах высокой аварийности в ВВС (в ходе катастроф разрушалось от 600 до 900 (!!!) самолетов в год, погибали пилоты. — *Авт.)* молодой, энергичный военлет ответил:

— Аварийность и будет большая, потому что вы заставляете нас летать на гробах!

Сталин позеленел от злости, приняв такой ответ как личное оскорбление. Он, несколько раз пройдясь по узорной красно-зеленой дорожке помещения, дважды промолвил:

— Вы не должны были так говорить! — а потом добавил: — Заседание закрывается.

И первым вышел из зала.

В годы войны Лаврентий Павлович Берия являлся заместителем председателя Государственного комитета обороны (ГКО) и постоянным советником Ставки Главного Командования

Вооруженных сил (ГКВС) СССР. Курировал производство самолетов и реактивной ракетной техники. С 1943 года он руководил Программой создания отечественной атомной бомбы. Под руководством Берии проводилась депортация карачаевцев, чеченцев, ингушей, балкарцев, турок-месхетинцев, курдов и хемшинов. Объяснялись тогда эти мероприятия массовым дезертирством, коллаборационизмом и активной антисоветской вооруженной борьбой значительной части этих народов в годы Великой Отечественной войны.

9 июля 1945 года Л.П. Берии было присвоено звание маршала Советского Союза. С марта 1946 года, вместе со Сталиным, он входил в так называемую «семерку» членов Политбюро. После смерти вождя Берию назначают первым заместителем Председателя Совета министров СССР и министром внутренних дел. Объединенное мощное МВД СССР теперь включало в свой состав существовавшие ранее самостоятельно МВД СССР (1946–1953) и МГБ СССР (1946–1953) годы. Он в это время проводил большую реабилитационную работу. И вдруг 26 июня 1953 года его — Л.П. Берию арестовывают на заседании СМ СССР. «Миротворец», с кровью на обшлагах, Хрущев, решил пустить еще раз «красный человеческий сок». Лаврентия Павловича обвинили в ревизионизме, шпионаже в пользу Великобритании в двадцатые годы и ликвидации советского рабоче-крестьянского строя, моральном разложении, злоупотреблении властью, фальсификации уголовных дел на своих сослуживцев. Таким образом, его обвинили в «заговоре».

Как объективно поведал в своих воспоминаниях заместитель заведующего секретариатом Совнаркома СССР М.С. Смиртюков:

«Никакого “заговора Берии”, о котором так много говорили потом, на самом деле не существовало. Товарищи по Президиуму ЦК арестовали его превентивно. Уж очень они боялись его интриганских способностей… Но заговор был придуман потом, чтобы как-то объяснить массам, за что арестовали самого верного ученика Сталина…».

По приказу Хрущева после его речи по специальному сигналу в помещение вошла группа генералов во главе с маршалом Жуковым, которые и арестовали Берию.

Состоялся суд. Специальное Судебное присутствие Верховного суда СССР 24 декабря 1953 года постановило: приговорить Берию Л.П., Меркулова В.Н., Деканозова В.Г., Кобулова Б.З., Гоглидзе С.А., Мешика П.Я., Влодзимирского Л.Е. к высшей мере наказания — расстрелу, с конфискацией лично им принадлежащего имущества, с лишением воинских званий и наград.

Все обвиняемые в тот же день (!!!) после суда были расстреляны. Торопился почему-то новый вождь Советской России. Приговор Берии привели торопливо в подвальном помещении штаба МВО в присутствии генпрокурора СССР Р.А. Руденко. По одной из версий первый выстрел по собственной инициативе сделал генерал-полковник П.Ф. Батицкий. О суде над Берией и его сотрудниками довольно-таки скупо сообщила печать.

Некоторые историки утверждают, что суд над Берией по формальным законам проходил незаконно. А известный писатель и журналист Е.А. Прудникова и сын Берии Серго доказывали, что Л.П. Берия был убит при аресте по месту жительства: улица Малая Никитская, дом 28. Сегодня в этом доме располагается посольство Туниса.

А весь судебный процесс над ним — фикция, признанная скрыть характер подковерной борьбы партийной элиты того времени во главе с Н.С. Хрущевым за власть в СССР после смерти И.В. Сталина.

Все эти события воспринимались в Советском Союзе однозначно под влиянием ангажированной однопартийной властью пропагандой. Люди верили односторонности СМИ: радио, газетам, журналам, книгам и кинофильмам. Но не все. Немало было и тех, кто понимал… — «король-то голый». Однако Никита Хрущев и его аппарат четко контролировали процесс десталинизации.

Корень зла заключался в том, что «кость от кости и плоть от плоти» люди становились заложниками массированной агитации за правоту нового недалекого и, так же как и другие, кровавого вождя, который требовал, чтобы в его честь «кричали женщины: ура! И в воздух чепчики бросали!». Он «прилежно» чистил свои архивы по Украине и Москве, где руководил партийными организациями, соскабливая и убирая с бумаг бурые пятна безвинно пролитой крови или вовсе сжигая документы. Но он и ему подобные должны были знать, что архивы не горят. Это тоже поводы задуматься и настоящим и будущим пастырям в России и в других странах постсоветского пространства.

Многие понимали и принимали аксиому «Кто сеет ветер, пожнет бурю», но это другая история. В 1964 году внезапно нагрянувший тайфун сдул и его с партийного трона. Правда, без расстрела за глупости государственные и прегрешения перед народом. Купели Силоамской, исцеляющей и обновляющей жизнь в Советском Союзе, он так и не создал, а болезней накликал. Это был второй этап обстановки, в которой приходилось вариться Евгению Петровичу Питовранову. Пройдет еще немного времени,

и народ стал ощущать улучшение жизни. Атмосфера времен 40-50-х миновала, когда люди стояли в очереди за мукой, покупали продукты по карточкам, не всегда были сыты, но тем не менее верили в счастливое будущее, верили в самих себя и были, как это не покажется странным, гораздо добрее, милосерднее, чем сегодня. Наверное, потому, что граждане той поры, не только прошли дорогами страшной войны, а глубоко пережили ее, а может быть, оттого, что не были так хуторски разделены, разобщены, как сегодня: когда главные достоинства — материальный достаток, блага, недвижимость с родней за границей, счета в иностранных банках и сытый желудок, а о доброте, сочувствии, духовности можно услышать в предвыборных выступлениях политиков, в проповедях священников да разве что на телеканале «Культура».

Страшный процесс бродит по миру — расчеловеченье. К великому сожалению проник он и к нам в нынешнюю Россию.

Но вернемся к нашему герою.

Решением ЦК ВКП(б) Е.П. Питовранова 15 декабря 1938 года направляют в распоряжение начальника Управления НКВД по Горьковской области капитана госбезопасности Игната Ивановича Федюкова. После ознакомительной беседы Евгений Петрович Питовранов был назначен на конкретный, достаточно высокий и важный участок в органах государственной безопасности: сразу на должность заместителя начальника отдела Горьковского областного управления НКВД (УНКВД). Карьера в Горьком у Евгения Петровича развивалась успешно. В апреле 40-го года его наградили медалью «За отвагу» и одновременно назначили заместителем к новому начальнику Горьковского управления НКВД капитану госбезопасности Владимиру Владимировичу Губину. А 26 февраля в 1941 года старший лейтенант госбезопасности Е.П. Питовранов был назначен начальником Управления НКВД по Горьковской области. И уже через месяц он получил звание капитана госбезопасности.

Здесь он узнал и о судьбе бывшего начальника Управления НКВД по Горьковскому краю, а потом области комиссара госбезопасности 3 ранга Матвея Самойловича Погребинского. Под угрозой неминуемого ареста в период ежовских чисток чекистов 4 апреля 1937 года он покончил жизнь самоубийством. Со слов сослуживцев Питовранов понял, что Погребинский был порядочной личностью, профессионалом своего дела, честнейшей души человеком с легендарной биографией.

Это его руководство страны послало в 1926 году с письмом от советского правительства и лично от товарища Сталина к Алексею Максимовичу Горькому в итальянский город Сорренто

уговорить «буревестника революции» на поездку по СССР, а затем и вовсе перебраться на Родину. Видно, его доводы были весомые и сработали точно: в этом же году пролетарский писатель отправился в поездку по необъятным просторам Советского Союза. В командировку писателя на Соловки сопровождал М.С. Погребинский.

В середине 20-х годов во время борьбы с детской беспризорностью его по указанию Ф.Э. Дзержинского направляют как весьма подготовленного с высоким общекультурным кругозором работника возглавить только что образованную трудовую колонию в поселок Болшево, что в Подмосковье. По материалам работы этой колонии был написан сценарий к кинофильму «Путевка в жизнь». Премьера фильма состоялась 1 июня 1931 года.

Погребинский не был инквизитором по призванию, хотя ему и пришлось исполнять сомнительные «задания партии». По природе это был мягкий и добродушный человек.

Накануне самоубийства М.С. Погребинский оставил письмо, адресованное Сталину, Письмо, прежде чем попасть в Кремль, прошло через руки нескольких видных сотрудников НКВД. Погребинский писал в нем:

«Одной рукой я превращал уголовников в честнейших людей, а другой — был вынужден, подчиняясь партийной дисциплине, навешивать ярлык уголовников на благороднейших революционных деятелей нашей страны…»

В письме он говорил о чистке «ленинской гвардии», сторонником которой был и по возрасту, и по убеждениям.

Думается, не случайно послали без пяти минут инженера МИИТа Е.П. Питовранова для работы в город с крупным железнодорожным узлом. И здесь Евгений Петрович сразу же проявил себя как порядочный человек слова и дела с ярко выраженным нравственным стержнем. Вот один из поступков молодого оперативника.

Его предшественник находился под следствием — результат «прополки» Ежова чекистских «грядок». Допрос за допросом, но никаких подвижек в сторону реабилитации бывшего начальника отдела не происходило. Уже был осужден и расстрелян самый главный злодей Большого террора и его сподвижники, а дело стояло на месте. По разрешению вышестоящего начальства молодой оперативный работник ознакомился со всеми материалами дела на «врага народа». В конце этого процесса он провел беседу с ним. Глубоко проанализировав материалы пухлой папки, он пришел к выводу о невиновности коллеги. Тут же свои аргументированные доводы Питовранов изложил в

обобщенной справке глубоко изученного им дела. После этого свое мнение доложил начальнику Управления НКВД области. Через неделю узника Горьковского следственного изолятора освободили. Правда, его уволили из органов. Как же он был благодарен молодому сменщику, что оказался на свободе и встретился с семьей. Реабилитированный чекист прошел войну, достойно отвоевал, получил правительственные награды и дожил до глубокой старости. А могло случиться необратимое.

Пройдет много-много лет, и Евгений Петрович в беседе с фронтовиком, сотрудником СМЕРШа, писателем, старшим преподавателем ВШ КГБ СССР, коллегой автора по Совету ветеранов ДВКР ФСБ РФ полковником Андреем Кузьмичом Соловьевым вспоминал:

«Тогда, уже на первой встрече с подследственным коллегой, я понял, насколько уязвим сам чекист, всегда по долгу и характеру своей службы находящийся на самом острие политического противоборства, или, как тогда определяли, «классовой борьбы». Тот или иной его ход, практически любое действие, продиктованное конкретными обстоятельствами, могло, да и сейчас может трактоваться очень произвольно, и нередко — в угоду политической или служебной конъюнктуре.

Долгий разговор, проходивший, как того требовала процедура, в присутствии следователя, меня убедил не только в полной его невиновности, но, наоборот, — в глубоком осознании своего служебного долга, творческом отношении к делу и в святой вере в коммунистическую идею».

Кстати, свое обоснование в докладной записке он подкрепил благодаря от природы гибким и живым умом, мгновенной сообразительностью, железной логикой нового подхода к объяснению события. В частности, он заметил, что «под мудрым руководством товарища Сталина сейчас страна решительно освобождается от тяжелого наследия «ежовщины», о чем в передовой статье “Правды” недавно говорил нарком товарищ Берия…», а дальше шли убедительные обоснования полной невиновности и абсурдности обвинения.

А ведь в период назначения в Горький в 1940 году ему исполнилось всего-то 25 лет. Там же его в 41-м году и застала война. СССР вступил в нее один, без союзников, а на Германию работала почти вся экономика поверженной Гитлером Европы. Это потом, в 1944 году, когда Красная армия практически уже добивала фашистов за пределами нашей госграницы, стремительно приближаясь к берлинскому логову нации № 1, глубоко продуманно англосаксами организуется второй фронт через проведение операции «Оверлорд».

В 1941 году, когда Черчиллю сообщили о вторжении Гитлера в Россию, это известие вызвало у премьера чувство облегчения, поскольку он понимал: после вступления в войну СССР Великобритания «уже больше не одинока». Думая об антифашистской коалиции, правящие круги Англии и США не переставали быть врагами социализма и СССР. Было бы наивно считать, что Черчилль, глубоко ненавидевший коммунистическую идеологию, в корне изменил свое отношение к Стране Советов.

Даже в речи, произнесенной 22 июня о намерении Англии помочь Советскому Союзу, он не скрывал своей ненависти к коммунизму:

«За последние двадцать пять лет никто не был более последовательным противником коммунизма, чем я. Я не возьму обратно ни одного слова, которое я сказал о нем».

В ходе Великой Отечественной войны Черчилль последовательно осуществлял свой стратегический план — добиться максимального ослабления врага номер один — фашистской Германии и истощения союзника военного времени — Советского Союза с тем, чтобы, придя к Столу Победы, продиктовать свою волю и победителям, и побежденным. Он готов был оттягивать открытие второго фронта до последнего. И только жесткая позиция Сталина и вынужденная — Рузвельта на Международной конференции «Большой тройки» в Тегеране в 1943 году заставила Черчилля дать согласие участвовать английским войскам в этой операции. Он испугался наступления негативных последствий из-за высокой скорости приближения Красной армии к границам гитлеровской Германии.

Вот почему выдающиеся ее победы, особенно в ходе Сталинградской битвы с разгромом 6-й полевой армии вермахта, вынудили правительства США и Англии пересмотреть некоторые аспекты своей стратегии и тактики. Недаром старший Рузвельт осенью сорок третьего года говорил своему сыну полковнику Эллиоту Рузвельту: «Ведь если дела в России пойдут и дальше так, как сейчас, то возможно, что будущей весной второй фронт и не понадобится».

Будучи начальником Горьковского управления НКВД, Евгений Петрович Питовранов, просматривая прессу, в свежей газете «Известия» за 22 июня 1941 год обратил внимание на коротенькую заметку, а вернее, сообщение ТАСС под названием «Раскопки гробницы Тимура». В нем говорилось:

«Самарканд. 21 июня (ТАСС).

Сегодня продолжили работы в мавзолее Гур-Эмир. Астрологи и химики подвергли тщательному исследованию останки Тимура.

Ученые обнаружили, что на черепе сохранились остатки волос.

Определена возможность восстановить довольно точный портретный облик завоевателя.

Днем научная экспедиция начала раскопки в другом древнем мавзолее Самарканда — Биби Ханым, названном по имени погребенной здесь старшей жены Тимура. В глубокой нише мавзолея Биби Ханым стоит массивный каменный саркофаг. Археологи поднимают его крышку. На дне саркофага — мумифицированные останки Биби Ханым. Они сохранились гораздо лучше, чем останки других тимуридов».

Пройдет всего пять лет и ему доведется ближе познакомиться в Самарканде с этой историей раскопок и вскрытия гроба Тамерлана перед войной. Но об этом будет рассказано в книге чуть ниже.

С началом войны молодого, энергичного, думающего чекистского руководителя отзывают в Москву и вводят в оперативную группу, состоящую из строителей и железнодорожников, задействованную для создания вокруг советской столицы особого укрепрайона. Видно, руководство Лубянки приняло во внимание знания Е.П. Питоврановым по железнодорожной инженерии.

В самые опасные, черные дни для Белокаменной в октябре — ноябре 41-го Е.П. Питовранова откомандировали в спецподразделение КРО при штабе обороны столицы. Он, вспоминая тот военный марафон войны, с недосыпанием и не регулярным питанием писал:

«За всю войну ни одного выходного дня. И почти ежедневно — острые, рискованные, часто головоломные, но требующие безотлагательного решения военно-чекистские задачи.

Диапазон наших обязанностей был чрезвычайно широким и многоплановым: подготовка и заброска в немецкие тылы диверсионно-разведывательных групп и борьба с вражескими диверсантами на нашей территории, контрразведывательное обеспечение бесперебойной работы оборонных предприятий и транспорта, выявление и ликвидация агентуры противника, забрасывавшейся в массовом порядке, борьба с бандитизмом, представлявшем в годы войны особую опасность.

Пришлось изрядно побродить и по кировским, и по вологодским лесам в поисках диверсионных баз и радиоцентров. Свои операции на вражеской территории часто решали совместно с Пантелеймоном Пономаренко, начальником Центрального штаба партизанского движения, и непосредственно с партизанскими командирами Орловским, Ваупшасовым, Медведевым и другими. Довелось встречаться и с легендарным Кузнецовым — обер-лейтенантом Паулем Зибертом».

Евгений Петрович Питовранов понимал, что Вторая мировая война готовилась всем миром империализма во главе с английскими консерваторами изначально как война против Советского Союза.

Он нередко как человек-интеллектуал с высоким уровнем аналитического ума рассуждал примерно так:

— Достаточно вспомнить, Англия и Франция дают обещание Польше, что они сохранят ее независимость и целостность, и одновременно ведут переговоры с Гитлером об отдаче ему Польши. Сталин понял, какую иезуитскую политическую игру затеяли англичане с французами, и согласился принять настойчивое, неоднократно повторявшееся предложение Гитлера заключить пакт о ненападении между СССР и Германией. Сам по себе этот договор не был направлен против кого-то и поэтому был крайне желателен в сложившейся обстановке. Англия такой договор с Германией тоже имела, а нам его поставила в упрек, объявив его аморальным. Почему? Да потому, что этот договор нарушал все планы Англии. Он если не отменял, то хотя бы откладывал нападение Гитлера на Советский Союз.

Да, Гитлер отложил срочное нападение, сначала расправившись с Францией в 40-м год, и с другими европейскими странами, а потом 22 июня 1941 года он решился вероломно, тремя броневыми клиньями вломится на просторы СССР.

Вломился и сломался!!!

Ему первый раз крепко вломили под Москвой…

Гитлер так обращался к своим солдатам в листовках:

«Немецкие солдаты — вперед на Москву! Убивайте всех, кого только сможете, Русские — бездельники, вечно пьяный и продажный народ, не способный заботиться о богатстве, которое дал им Бог. Это богатство по праву принадлежит немецкому народу. Вперед на Москву — вас ждут победа и слава!»

Но уже через несколько недель лобового стояния в нескольких километрах от советской столицы «продажный народ бездельников и пьяниц» не только остановил наступление немецких войск, но и заставил их существенно сдать свои позиции. Вместо «победы и славы» солдаты вермахта познали голод, вшей, обморожение, гангрену и смерть от переохлаждения и советского оружия. Воевали ведь в летнем обмундировании, надеясь управиться блицкригом в ходе проведения операции «Барбаросса» за пару месяцев. Не получилось.

План фельдмаршала Федора фон Бока «Тайфун», или «Сильный ветер», по окружению и захвату Москвы остался не реализован. На подходе к Москве военная машина Германии забуксовала в размытом осенними дождями глиноземе, потом в

белых сугробах с крепкими морозами, а также из-за мужества советских войск и была вынуждена дать задний ход. Гитлеровское воинство панически отступало под ударами РККА.

Когда после Московского побоища личный архитектор, рейхсминистр вооружений и боеприпасов Альберт Шпеер пролетел на самолете вдоль черной линии разгрома части группы армий «Центр», то увидел на белом российском безмолвии присыпанные снегом остатки разбитой и брошенной боевой техники и окоченевшие в неестественных позах останки людей и лошадей. Он был поражен масштабами невиданных доселе потерь германских войск. С одной стороны, после битвы под Москвой неубедительным стало фаталистическое утверждение, что немцы принципиально непобедимы, а если и проигрывали где-то, то быстро восстанавливались. А с другой — Красная армия почувствовала, что немца можно бить, и крепко бить. Да, это была предельно жестокая учеба для советского народа, воинов Красной армии, разведчиков и контрразведчиков, партизан и тружеников тыла.

Но советская страна выстояла и дошла в который раз до Берлина. Недаром германский Железный канцлер — Отто фон Бисмарк пророчествовал:

«Никогда ничего не замышляйте против России — на любую нашу хитрость они найдут свою глупость. Славян невозможно победить, мы убедились в этом за сотни лет…

Могущество России может быть подорвано только отделением от нее Украины…Необходимо не только оторвать, но и противопоставить Украину России, Для этого нужно только найти и взрастить предателей среди элиты и с их помощью изменить самосознание одной части великого народа до такой степени, что он будет ненавидеть все русское, ненавидеть свой род, не осознавая этого. Все остальное — дело времени».

Сегодня мы видим ошибки, просчеты и преступления как российской, так и украинской олигархической элиты. Но это другая тема для разговора…

Оперативные университеты

Истинная дружба — медленно растущее дерево; она должна претерпеть потрясения от несчастий, прежде чем заслужить свое название.

Джордж Вашингтон

Известное выражение «Фронт без линии фронта» соответствовало ситуации в глубоком тылу Красной армии в районах Советского Севера, Поволжья, Приуралья и Сибири. Настоящий фронт с траншеями, блиндажами, капонирами, кинжальным огнем свинца, артиллерийской канонадой, отражениями броневых и пехотных атак, наступлениями, отступлениями и оборонами был далеко от указанных выше географических территорий. Но именно сюда, в наши тыловые кузницы, противник забрасывал сотни агентов и диверсантов. Это было настоящее шпионское половодье, так как немецкое военное командование полностью осознавало особую стратегическую значимость данных промышленных регионов.

Оперативный состав территориальных органов НКВД и НКГБ Вологодской, Кировской, Горьковской, Куйбышевской и других областей глубокого тыла Красной армии был массово задействован в борьбе с агентурой противника. Чекисты одной области помогали своим коллегам другой в операциях по обнаружению и задержанию гитлеровских агентов — наймитов: разведчиков, радистов, диверсантов и террористов.

Евгений Петрович Питовранов, руководя оперативниками госбезопасности Кировской области, по службе, в ходе взаимодействия был знаком с начальником Управления НКВД по Вологодской области майором госбезопасности Львом Федоровичем Галкиным. С ним и его коллективом вместе со своими оперативниками пришлось участвовать в совместных операциях по поиску заброшенной вражеской агентуры. Начальники и подчиненные в то грозное время находились в одинаковых условиях, в одном, как говорится строю, особенно при проведении острых поисковых мероприятий. Бродили лесами и подлесками, топкими болотами, холмистыми участками, заснеженными полями и глубокими оврагами, выслеживая небесных пришельцев врага.

Именно в лесах на границе Вологодской и Кировской областей были частично захвачены или полностью уничтожены участники диверсионно-разведывательных и террористических абверовских групп. К ним относились и две крупные банды «Мурзы» и «Слепого», наводивших ужас на местное население и прорывающихся к промышленным центрам Поволжья для организации подрывной, в первую очередь диверсионной работы.

Здесь, в ходе успешного проведении и ликвидации одного из немецких парашютных десантов, Евгений Питовранов познакомился и подружился с вологодским чекистом капитаном госбезопасности Борисом Семеновичем Ивановым. Таких операций в то время проводилось десятки.

Вот как Питовранов с Ивановым вспоминали об одной из операций того времени в Москве в далеком уже 1948 году:

— А помните, Борис Семенович, как мы за Мурзой гонялись? Находили следы пребывания банды и его самого, а потом их теряли. Хитер был прохвост: за одну ночь так обработал деревенскую бабенку, что она поклялась нашим оперативникам розыска в давнем, якобы еще довоенном с ним знакомстве. И документы в полном порядке были. Помнится, когда мы Мурзу обнаружили, поначалу поверили в правдоподобность его объяснений, пришлось даже инструктировать, давать задание о действиях постояльца на случай появления в тех краях подозрительных личностей. А «бдительная» соседка, наверное, из-за ревности, что ли, на него взяла и донесла. Женское соперничество — страшная вещь.

— Согласен, для женской психологии это нормально… А помнишь, как Слепого брали, несколько ребят положили?.. У него и фамилия подходящая была Гаденко, кажется… Сволочь был еще та — законченная…

— Это который на допросе пальнул в вас? Только из чего? Не обыскали, как следует?

— В его протезе болт вроде какой-то был съемный… А он попросил ослабить протез — ногу натер, что ли. Нагнулся, ну а потом и пальнул. Я-то увернулся, а вот помощнику моему досталось. Первый раз мы с такой хитростью столкнулись. Зато как он потом молотил под нашу диктовку после перевербовки! Душ двадцать этого отребья мы на нашу сторону перетащили… Работали на нас дружно и честно.

— Понимали, что их ждет, если отойдут в сторону от продиктованной им нами линии поведения…

— Да, есть что вспомнить!..

Заслуги Евгения Петровича во время службы в Кирове были отмечены орденами Красной Звезды и Боевого Красного Знамени,

а также повышением в звании. В феврале 1943 года, при введении новых званий, он становится комиссаром госбезопасности, что соответствовало генерал-майору в армии. А в следующем году молодого и перспективного чекиста перевели в более важный регион. Он сменит 22 марта 1944 года Сергея Ивановича Оголыдова на должности начальника Управления НКГБ по Куйбышевской области, второй столицы Советского Союза военного времени. Сергей Иванович убыл на повышение: он был назначен наркомом госбезопасности Казахской ССР.

Кроме того, Питовранов принимал активное участие совместно с особистами, а потом смершевцами ГУКР НКО СССР из аппарата В.С. Абакумова в проведении продолжительных и эффективных радиоигр с противником. Надо отметить такую данность: военные контрразведчики за войну провели 183 таких оперативных сражений в эфире.

Евгений Петрович участвовал в двух радиоиграх с разведцентрами абвера под кодовыми названиями «Хозяин» и «Подрывники». Есть смысл ознакомить читателя с этими успешно проведенными советскими контрразведчиками эфирным дуэлями…

В начале марта 1942 года при проверке документов воинский патруль задержал на станции Бабаево Вологодской области вызвавшего подозрение военнослужащего. Он был одет в форму лейтенанта Красной армии. По предъявленным документам командир значился Орловым. Когда его доставили в местный отдел НКВД, он признался, что является агентом-парашютистом, прошедшим специальное обучение в немецкой разведшколе. Переброшен в тыл Красной армии в ночь с 27 на 28 февраля в составе группы из трех человек. Вскоре, по приметам, названным задержанным агентом, были арестованы и два его напарника. Орлов признался, что на самом деле его настоящие имя и фамилия Николай Алексеенко. Проходил службу матросом на Балтийском флоте. В октябре 1941 года в одном из боев попал в плен. В Рижском лагере для военнопленных с ним познакомился немецким военный разведчик и через некоторое время провел вербовку матроса. Потом его учили на радиста в разведшколе эстонского города Валги. После окончания подготовки с двумя курсантами этой школы Диевым и Лихогрудом был самолетом доставлен в Псков. Здесь их экипировали: одели в красноармейскую форму, снабдили рацией, оружием, фиктивными документами и деньгами. Самолетом «Юнкерс-87» агентов забросили за линию фронта с заданием сбора разведывательной информации о формировании на Вологодчине и приближенных к ней территориях других областей воинских

частей и характере проходивших воинских эшелонов по Северной железной дороге.

Контрразведчики решили начать радиоигру под названием «Хозяин» с использованием радиста Алексеенко. Предварительно они выехали на место выброски группы и там отыскали спрятанную рацию и двух напарников. Затем заставили агента связаться с разведцентром и сообщить, что группа благополучно приземлилась, обосновалась на частной квартире в Вологде и готова приступить к работе. Так началась операция по дезинформации противника, который поверил в дееспособность «…по-настоящему боевой группы». Дважды Алексеенко обращался за помощью в разведцентр прислать ему дополнительно личные документы, деньги, батареи для рации. Оба раза эти просьбы немцы удовлетворяли.

7 декабря 1942 года разведцентр направил к Алексеенко агента-связника, перебросив его на самолете через линию фронта. Он привез новые фиктивные документы, оружие, теплые вещи и 60 тыс. рублей. Его задержали, потому что к этому времени задача по дезинформации противника, поставленная командованием Красной армии, была выполнена. В отправленной в разведцентр шифровке легендировалось, что группа попала в облаву, один из них ранен, в Вологде оставаться опасно, поэтому двинулись на восток. Таким образом «Орлова» вывели из «игры», а материалы по этому делу в дальнейшем использовало Главное управление военной контрразведки СМЕРШ в своих интересах.

Другой «игрой» в эфире с противником была операция «Подрывники».

16 октября 1943 года над территорией Харовского района немецкая разведка сбросила на парашютах группу агентов-диверсантов численностью в пять человек. Они прошли подготовку в известной нашим оперативникам разведшколе местечка Печки в Эстонии. Всех агентов задержали. На допросе они показали, что им поручено подготовить место для приема второй группы «небесных гостей». Цель — осуществить ряд крупных диверсионных актов на Северной железной дороге. Учитывая особую опасность акции, которую готовила немецкая разведка, контрразведчики решили начать с разведцентром противника радиоигру, навязав свои условия для приема основной группы.

Захваченного радиста первой группы чекисты заставили доложить в центр о благополучном приземлении и начале поиска удобного места для высадки очередного десанта. Вскоре пришла шифровка: выброска произойдет в ночь на 28 октября. Конкретное место выброски было окружено засадой из отряда

оперативников и бойцов истребительного батальона. Организаторы засады ждали трое суток, но парашютисты не появились. На четвертый день пришла радиограмма о том, что 1 ноября сброшено 14 человек, но самолет сбился с курса, и диверсанты приземлились в 50 километрах восточнее условленного места. Там вскоре и задержали парашютистов. На допросах диверсанты сообщили, что, соединившись с первой группой, они должны ждать выброски третьей.

По требованию советских контрразведчиков радист второй группы передал в центр, что приземлились удачно и соединились с первой группой. 11 ноября немцы сбросили еще одну — третью группу. При приземлении все парашютисты тоже были задержаны. Эти успехи контрразведчиков свидетельствовали о росте их профессионализма в борьбе с диверсантами — нигде «не прокололись».

Кроме заброшенных диверсантов последней группы на месте их приземления оперативники нашли парашютные тюки с 4 пулеметами, 33 автоматами, 500 килограммами взрывчатки, ящиком с минами, 18 коробками с патронами, деньгами, различным снаряжением, обмундированием и продуктами питания.

Можно себе представить, что могли «натворить» только эти конкретные три группы в тылу Красной армии, а ведь таких заброс ок были сотни. Руководители областных управлений НКВД и НКГБ Вологды, Кирова, Горького, Куйбышева, Пензы и других тыловых городов делегировали в засады и поисковые отряды своих лучших розыскников. Нередко начальство участвовало в подобных операциях и само.

В радиоиграх «Хозяин» и «Подрывники» на разных этапах их проведения принимали участие Евгений Петрович Питовранов и его боевой побратим Борис Семенович Иванов. Изучая материалы на эти два звена в служебной цепочке Питовранов — Иванов, автор нашел интересный документ — рапорт, подписанный капитаном госбезопасности Ивановым об очередной выброске с немецкого самолета. Приведу его содержание:

НАЧАЛЬНИКУ УПРАВЛЕНИЯ НКГБ ВО
(Вологодской области. — *Авт.*)
полковнику госбезопасности тов. Галкину, г. Вологда
от начальника Чёбсарского РО НКГБ
капитана госбезопасности Иванова
РАПОРТ

В 0 часов 10–12 минут 27.08. 1943 г. патрулирующие поселок Чёбсара и сообщением ВНОС (Войска воздушного наблюдения, оповещения и связи. — *Авт.*) *было установлено, что с севера на*

юг через райцентр Чёбсара пролетел самолет не установленной государственной принадлежности и в районе совхоза Думино виражил с приглушением моторов.

Принятые меры, проверка по телефону об обнаружении людей, грузов или листовок в ночной период успехов не дали. Была ориентирована группа содействия совхоза.

В 4 час 30 минут из почтового агентства Еремеево мне на квартиру звонил по телефону неизвестный, назвавшийся Соловьевым, сказал, что он является лейтенантом, старшим группы парашютного десанта из трех человек. Я выехал на место, где старший группы Соловьев предложил принять от парашютистов оружие, документы и техсредства связи.

Нач. Чёбсарского РО УНКГБ ВО

капитан госбезопасности (Иванов)

27 августа 1943 г.

Были и такие случаи, когда на оперативников выходила немецкая агентура, не желающая работать на гитлеровцев. Задержанный со своими напарниками Сапожников, он же Игнатий Герасимович Соловьев, сообщил, что им было поставлено задание в течение 10 дней передавать разведданные по железнодорожным перевозкам на станциях Тихвин и Волховстрой, а затем перейти через линию фронта в штаб разведки в Пскове.

В дальнейшем с ними разбирались сотрудники СМЕРШа и следователи…

Служебная хронология нашего героя такова: перед войной и в годы военного лихолетья Питовранов возглавлял вначале Горьковское (1940–1942), затем Кировское (1942–1944) и Куйбышевское (1944–1945) областные управления НКВД — НКГБ, хотя практически вынужден по долгу службы часто выезжать в Москву на доклад к руководству. За вклад в оборону Москвы он был отмечен двумя правительственными наградами — орденом «Знак Почета» (1942) и медалью «За оборону Москвы» (1944).

Однако вернемся в город Горький (ныне — Нижний Новгород. — *Авт.)*. Он не носит гордых званий ни Города-героя, ни Города воинской славы. Во время Великой Отечественной войны город был крупнейшим поставщиком военной техники, в силу чего подвергался массированным бомбардировкам вражеской авиации. Кстати, мощнейшим бомбардировкам во всем Среднем Поволжье.

Почти за четыре военных года в Горьковской области было сформировано 56 соединений и частей Красной армии. Для нужд фронта здесь, в Горьком, были созданы: каждый второй автомобиль, каждый третий танк и каждая четвертая

артиллерийская установка. Именно в этом городе родилась легендарная «полуторка» — ГАЗ-АА, сослужившая добрую службу на фронтах. В Горьком собирали: танки Т-34 и Т-60 — по 20 машин в сутки, ракетные снаряды к «Катюшам», минометы, автомобильные моторы, самолеты Ла-5 и Ла-7 и другие вооружения. Кстати, эти скоростные и маневренные самолеты полюбились Ивану Кожедубу, и на них он достойно сражался в небе с немцами всю войну.

Помниться, 6 мая 1988 года, накануне очередного Дня Победы, Ивана Никитовича как земляка родителей автора он пригласил на встречу с военными контрразведчиками. В своем выступлении трижды Герой Советского Союза дал высокую оценку самолетам Лавочкина, на которых летал до последнего дня военного лихолетья: «Скажу вам, это были, на мой взгляд, самые надежнейшие машины, которые готовились в Горьком. Мы переплюнули хваленные истребители люфтваффе по скорости, маневренности и вооружению».

В конце встречи автор прочел свое стихотворение «Последний бой над Берлином», посвященное героическому пилоту истребительной авиации. Остались фотографии стой памятной встречи…

Запомнился Е.П. Питовранову жуткий, массированный налет немецкой авиации на город 21 ноября 1941 года. Цель у немцев была одна — уничтожить в первую очередь автозавод, а потом и другие промышленные объекты. Следует отметить, что врагу удалось разрушить, причем быстро, многие предприятия, но также скоро они были восстановлены жилистыми руками горьковчан благодаря выдающимся способностям все тех же местных жителей и руководящей роли Центра.

Вообще период работы Евгения Петровича Питовранова в Приволжских областях дал ему толчок для дальнейшего оперативного роста. Участие в различных ролях в оперативных играх: «Монастырь», «Березино», «Семен», «Друзья» и других, с абвером через засланную агентуру, борьба с бандитизмом, склонение британского журналиста попросить политическое убежище в Советском Союзе, подсказка Сталину по претензиям американского посла Аверелла Гарримана, личное участия в операциях по выявлению баз и схронов с оружием и шпионской экипировкой немецкой агентуры обогатили чекистский кругозор молодого руководителя, хотя стаж его оперативной работы к концу войны определялся всего лишь пятью годами. Удивительное время рождало удивительных людей — не правда ли?!!

В марте 1943 года в Горьком начала действовать радиоточка.

На ней работали два советских разведчика Иван Никифорович Коцарев и его напарник Николай Лукич Палладий, исполняющий роль радиста. Противник получал военную дезинформацию, рекомендованную Генштабом Вооруженных сил СССР по частям Красной армии о количестве эшелонов, проходящих через Горький, их содержании и сосредоточении объектов военного производства на территории города и области.

В ходе проведения радиоигры возникла надуманная ситуация — в Центр полетела шифровка о проблеме с севшими батареями, а это — утеря, как известно, связи. Немцы среагировали моментально и прислали двух курьеров с деньгами и свежими батареями. Их тут же арестовали, но на допросах оба заявили, что они должны вернуться в разведцентр по предложению Е.П. Питовранова. Вместо них решили направить И.Н. Коцарева, который благополучно перешел линию фронта, прошел проверку и был награжден немецкой медалью «За храбрость». Ему было присвоено звание лейтенанта так называемой Русской освободительной армии (РОА). 1 мая 1944 года его переправили через линию фронта, сбросив с самолета на парашюте с новыми батареями для рации, кварцами и топографическими картами. Игра с абвером продолжалась до весны 45-го года. За это время в «ловушку» попали еще два курьера с различной шпионской экипировкой.

В мае того же года по инициативе Питовранова началась радиоигра «Семен», в которой принимал участие советский разведчик Семен Афанасьевич Калабалин, воспитанник колонии известного педагога А.С. Макаренко. В начале войны он был выведен в качестве зафронтового разведчика в тыл наступающей немецкой армии. Таким образом он «оказался» в плену. Затем учеба в Варшавской разведшколе по программе агента-радиста. После завершения учебы был сброшен с самолета на окраину Горьковской области. Цель — организация наблюдения за работой железнодорожного узла в городе Горьком и добыча разведывательной информации по другим вопросам. Сразу же после приземления начался интенсивный радиообмен между агентом и Центром. Для проверки доверия Берлина к своему шпиону советские контрразведчики создали ситуацию с требованием прислать курьера. Повод тривиальный — разрядка батарей для радиостанции.

27 июня 1943 года два курьера прибыли в Горький по месту проживания Калабалина и тут же были задержаны. Сама радиоигра продолжалась еще до декабря 44-го года из-за передислокации разведцентра абвера вглубь Германии.

Одной из самых успешных операций, проведенных

советскими контрразведчиками против спецслужб Третьего рейха, была радиоигра «Монастырь», перетекшая со временем в ее продолжение «Березино». Она продолжалась в течение четырех лет — с 1941 по 1944 год. Руководил операцией Павел Анатольевич Судоплатов, впоследствии возглавивший 4-е управление НКВД. Суть — группа оперативных работников госбезопасности легендировала создание подпольной организации под названием «Престол». В качестве наживки для абвера выступал советский разведчик А.П. Демьянов, проходивший по нашим документам под псевдонимом Гейне. После перехода линии фронта и «вербовки» немцами он для них стал агентом Максом. Последний заявил, что является участником антисоветской организации «Престол», руководство которой находится за стенами Новодевичьего монастыря. Для показа надежности существования антисоветской организации Гейне захватил текст стихотворения под названием «Немцам». Оно было написано известным за границей советским поэтом с антисоветским душком Борисом Садовским, якобы одним из организаторов и руководителей монархического «Престола». Стихотворение датировано было июнем 1941 года. Добро на его доведения до немцев было получено на уровне руководства Лубянки:

Христос воскрес!. Спешите братья!
Из мглы кровавой октября
Мы простираем к вам объятья,
Зовем свободу, ждем царя!
Он возвратит нам рай святыни,
Свободный труд и честный торг,
Забьют фонтанами пустыни,
В сердцах заискрится восторг!
Да сгинет шайка негодяев,
Кем опозорена Москва,
Кто нас учил, как попугаев,
Твердить дурацкие слова!
Христос воскрес! Отныне снова
Пребудет с нами, как и встарь,
Заветное, святое слово:
Самодержавный русский царь.

По мнению Гейне, оно сыграло положительную роль в оказании советскому разведчику доверия со стороны немцев.

После перепроверки Демьянова, даже с имитацией расстрела, он был срочно переброшен на советскую территорию. Ему поверили полностью. Через две недели Макс передал «собранную» шпионскую информацию. А спустя месяц сообщил шифровкой, что устроился офицером связи при начальнике Генштаба маршале Борисе Михайловиче Шапошникове. Дезинформация готовилась качественная. Работой над текстами шифровок занимались опытные сотрудники госбезопасности Виктор Николаевич Ильин и Михаил Борисович Маклярский.

В дальнейшем А.П. Демьянов принял участие в другой операции НКГБ «Березино», логическом продолжении операции «Монастырь». Оперативная игра советских спецслужб до завершения войны так и не была раскрыта германской разведкой. В написанных после войны мемуарах Вальтер Шелленберг с пафосом отмечал, что абвер имел своего человека в подчинении маршала Шапошникова, от которого спецслужба вермахта получила немало ценных материалов. Когда же от немцев увеличилось, почти что в геометрической прогрессии, число курьеров, операция перешла в третью фазу своего развития — «Курьеры».

А тем временем немецкое наступление продолжалось с 17 июля по 18 ноября 1942 года в целях перекрытия гитлеровцами транспортных коммуникаций, направленных в сторону Москвы, захвата большой излучины Дона, Волго-Донского перешейка и города Сталинграда. Если бы вермахту удалось решить задачу захвата этого города на Волге, характер войны мог оказаться совсем другим. Нужно было срочно перехитрить противника.

Разведывательную дезинформацию готовили на самом высоком уровне — в Генштабе ВС СССР и даже в Ставке ВГК. Так, Гейне отправил в Центр германской военной разведки фальшивку о том, что готовится крупное наступление по двум направлениям — под Ржевом и на Северном Кавказе. Немцы стали собирать силы, оголяя другие участки фронта. Маршалу Г.К. Жукову было приказано Ставкой прибыть под Ржев из-под Сталинграда — там им готовилась стратегическая наступательная операция под кодовым названием «Уран».

Узнав о прибытии советского маршала, немцы еще больше усилили свою оборону. Начатое наступление Красной армии подо Ржевом гитлеровцы успешно отразили. Эта стратегического уровня «ошибка» стоила нашим войскам больших потерь — около 250 тысяч убитых и раненых. Даже Жуков не знал о подготовленной обманке фашистского командования и, конечно, был сильно раздражен на Сталина за свой проигрыш.

Зато настоящей «ахиллесовой пятой» для немцев оказалось

неожиданное стратегическое наступление Красной армии несколькими фронтами под Сталинградом, начавшееся 19 ноября 1942 года. Оно завершилось полной победой советских войск. Вторая полевая армия неприятеля под командованием генерал-фельдмаршала Фридриха Паулюса была практически перемолота в Сталинградском котле. В плен сдались более 240 тысяч приморожeнных «арийцев».

Во всех этих радиоиграх принимал активное участие на разных уровнях выполнения конкретных поручений и Евгений Петрович Питовранов.

Автор решил отметить величье Сталинградской победы речью Рузвельта, произнесенной 22 ноября 1942 года в Вашингтоне, которая, к великому сожалению, почему-то не была опубликована нас:

«Сегодня в мире произошли два великих события. Произошли на разных концах света. Но очень тесно связаны. 3-я армия Соединенных Штатов под командованием генерал-майора Джорджа Смита Паттона — младшего пересекла границу Марокко и Туниса… Это — первый боевой опыт США на новом театре войны. Я верю, что мы выполним этот опыт достойно. Достойно наших храбрых союзников.

И сегодня, 23 ноября 1942 года, на русской реке Волге, у русского города Сталинграда встретились воины двух фронтов. Это великое событие. В кольцо попали 22 немецкие дивизии — сильные, мощные, страшные. Немцы рвались к Волге. Они хотели испить воду из великой русской реки. Советская армия превратила в кровавое месиво лицо врага. Русские мстят. Эта месть священна. Битва разгорается в тысячах километров от нас с вами. Но влияние скажется именно на нас с вами. История творится сейчас там. Русские, большие и малые — все как один встали, поднялись и сказали «Нет!» Германии, Гитлеру, его прихвостням в Европе. Русские осознавали, на что они шли. Они шли на войну, священную, бесчеловечную. Нам этого не понять, ибо нога врага не была на нашей земле полтора века.

Спасибо русскому народу, народу-герою! Он принял на себя всю тяжесть войны, не прогнулся, не струсил, выстоял! Я призываю вас быть достойными наших великих союзников на Востоке, сражающихся отчаянно, бесстрашно!

Если б я только мог, я первым встал бы на колени перед этими людьми. Я прошу вас, дорогие мои американцы, помогайте этим людям, молитесь за них, за этих людей! Помните, что они погибают и за нас с вами. Это великие люди!»

А фронтовик-поэт, танкист Сергей Орлов в стихотворении «Сталинград» высказался об этой волжской твердыне так:

Открытые степному ветру
Дома разбитые стоят.
На шестьдесят два километра
В длину раскинут Сталинград.
Как будто он по Волге синей
В цепь развернулся, принял бой,
Встал фронтом поперек России —
И всю ее прикрыл собой!

Сталинград стал поворотным пунктом в Великой Отечественной войне, которая после суровой битвы за город-герой медленно, но неуклонно покатилась на Запад.

Вот она истинная оценка людей того периода, которые по Битве прошли, как по бритве, защищая Отчизну свою.

Во время работы в Кирове и Куйбышеве Е.П. Питовранов участвовал в операциях по выявлению и обезвреживанию вражеской агентуры «Цеппелина», выброшенной на парашютах с самолетов над территорией Поволжья. С одной из таких операций Гиммлера и Шелленберга под кодовым названием «Ульм» есть смысл познакомить читателя. Если в начале войны спецслужбы Третьего рейха основное внимание уделяли выяснению через агентуру оперативных данных, т. е. стремились получать военные сведения преимущественно в районах, примыкающих непосредственно к линии фронта, то в дальнейшем, не ослабляя внимания к этой линии, они стали серьезно интересоваться и глубоким тылом СССР с использованием сил и средств тактической разведки.

Так, вторая линия агентурного проникновения включала основные транспортные узлы и коммуникации в центре и на востоке европейской части Советского Союза, питавшие фронт войсками, боевой техникой, боеприпасами и другими необходимыми грузами.

Третья линия стратегической разведки охватывала районы сосредоточения основных промышленных и оборонных объектов на Урале, в Сибири, республиках Средней Азии и Закавказья. Однако действия фашистской разведки с первых ее шагов натолкнулись на мощный оборонный щит в лице органов государственной безопасности, милиции и истребительных батальонов нашей страны.

В Кировской и Куйбышевской областях крест на планах разведслужб Германии поставили сотрудники управлений НКВД

— НКГБ, которыми руководил соответственно с 1941 по 1943 год и с 1943 по 1945 год Е.П. Питов-ранов.

Город Киров в числе других был тоже оружейной кузницей. На не останавливающих заводах работали стар и мал круглосуточно в три смены. В начале 43-го Кировский машиностроительный завод им. 1 мая получил срочное задание ГКО быстро освоить выпуск новых деталей для «катюш». Рабочие спали прямо у станков, потеряв счет часам и сменам. Четверостишье местного поэта стало своеобразным эпиграфом тех эпохальных дней:

Ты знаешь — это ты видал
Цеха бессонные, в которых
Из гнева плавился металл,
И слезы превращались в порох…

Наверное, эти строки слышал в то время и Евгений Петрович, часто бывавший в цехах завода. Кировские предприятия за годы войны выпустили 4178 танков и САУ-76, 1820 «катюш», 2 млн минометов, немало судов и аэросаней, лыж, кожаной обуви, валенок и полушубков. Угрозыск возглавлял в Кирове М.И. Кругов, коллега Е.П. Питовранова. Он много делал для борьбы с беспризорностью и безнадзорностью среди несовершеннолетних. Война — это беда не только для взрослых, но еще большая — для детей…

Генрих Гиммлер, глава СС, рейхсфюрер, предложил Главному управлению имперской безопасности (РСХА) дерзкий план по выводу из строя советской металлургической и химической промышленности. Согласно его замыслу, в Поволжье и Приуралье необходимо было десантировать несколько диверсионных групп. По общему замыслу, разделившись, они должны будут разойтись по заранее намеченным маршрутам и в назначенное время одновременно вывести из строя электростанции, линии высокого напряжения и некоторые заводы, выпускающие продукцию стратегического значения. Планировалось таким образом отсалютовать в Берлин. Надо отметить, что крупные предприятия охранялись более надежно и туда пробраться диверсантам было труднее, поэтому выбор пал на заводы малой мощности.

Этой работой РСХА начало заниматься с 1942 года, создав в своем управлении разведывательный орган, так называемое «Предприятие Цеппелин». Данная спецслужба черпала кадры в основном из белоэмигрантов, советских военнопленных и

перебежчиков. Все они давали согласие на сотрудничество с Великой Германией. Таким образом, в Освитце, пригороде Бреслау, собрали группу «Ульм» численностью чуть более 70 человек. Все они курсанты ваффеншулле — разведывательно-диверсионной школы. Их серьезно готовили к будущей диверсионной работе в тылу Красной армии.

Кстати, операция была названа в честь баварского города Ульм. В кампании 1805 года Наполеону удалось заманить сюда австрийскую армию генерала Макка, в которой служили и германцы, и принудить ее сдаться в битве при Ульме. Получается, что Гиммлер плохо знал отечественную историю, а поэтому чисто с мистических соображений напророчил гибель операции, названной в честь этого города.

Об одной из таких групп, с которыми боролись и сотрудники Куйбышевского управления НКГБ во главе с генерал-майором Е.П. Питоврановым, пойдет рассказ.

17 февраля 1944 года тяжелый трехмоторный транспортник «Юнкерс-52/3м» вылетел с рижского аэродрома. На борту самолета находилось семь диверсантов из «Цеппелина»: Марков, Тарасов, Гареев, Кинеев, Стахов, Андреев и Грищенко, а также тюки с грузом для обеспечения их жизнедеятельности. Группу возглавлял Тарасов — бывший морской офицер. Через Крым он в 1920 году покинул Россию, осел в Белграде, где в морском училище преподавал навигационное дело. Он всеми фибрами души ненавидел Советскую Россию и таким образом, без сомнения пошел на сотрудничество с немецкой разведкой. В грузовые мешки для группы были включены пайки с продовольствием на несколько месяцев, оружие — ножи, пистолеты ТТ, автоматы ППШ, взрывчатка и 500 тысяч советских рублей. В Пскове самолет дозаправился и, набрав нужную высоту, взял курс на восток. Но из-за возможной неисправности топливомера, лобового сильного ветра и густой, многослойной облачности, боясь пройти «точку невозврата», а может, из-за ошибки штурмана диверсантов выбросили в 300 км от цели. Разбросанные на километры по тайге они не имели возможности собраться вместе. Сильные морозы, метели, труднопроходимое густолесье негативно вмешались в их судьбы. Маркова, угодившего на высокое дерево, удавили запутавшиеся стропы. С обмороженными ногами и видя безвыходность ситуации, руководитель группы агентов Тарасов, радист Гареев и второй радист Кинеев застрелились.

Выживших диверсантов настиг голод. Вплоть до начала марта они искали в снегу выброшенные с самолета грузы. Чтобы не пасть жертвами диких морозов, они в лесу соорудили землянку.

Ни о каком выполнении задания не могло быть и речи. Выжить — вот главная цель, которую они поставили перед собой. К лету закончились все немецкие пайки, а поэтому голод погнал пришельцев с неба к людям.

Проголодавшихся и обмороженных диверсантов: Стахова — подпоручика Врангелевской армии, Андреева — красноармейца из числа военнопленных и Грищенко — старшего лейтенанта, командира артиллерийской батареи 8-го стрелкового полка, попавшего в плен, задержали бдительные местные граждане у деревни Бисерово Кировской области. Крестьянам показалась подозрительной их просьба продать продукты. Скоро «помятых красноармейцев» селяне, вооруженные топорами и вилами, передали правоохранителям.

Однако низкая идейная мотивация набранных из военнопленных РККА и белоэмигрантской среды диверсантов, недооценка реалий охраны советского тыла, а также система контрразведывательных мер органов госбезопасности и властей обусловили крах все попытки проникновения немецко-фашистской агентуры вглубь советского тыла для нанесения значительного ущерба военно-промышленному комплексу (ВПК) страны.

На допросах троица показала, что они должны были совершать диверсионные и террористические акты на территории Приволжья и Приуралья. После следствия состоялся суд. Они были осуждены на 15, 10 и 8 лет соответственно…

Сталин замечает…

Настоящая слава — это когда ваше имя ценится дороже, чем ваша работа.

Дэниел Бурстин

На вопрос: как становятся люди без блата и родственных лифтов фаворитами большого начальства даже вождей? — можно ответить только словами: заслуженно ярким умом, решительностью и мужеством в характере. Они сильными мира сего и замечаются. Но, для того чтобы имя стало нарицательным и оно ценилось дороже вашей работы, нужно красиво и умно сделать эту самую работу.

Октябрьским стылым днем 1943 года нарком госбезопасности СССР Всеволод Николаевич Меркулов по вызову Сталина завершил еженедельный доклад Верховному Главнокомандующему о проделанной работе по линиям контрразведки и разведки. Разговаривать со Сталиным ему всегда было трудно — он чувствовал себя неуютно при общении с ним. Всеволод Николаевич боялся не только хозяина кабинета, но и сам кабинет, не приносивший успокоения и радости при посещении. И ему всегда очень хотелось быстро покинуть кабинет, готовясь услышать наконец-то фразу: «Вы свободны!»

В.Н. Меркулов обычно очень переживал, когда Сталин задавал ему какие-либо уточняющие вопросы, на которые, как правило, у него не зарождалось в голове окончательно проработанных, точных ответов, какие бы хотел услышать Верховный Главнокомандующий.

Вдруг Иосиф Виссарионович посмотрел пристально на своего гостя, смежив глаза, словно прицеливался из невидимого оружия, и вдруг выстрелил взором, и задал вопрос о перебежчике военпреде полковнике Кравченко, попросившем политическое убежище в США.

«Зацепит, точно зацепит меня. Будь он неладен этот Кравченко, — подумал нарком. — Сейчас начнет искать виновного среди разведчиков и контрразведчиков. А ведь над этими подразделениями стою я с Наркоматом госбезопасности страны».

Но Сталин не ограничился поиском для наказания проштрафившегося, он вдруг неожиданно, почти нейтрально,

казалось, даже общо спросил:

— Таварищ народный камиссар, а пачему такие люди, обласканные самой демократической страной, какой является Советский Союз, поддаются на провокации со стороны противника, на шантаж и в конце концов идут на предательство своей Родины?.. У вас-то есть на это свой, чисто профессиональный ответ? — И через паузу: — Задумывались ли вы как нарком государственной безопасности, и как советский гражданин, и в конце концов как патриот Советской страны над этой проблемой?

У Меркулова был, как говорится, хорошо отточенный письменный стиль. Он качественно мог готовить документы наверх. Слыл у Берии «золотым пером». Так, будучи руководителем Наркомата госбезопасности, кроме основной важной работы, он умудрялся писать еще и неплохие пьесы, которые успешно шли в столичных театрах. И вот этот вполне грамотный и образованный, с творческим началом человек растерялся перед вождем.

— Так точно, товарищ Сталин, попадаются к сожалению… факты такие имеются… Но мы усилим работу… будут результаты… обязательно появятся, — бубнил Меркулов в быстром темпе дежурные фразы ответа.

Но Сталин не был бы Сталиным, если бы он не добирался до сердцевины причин появившейся проблемы.

— Ясно мне и понятно, как говорится, ораторами становятся, а писателями рождаются, — резко перебил его Сталин, — однако я имею в виду совсем другое. Пачему их оперативные работники умеют лучше убеждать противника, чем наши? Я что-то не припоминаю, чтобы кто-либо из иностранцев, ну какой-нибудь американский полковник, попросил у нас политическое убежище под воздействием чекиста. Я ясно говорю, вы меня хорошо понимаете?

— Так точно… понимаю… Будем искать… Думаю, справимся, — отбивался в холодном поту нарком.

— Ладно идите, — Верховный Главнокомандующий разочарованно махнул левой рукой, держащей уже потухшую трубку…

Меркулов, весь красный и вспотевший, пробкой выскочил из кабинета, чуть не сбив во втором дверном проеме секретаря Сталина — Поскребышева, посмотревшего на него совершенно спокойно. Он на своем веку и посту секретаря и не такие сцены видывал в лице вылетавших из кабинета вождя ошарашенных посетителей.

Прибыв на Лубянку, взволнованный Всеволод Николаевич

скомандовал дежурному по наркомату:

— Первого и второго ко мне срочно!

— Ясно… Есть, товарищ нарком, — привычно ответил дежурный.

Через несколько минут в просторном кабинете Меркулова появились начальники Первого разведывательного и Второго контрразведывательного главных управлений НКГБ генералы Павел Михайлович Фитин и Петр Васильевич Федотов. Нарком, весь красный лицом, раздраженно спросил:

— Сколько вы будете меня подставлять перед Верховным? С Кравченко разобрались? Кто его проворонил? Твои? — голова наркома повернулась в сторону Федотова.

— Моих за границей нет! — уверенно ответил Петр Васильевич, руководитель территориальных органов.

— Тогда твои, Фитин?

Спокойный и сдержанный начальник разведывательного главка напомнил:

— Всеволод Николаевич, Кравченко — военпред. Он из команды Голикова… Из военной разведки. А ГРУ курирует военных контрразведчиков Абакумова. Пусть он или его подчиненные и отвечают.

— Нет, нет! Вы выясните все обстоятельства, а вдруг наш окажется. Тогда Сталин нам не простит. Через полчаса доложите, чей он. Все! Вы свободны. Выполняйте приказ… Хотя подождите. Поищите среди своих подопечных…

— Посмотри, Петр Васильевич, ты по Куйбышеву. Там у Питовранова под боком целый дипломатический корпус. Может, есть у него какие-нибудь зацепки для работы над подобными типами… Наверняка есть!

Тут он попал в точку.

Совещание закончилось. Федотов набрал по ПС (правительственной связи. — *Авт.)* номер начальника Управления НКГБ по Куйбышевской области Питовранова.

— Слушаю, Петр Васильевич, — быстро ответила трубка голосом Питовранова.

— Евгений Петрович, есть один важный вопрос. Возьми материалы на иностранцев — дипломатов и журналистов, с которыми можно побеседовать «по разным поводам», выгодным для нас…

— Ты меня понимаешь?

— Да!

— И приезжай срочно ко мне… Ночным поездом.

— Есть, — послышался ответ подчиненного.

Наутро следующего дня Евгений Петрович сидел в кабинете

Федотова. Обсуждали вопрос, поднятый Сталиным перед наркомом. Задание Петром Васильевичем было сформулировано четко: среди иностранцев, находящихся в Союзе найти такого человека, желательно из числа англосаксов, которого можно было бы склонить к переходу на нашу сторону — попроситься в советское гражданство, желательно по политическим мотивам.

Питовранов выложил перед начальником главка несколько разноцветных тоненьких папок с кандидатами, в отношении которых готовились оперативные мероприятия: вербовки, компрометации, выдворения. Засиделись допоздна, обсуждая каждую предоставленную кандидатуру.

Вдруг к концу рабочего дня позвонил нарком:

— Ну что, можно на что-то надеяться?

— Да, приемлемый вариант комбинации продуман… Есть кандидатура — интересная. Изначально подготовлены и контуры реализации мероприятия… Поручена она лично Питовранову, — пояснил Федотов.

— Кто он?

— Англичанин, товарищ нарком! — ответил начальник главка.

— Поторопитесь, но не спешите, чтоб не наломать дров. Надо надежно склонить, документально, вы меня поняли? — последовал ответе вопросом Меркулова, видно порадовавшийся таким оборотом дела.

— Да!

На следующий день Меркулов читал обобщенную справку и план проведения операции в отношении одного из редакторов английской еженедельной газеты «Британский союзник» Марка Гордона (по этическим соображениям фамилия изменена. - *Авт.),* или просто Миши, как его называли советские друзья. Марк хорошо знал русский язык. Он, живя в Москве, часто наведывался к своим дипломатам в Куйбышев. Любил британец женщин, грузинское вино и русскую водку. И пресытиться всем этим блаженством никак не мог. Отмечалась его смелость в оценке политики своего правительства, которое критиковал из-за затягивания союзниками открытия второго фронта. Обосновывал он это не столько любовью к Советскому Союзу, сколько нестабильностью в обществе и усталостью европейских граждан от длительности боевых действий.

С Питоврановым Марк неоднократно встречался на различных дипломатических раутах в Куйбышеве. Думается, хотя советский друг представлялся чиновником городской администрации, агентура МИ-6 догадывалась, «ху из мистер Женя?». Так возник оперативный повод Евгению Петровичу

встретиться с Марком в Москве. Питов-ранов любезно пригласил его в ресторан.

— Миша, я тут в Москве по делам, задержусь на пару дней. Приглашаю посидеть в ресторане. Как смотришь? — обратился чекист по телефону к Марку.

— О'кей, господин Питовранов! — последовал ответ.

И вот они за отдельным столиком в ресторане гостиницы «Москва». Марк принес пачку свежих номеров своей газеты. Экземпляры тут же разошлись по знакомым. Он ведь бывал частым гостем здесь. Скромно пообедав, но изрядно выпив, решили «продолжить» обсуждение «глобал» вопросов и проблем в номере Питовранова. Войдя в комнату, Марк поразился столом с разнообразием напитков и закусок. На недоуменный взгляд и округленные глаза от удивления британца Питовранов ответил, что все это привез из Куйбышева для «поршня», чтобы протолкнуть решение ряда хозяйственных вопросов среди столичного чиновничества, любящего внимание к себе «топтунов-просителей из глубинки». Устоять перед таким соблазном Марк не мог. Пили, ели и дискутировали до полуночи…

Результатом попойки явились батарея пустых бутылок и «Заявление о просьбе политического убежища в Советском Союзе», написанное коряво русскими словами на листе, вырванном из именного журналистского блокнота и подписанное Марком Гордоном.

Протрезвев, англичанин понял, какую глупость он допустил. Советские СМИ тут же известили о «…мужественном поступке британского бойца политического фронта, глубоко разочаровавшегося капиталистическим образом жизни и добровольно избравшего социализм».

Правда, спустя неделю он покинул Москву через Тегеран в ожидании лондонской голгофы. А пока Меркулов, захватив «Заявление» и ряд других документов, отбыл с хорошем расположением духа в Кремль.

Сталин, выслушав Всеволода Николаевича, удовлетворенно заметил:

— Выходит, что все получается, когда с творческих позиций человек подходит к делу. Когда в голове отсутствует хлестаковщина — «легкость, не обычная в мыслях». Жерновами ума надо ворочать. Их надо чаще крутить, чтобы из зерна получился белый продукт. Кстати, кто исполнитель этой выгодной нам операции?

— Начальник Управления НКГБ Куйбышевской области генерал-майор Питовранов, — смело отрапортовал Меркулов.

— Хм, какая редкая фамилия, первый раз слышу, — вслух

обозначил свое отношение к герою Верховный, обладавший феноменальной памятью, особенно на фамилии и номера телефонов.

Кстати, в Куйбышеве находились не только иностранные представительства, но и дети высокопоставленных партийных и советских чиновников. Там же располагались военные госпитали, куда свозили раненых с фронтов. В эвакуации с октября 1941 года в Куйбышеве проживала и дочь Сталина — Светлана Аллилуева. Она тосковала по богемной жизни в столице, по друзьям-товарищам. Здесь девочка впервые узнала, что ее мать не умерла, а застрелилась. Десять лет в семье от нее скрывали этот факт, что повлияло на ее формирование как личности, понявшей с присущим детским максимализмом, что даже близкие могут врать и жестоко обманывать.

Именно в Куйбышеве в 1942 году она познакомилась и влюбилась в человека, из-за которого потом навсегда испортила отношения с отцом — сценаристом и кинорежиссером 40-летним Алексеем Яковлевичем Каплером. Когда Сталин узнал об этом через чекистов, он взорвался бранью к дочери. А Каплер через некоторое время, а точнее, в 43-м, поплатился в конце концов за свою любовь к Светлане пятилетним лагерным сроком за антисоветскую агитацию и был этапирован в Воркуту. Когда его освободили в 1948 году, вопреки запрету, он приехал в Москву, где его вновь арестовали и отправили в исправительно-трудовой лагерь в Инту…

Теперь Светлана рвалась в Москву и писала отцу грустные письма, в которых говорилось, что Куйбышев ей не нравится. На вопрос отца «почему?», она отвечала, что город заполонили раненые, на любой улице каждый пятый — это калека-инвалид. Жутко постоянно смотреть на эту безрадостную картину, которая отрицательно влияет на психику.

В Москву она приехала совсем другим человеком. После одной из встреч с Каплером в столице отец влепил ей две пощечины, а судьба режиссера решилась быстро — о чем говорилось чуть выше.

1944 год. Исход войны не вызывал сомнения. Территория СССР была уже практически вся освобождена от немецко-фашистских оккупантов. Рано утром 6 июня 1944 года союзники открыли второй фронт Нормандской стратегической операцией под кодовым названием «Оверлорд», которая закончилась 25 августа того же года. После чего союзники пересекли реку Сену, освободили практически не сопротивлявшийся Париж, и продолжили наступление к французско-германской границе.

Красная армия постепенно приближалась к главной цели —

окончательному разгрому Германии на ее территории. Румыния повернула оружие против немцев. Король Михай Первый во время второго царствования (1940–1947) вывел свою страну из гитлеровской коалиции. Кстати, он был самым молодым и последним умершим кавалером высшего советского военного ордена «Победа». Получил он его под № 16.

Немногие знают, что первичные данные о том, что в Бухаресте 23 августа 1944 года готовится восстание по нейтрализации румынского прогитлеровского руководства, были получены разведывательным подразделением Управления КР СМЕРШ 3-го Украинского фронта, которым руководил генерал-майор П.И. Ивашутин…

Король Михай, быстро сориентировавшись, занял сторону восставших и приказал арестовать Антонеску, а также пронацистски настроенных генералов-ястребов, которые боялись ответственности за свои злодеяния, совершенные как на советской земле, так и на своей родине.

Время успехов нацистского оружия безвозвратно кануло в прошлое. И все же военное руководство Германии стремилось, как писалось в одной из директив верховного главнокомандования вермахта, «…ослаблять силы русских и удерживать рубежи, расположенные как можно дальше к востоку от границ Германии и важнейших сырьевых источников, которые еще оставались в руках немцев».

Вместе с тем Гитлер и его окружение все больше рассчитывали на то, что при дальнейшем развитии мировых событий США и Англия столкнуться с Советским Союзом и повернут против него свое оружие. Такие настроения были не только в фашистской ставке против «кухаркиных детей», вдруг оказавшихся высокими стратегами, а, по существу, Красная армия теперь представлялась неким Левиафаном, обладающим неувядающей, чудовищной силой. Гитлеровский генерал-майор танковых войск Фридрих Меллентин впоследствии писал: *«Раскол между Советским Союзом и англо-американцами — вот что было нашей реальной надеждой».*

Нацистские правители все чаще думали о возможности сепаратного мира с США и Англией…

Эти события со спокойствием в столице позволили возвратиться из Куйбышева в Москву практически всем дипломатическим миссиям. С ними вместе прибыл в столицу и генерал-майор Е.П. Питовранов, которому предстояло передать центральному руководству органов госбезопасности материалы оперативных наработок куйбышевскими чекистами по дипломатическому корпусу.

Поздно вечером раздался телефонный звонок в номере гостиницы «Москва», где временно проживал Евгений Петрович. Дежурный из приемной наркома Меркулова велел срочно прибыть на Лубянку. Потребовалось ровно минут 10–15 высокому и быстро шагающему генералу, чтобы преодолеть расстояние и прибыть вовремя в главный чекистский штаб. В предбаннике он заметил сгрудившихся почти всех руководителей органов госбезопасности: Абакумова, Кобулова, Завенягина, Серова, Фитина, Федотова и других.

Как только началось совещание, Меркулов без заранее подготовленного вступления, с заметной тревогой в осекшемся голосе, вдруг заявил, что их всех срочно собирает Сталин из-за какой-то информации Молотова, в негативном свете выставляющей оперативный состав центрального аппарата. Все поняли, что это может касаться международных проблем, связанных с органами госбезопасности. И не ошиблись.

Когда стали собираться к отъезду, Меркулов, повернувшись в сторону Питовранова, проговорил:

— И ты, Евгений Петрович, пойдешь с нами. Может, у них остались какие-то жалобы по Куйбышеву? Ты ведь долго там был руководителем. Знаешь лучше других эту кухню.

— Есть, — по-военному ответил молодой генерал.

Как выяснилось, произошел эпизод, который больно задел Сталина. Дело в том, что посол США Уильям Аверелл Гарриман направил в МИД СССР представление об обнаружении в здании американского дипломатического представительства «жучков» — аппаратуры подслушивания, включая и личную резиденцию посла Спасо-Хаус. Янки злорадствовали: как же, ухватили русских «союзничков» за руку! Поймали с поличным. И, конечно, ждали ответа от советского правительства.

Как только гости с Лубянки расселись в кабинете Верховного, Сталин после доведения фабулы дела до слушающих, недовольно и раздраженно пробурчал: «С бракоделами-сапожниками мы потом разберемся, а сейчас надо срочно решить, именно здесь, у меня, как бы мы могли, не расшаркиваясь перед нашими союзниками, достойно, умно и принципиально им ответить».

После этой головоломки в кабинете нависла тяжелая, давящая на психику и нервы тишина. Генералы, уткнувшись носами в зеленое сукно стола, думали: что ж такое придумать и сказать вождю? Быстро, предательски быстро, бежало время. На висках у каждого пульсировали сосудики, словно били миниатюрные метрономы. Вождь успел дважды пройтись по дорожке, вглядываясь в лица сидевших за приставным длинным столом руководителей госбезопасности. И вдруг от сидевшего с

краю генерал-майора прозвучало робкое, спасительное для всех обращение:

— Разрешите, товарищ Сталин?

Стремительно поднялся высокого роста самый молодой генерал. Сталин резко повернулся к нему лицом. Его брови вздернулись вверх. Глаза приоткрылись. Наверное, он ожидал предложения в первую очередь от сидящих за столом больших руководителей.

— Говорите, мы вас слушаем, товарищ генерал. Представьтесь, пожалуйста.

— Генерал-майор Питовранов.

— Слушаю вас, таварищ Питовранов…

Именно после представления Сталин вспомнил, что с этой фамилией он уже встречался, причем с приятными воспоминаниями, а поэтому запомнил ее.

— Свои слова, конечно, я обращаю не к в вам, а как аргумент для американских оппонентов. Как известно, в конце 41-го немец стоял у ворот столицы. Мы могли чисто теоретически, из тактических соображений, предположить, что временно можем оставить Москву, как это сделал Кутузов, отступая вглубь России. Мы тоже на период оккупации подготовили противнику сюрпризы, понимая, что многие роскошные дома будут заняты высшими чинами вермахта и даже политической элитой Третьего рейха. Одни здания минировали, в других устанавливали технику слухового контроля — «жучки» только для того, чтобы наши подпольщики имели возможность получать важную, упреждающего характера информацию. Это канва нашего ответа…

Сталин посветлел лицом. Подошел поближе. Видно было, что генерал попал в точку.

— С канвой я согласен, а вот что должно быть вышито на этом полотне? Тут не до конца продумано. Почему же мы не сняли «жучки»?

Теперь все головы руководителей, как по команде, повернулись в сторону Евгения Петровича Питовранова.

— Не сняли, товарищ Сталин, потому что исполнители-технари давно ушли на фронт, на передовую — воевать с фрицами. За прошедшие три года некоторые погибли, другие до сих пор воют. Вот закончим войну и займемся демонтажем техники. А сейчас какие могут быть к нам претензии: устройства эти мы не использовали. Обратное же доказать американцы не смогут.

По лицу Сталина скользнула заметная теплая улыбка.

— Вы закончили? — он обратился к Евгению Петровичу.

— Так точно!

— Какие еще есть предложения?

Но многозвездные генералы молчали.

— Тогда все свободны, а вас, таварищ Меркулов, прошу остаться, — проговорил Сталин.

Меркулову опять с неохотой пришлось один на один общаться с хозяином главного кремлевского кабинета.

Сталин постоял, пока присутствующие покинули его кабинет, прошел к столу, зажег потухшую трубку и, исподлобья взглянув на Меркулова, заметил:

— Товарищ нарком, чем объяснить, что ваши подчиненные часто в подобных ситуациях отмалчиваются. Видно надеяться, что за них будет думать кто-то другой… помоложе, поэнергичнее, посмелее. Это опасно для вашей службы. Обсудите эту проблему вместе с ними.

На следующий день Молотов принимал посла США Гарримана. Состоялась беседа. Оба остались довольны встречей.

Инцидент был исчерпан.

Удовлетворенный встречей с американским послом Вячеслав Михайлович тут же позвонил Сталину…

В Узбекистан за опытом…

Успех создает мало друзей.

Люк де Вовенарг

Руководители НКВД и НКГБ — Лаврентий Берия и Всеволод Меркулов соответственно, остались довольны встречей с Верховным. Берия тоже торжествовал. Про себя он даже подумал: «Молодец Питовранов. Это я его откопал — мой выдвиженец, видать, понравился вождю. Уже несколько раз у Сталина он спасал реноме органов». Действительно, Питовранов ярко засветился у Сталина.

После Куйбышева, до образования МГБ СССР, Евгений Петрович некоторое время работал в аппарате НКГБ В.Н. Меркулова. Но на почве зависти инстинкт самосохранения подсказал Всеволоду Николаевичу наиболее правильное, опытом проверенное решение — подбодрить умного подчиненного, выразить в коллективе ему благодарность и выдвинуть на более высокую должность, но только подальше от Лубянки, а значит, и от себя. Он понимал: держать рядом умного подчиненного негоже. Управлять одним человеком иной раз труднее, чем всем коллективом. Только поэтому Меркулов посчитал, что все пальцы на его рунах указательные и указал перстом… на далекий от Лубянки Узбекистан. «Пусть там поварится, — рассуждал про себя нарком. — А что касается благодарности, то не так уж и редко я делаю поздравления».

Но те поздравления Меркулова в адрес Питовранова были ничем иным как самой изысканной формой элементарной зависти вместе с кадровой осторожностью. Срочность сделать такой шаг подкреплялась циркулирующими слухами о том, что якобы с Питоврановым недавно еще раз беседовал Сталин. И встал остро, как заноза, в голове вопрос: о чем беседовали? Было такое или нет? — никто проверить не мог. Но жизнь превратна, слухи часто опережают события. Волна черной зависти как-то сразу накрыла Всеволода Николаевича.

В народе говорится, что страсть зависти ни в какой радостный праздник и ни при каких радостных обстоятельствах не дает вполне порадоваться тому, кем она обладает. Всегда, как червь, точит душу и сердце его смутной печалью. Потому что завистливый благополучие и успехи ближнего почитает своим несчастьем, а оказываемое другим предпочтение считает для себя

несправедливою обидой.

И все же как человек образованный, читающий и пишущий нарком наткнулся в памяти на слова известного французского моралиста Франсуа Ларошфуко о том, что наша зависть всегда долговечнее чужого счастья, которому мы завидуем. И Всеволоду Николаевичу сделалось как-то неловко. С одной стороны, он себя корил за душевную слабость, а с другой — понимал, что эта самая зависть вцепилась острыми когтями черной пантеры в него и терзает денно и нощно. И он решился…

На очередном докладе в Кремле Меркулов доложил Сталину, что планирует провести некоторые организационно-кадровые изменения как в системе наркомата, так и в республиканском звене.

— И кадровые?

— Да, товарищ Сталин… Они назрели.

— Докладывайте.

— Есть смысл выдвинуть Питовранова… на повышение… Пусть поработает самостоятельно. Это ведь драгоценный опыт для будущего возможного его профессионального роста.

Сталин не любил многословия, считая его одной из форм околесицы из-за отсутствия четкости и краткости в речи.

— Так куда же вы хотите его направить?

— На пост народного комиссара госбезопасности Узбекистана…

— Говорите за опытом в Узбекистан, а не слишком ли далеко вы его отправляете. Я бы таких держал возле себя… поближе… рядышком. Ну да ладно, приходите с ним ко мне. Если время позволит, побеседуем вместе, — хитро прищурив глаза, проговорил Сталин.

Такой прием вождю был понятен, потому что и сам он нередко пользовался аналогичной формой «поощрения» в отношении отбившихся от стада, широко шагнувшего в строю из-за своей яркости ума и новаторства против заскорузлого консерватизма подчиненного. А их таких подчиненных у него было много — целая страна.

Как уже говорилось выше, Питовранов до начала 1945 года мотался между Куйбышевым и Москвой, так как надо было с возвращением иностранных посольств в столицу передать по линиям и объектам соответствующие оперативные материалы.

Через несколько дней Меркулов, связавшись по телефону с секретарем и помощником Сталина Поскребышевым доложил, что Питовранов находится в Москве и ждет дальнейших распоряжений. Прошло всего минут 10–15, и у наркома зазвонил телефон прямой связи с Кремлем, пунктуальный Поскребышев

сообщил Меркулову:

— Всеволод Николаевич, встреча состоится сегодня, вероятнее всего, после двенадцати. К этому времени вам с Питоврановым следует быть в приемной.

— Есть, — по-военному ответил нарком.

Встреча произошла при очень странных обстоятельствах. Когда генералы оказались в приемной, то были поражены толпившейся тут же группой известных хозяйственных и партийных работников. И вдруг последовала команда заходить всем вместе. Сталин сидел за большим столом, на котором лежали документы в пухлых картонных папках и разноцветных тонких «слюнявчиках». Закончив разговор с кем-то по телефону, он, держа еще трубку в руке, указал ею располагаться.

Когда все расселись, хозяин кабинета спросил Меркулова:

— Вы, наверное, уже поговорили с Питоврановым?

— Да, товарищ Сталин.

— А что он сам скажет? — Иосиф Виссарионович повернулся к будущему наркому госбезопасности Узбекистана.

— Благодарю вас за оказанное мне доверие, постараюсь его оправдать — несколько шаблонно начал ответ Евгений Петрович, а дальше продолжил более ярче. — Полагаю предстоящую работу важной и ответственной. Считаю обязательным для себя быстрее вникнуть в суть и особенности республики с исламским колоритом. Надеюсь в борьбе на незримом фронте на поддержку местных товарищей как партийных, так и коллег по службе.

— О фронте вы все правильно сказали. Военный фронт закончился. Он закрыт. Наша армия — победительница фашистского зверя. А вот на вашем фронте бои и сражения продолжаются. И они будут нарастать, поэтому его нам в ближайшем будущем закрыть невозможно в силу воинствующего пыла тайного противника. Ну что ж, мы с товарищем Меркуловым желаем вам успехов на новом поприще.

Сталин снова снял увесистую черную гантель эбонитовой телефонной трубки, показывая генералам, что ему потребовалось срочно кому-то позвонить, а встреча с ними закончена. Остальные приглашенные хозяйственники и партийные функционеры остались в кабинете…

Покидая высокого уровня аудиенцию с вождем, Меркулов про себя подумал: «Зачем хозяин устроил эту, по существу, формальную встречу — это же спектакль, причем в присутствии партийно-хозяйственной элиты?!! Всего минута на решение вопроса. Может, и вправду он ставку сделал на Питовранова, которого готовит мне на замену».

Частично, наверное, он был прав. Нетипичную фамилию для

россиян — Питовранов — хорошо запомнил не из-за пустословия, а за зрелые оперативные мысли, переросшие в правильные и нужные дела, которые он всегда поощрял у исполнителей и на зримом, и на незримом фронте…

Итак, более полутора лет, с 1945 по 1946 год, Питовранов работает в качестве руководителя госбезопасности Узбекистана. Евгений Петрович быстро установил деловые и личностные отношения с руководителями республики. Наиболее тесно он общался с первым секретарем ЦК КП(б) Узбекистана Усманом Юсуповичем Юсуповым (1901–1966). Юсупов понимал задачи, и нарком НКГБ УзССР помогал специфическими средствами в созидательной работе советских и партийных органов. Надо сказать, что У.Ю. Юсупов в 1937–1939 годах, при Ежове и Берии, входил в состав особой тройки, созданной по известному своей жестокостью и бесчеловечностью приказу НКВД СССР от 30.07.1937 № 00447, подписанному Ежовым.

Историки утверждают, что в 1946 году, будучи секретарем ЦК ВКП(б), Николай Семенович Патоличев взял под защиту перед Сталиным партийного лидера Узбекистана в связи с «делом Юсупова», которое было возбуждено на основании анонимного заявления о злоупотреблениях властью. Н.С. Патоличев сумел убедить «вождя всех народов», что заведенное дело всего лишь результат навета недоброжелателей.

Это были годы, когда Евгений Петрович Питовранов впервые почувствовал себя забытым. Хотя трудился и здесь с напряжением, однако особо Лубянка его не тревожила ни звонками, ни вызовами. Никто республиканского наркома госбезопасности не вызывал срочно в Москву, хотя назревали иногда проблемы, которые ждали своего разрешения только при личном докладе Меркулову. Но, увы, даже на итоговые совещания в столицу он не приглашался руководством НКГБ СССР. Вот уж действительно, успех вызывает мало друзей!

Начало работы Е.П. Питовранова в Ташкенте проходило в начальный период после окончания Великой Отечественной войны, когда Узбекистан сразу же, без оглядки, согласуясь с союзными плановыми задачами, начал переводить свою экономику на мирные рельсы. Восстановительные работы сопровождались поиском путей совершенствования экономической системы. Уже начиная с конца 45-го года смело зазвучали идеи о необходимости децентрализации экономической жизни, предоставления больших хозяйственных прав на местах и непосредственно наркоматам. Поступала масса предложений о допущении существования мелкого частного хозяйства крестьян, кустарей, основанного на частном труде,

исключающего эксплуатацию человеком человека. Однако прогрессивно мыслящих людей в «верхах» оказалось мало. Опьяненное, действительно, Великой Победой всего многонационального народа Советского Союза сталинское руководство, считавшее систему идеальной, стало ее не только укреплять, оно и постепенно превращало свою политику в догму.

В Узбекистане с конца войны начался планомерный переход народного хозяйства на производство мирной продукции. Ставка делалась на выпуск сельскохозяйственного машиностроения и дальнейшее развитие главной монокультуры — хлопка, необходимого и для текстильной промышленности, и для военного производства основного элемента пороха — нитроцеллюлозы.

В этих целях предполагалось развернуть крупные строительные работы по реконструкции и созданию новых машиностроительных заводов по производству машин для хлопководства и ирригационных систем. В то же время Узбекистан, поставляя минеральное и другое сырье, оставался еще сырьевым придатком Центра. В республику ввозились металлообрабатывающие станки и механизмы, нефтепродукты, лес, зерно и другие необходимые для нормальной работы экономики материалы и механизмы. Центр удовлетворял потребность промышленности, строительства, транспорта в рабочих кадрах за счет представителей европейского населения и мигрантов из других республик, в то время как количество незанятого местного населения все увеличивалось, что породило ряд негативных явлений, вплоть до конфликтов на национальной почве.

Все эти проблемы быстро уловил пытливый ум нового наркома госбезопасности генерал-майора Е.П. Питовранова. Некоторые свои соображения по борьбе с националистическими проявлениями с использованием исламского догматизма он отправил в виде докладных записок в Центр. Но никакой реакции на его размышления и конкретные рекомендации по улучшению оперативной деятельности от руководства Лубянки не последовало. Однако в жизни нередко случаются удивительные явления, и самый большой успех приходит тогда, когда человек плывет против течения.

Евгений Петрович высоко ценил трудолюбивый узбекский народ, познакомившись с трудовыми подвигами аборигенов. Он был поражен сроками и качеством сооружения Большого Ферганского канала. 1 августа 1939 года на трассу канала вышли 160 000 крестьян для хашара (всенародной стройки. — *Авт.)*. Канал общей длиной в 350 км был вырыт в

основном ручным способом, при помощи кайл и лопат за… 45 дней!!!

К тому же Питовранов понимал одну непреложную истину: смелые и отважные солдаты из солнечного Узбекистана в 1941 году вступали тогда в бой ради того, чтобы не допустить фашизм на порог нашей общей Родины — СССР, защитить родителей, возлюбленных, детей, родных, друзей и в целом весь советский народ от порабощения. Здесь он впервые узнал, что 500 тыс. граждан Узбекистана погибло в годы войны, 338 узбеков были удостоены звания «Герой Советского Союза» и 53 — награждены орденом Славы трех степеней. Ташкент в годы войны стал фактически столицей советской эвакуации. Узбекистан в годы военного лихолетья приютил более пяти тысяч детей только из блокадного Ленинграда.

Это было время, когда Сталин постепенно стал отдалять от себя Берию, видя в характере его, кроме огромного организаторского потенциала, мобилизационных начал, элементы корыстолюбия, моральной нечистоплотности, зависти и властолюбия. Эту последнюю черту своего земляка он считал опасной и для себя самого. По воспоминаниям сотрудников личной охраны вождя, И.В. Сталин после войны боялся покушения на свою жизнь, в том числе и путем отравления. И не зря… Дальнейшие события показали правильность опасений вождя.

Поэтому есть смысл поговорить о ядах в системе НКВД и НКГБ.

Генрих Григорьевич Ягода, по рекомендации В.И. Ленина, создал при НКВД еще в 1935 году токсикологическую лабораторию, практически передал ее Николаю Ивановичу Ежову. После ареста и расстрела Н.И. Ежова она полностью перешла в полное подчинение нового наркома внутренних дел Лаврентию Павловичу Берии. С августа 1937 года работой лаборатории руководил Григорий Моисеевич Майрановский.

Кстати, она переходила потом от Берии и к его любимцу Меркулову во время разделения правоохранительных органов на НКВД и НКГБ. Как писал П.А. Судоплатов, имевший отношение к лаборатории: *«…Проверка, проведенная еще при Сталине, после ареста Майрановсного, а затем при Хрущеве, в 1960 году, в целях антисталинских разоблачений, показала, что Майрановский и сотрудники его группы привлекались для проведения в исполнение смертных приговоров и ликвидации неугодных лиц по прямому решению правительства в 1937–1947 и 1950 годах, используя для этого яды».*

Таким образом, тень подозрений в коварстве Сталина падала,

естественно, и на Меркулова, креатуры «любимца народа» Берии, которого славила даже пионерия:

Сегодня праздник у ребят,
Ликует пионерия!
Сегодня в гости к нам пришел
Лаврентий Палыч Берия!
Подобно быстрой молнии
Он входит в светлый зал,
Не зря Мигрельцем Пламенным
Сам Вождь его назвал!

А недавно бойкие на перо поэты слагали саги о «глазах и ушах вождя» Ягоде и «зоркоглазом» Ежове. Думается, уже тогда, когда затевалась очередная структурная чехарда в НКВД, в том числе с переименованием органов госбезопасности из НКГБ в МГБ, Сталин вспомнил об «интересной фамилии» Питовранов.

Берии поручался контроль над атомным проектом по линии правительства с позиций заместителя Совета народных комиссаров (СНК), а Меркулову места в Министерстве госбезопасности в дальнейшем уже не предоставлялось. Его переведут сначала на должность начальника Управления советским имуществом за границей, в 1950 году доверят руководить Министерством госконтроля.

Это был период, когда Сталин, с приближением старости, действовал по салтыково-щедринскому принципу «Либо в рыло, либо ручку пожалуйте». Все могло случиться при его положении и настроениях. Как говорится, «ловить момент» ни Берии, ни Меркулову уже не приходилось. Солнце «лукавых царедворцев» медленно, но заметно заходило за хмурый горизонт внутренней политики Кремля. Этим свинцовым краем света для них и других их соратников оказалось «холодное лето» 1953 года с хрущевской «оттепелью»…

Находясь в Узбекистане, пытливая натура Евгения Петровича Питовранова не могла его успокоить, пока он не побывал в третьем по величине городе Узбекистана — Самарканде. А еще он вспомнил прочитанное в начале войны сообщение ТАСС, опубликованное в газете «Известия» за 22 июня 1941 года. Он как интеллектуал, конечно, пусть несколько поверхностно, но знал об этом одном из древнейших городов мира. Осведомлен был о том, что более двух тысяч лет Самарканд являлся ключевым пунктом на Великом шелковом пути между Китаем и Европой. Город был

одним из главных центров науки средневекового Востока. В четырнадцатом столетии он был столицей империи Тамерлана (1336–1405), одного из правнуков Чингисхана. Его еще называли Тимуром.

Здесь, в Самарканде, местные коллеги снабдили его в полном объеме информацией о мавзолее Тимура и «Духе Тамерлана». Он узнал и археологическую легенду о том, что Великая Отечественная война началась из-за вскрытия гробницы Тамерлана, выпустившей «дух войны».

Миф основан на особенностях раскопок. Они начались 16 июня 1941 года в связи с постройкой у мавзолея Гур-Эмир гостиницы «Интурист». Перекрытие строителями одного из арыков позволило воде затопить склеп, что могло привести к разрушению гробницы и останков Тимура. Руководил работами советский антрополог, археолог и скульптор Михаил Михайлович Герасимов. Ему помогали местные товарищи.

При вскрытии герметизированного гроба в ночь с 19 на 20 июня 1941 года склеп мавзолея Гур-Эмир озарился светом прожекторов. Как только гигантская мраморная плита весом в 240 пудов была сдвинута и вскрыли гроб, покрытый истлевшим золотым покрывалом, испарения ароматических веществ заполнили помещение гробницы, что легло в основу легенды о «Духе Тамерлана». Герасимов торжественно достал череп Тимура и показал киношникам. Пленку отвезли в столицу и показали Сталину. Теперь темными глазницами череп Тамерлана — бога войны — глядел на живых людей в Кремле.

— Кто же автор этого мифа? — поинтересовался Евгений Петрович у гида-оперативника.

— Присутствовавший при вскрытии гробницы оператор советского кино Малик Каюмович Каюмов, — ответил местный начальник областного Управления НКГБ. — По его словам, на надгробье была якобы выбита надпись: «Когда я восстану, мир содрогнется», а внутри гроба: «Всякий, кто нарушит мой покой в этой жизни или в следующей, будет подвергнут страданиям и погибнет».

Известны две версии гибели Тимура: или он скончался своей смертью, или погиб в 1405 году во время военного похода на Китай. Тело усопшего владыки забальзамировали местные специалисты, а воины Тамерлана перевезли его в Самарканд. Гроб был захоронен в мавзолее Гур-Эмир (в пер. с персид. — «могила царей». *-Авт.),* и на него было, в соответствии с местными традициями, наложено заклятие. Оно предупреждало о возникновении страшных бед, если саркофаг с телом усопшего эмира будет вскрыт.

— Пострадали ли те, кто участвовал в раскопках? — улыбаясь, спросил Евгений Петрович.

— У нас таких данных нет…

— А какова судьба Каюмова? — не унимался Питовранов.

— Его скоро направили на фронт. Там он вышел каким-то образом на маршала Жукова и рассказал ему историю со вскрытием саркофага. В том числе и об увиденных им якобы надписей-предостережений, что на третий день после вскрытия могилы вернется Тимур с войной. Об этом также говорили старики на базаре в Самарканде. Георгий Константинович содержание беседы с Каюмовым тут же доложил Сталину, который распорядился немедленно прекратить все работы, связанные с гробницей Тамерлана.

— А нет ли другой какой-нибудь версии?

— Да, товарищ генерал, она существует. Местные утверждают, что работающая группа экспертов из Ленинградского Эрмитажа вскрывала саркофаге целью поиска драгоценностей.

— Нашли золото, бриллианты, оружие?

— Нет… Но при вскрытии еще двух гробов обнаружили останки сына Тамерлана — Шахруха и его внука Улугбека.

И все же останки Тамерлана Герасимовым были увезены 19 декабря 1942 году в Москву и скоро возвращены на место — в гробницу.

— Но ведь Гитлер планировал нападение на Советский Союз намного раньше 16 июня 41-го года. И мы выиграли войну — правда, бед гитлеровцы доставили нам много. Тут просто раскопки совпали с началом войны и никакой мистики, — улыбнулся республиканский нарком.

— Наверное, так оно и было, — последовал ответ… Евгений Петрович покидал Самарканд, обогатившись глубокими знаниями о Тамерлане.

Скоро он был вызван в Москву…

Заместитель министра

Молодого скорей пронюхаешь.
Беда, если старый черт,
а молодой весь наверху.

Николай Гоголь

Итак, в марте 1946 года прекратили существования ГУКР — Главное управление контрразведки СМЕРШ НКО СССР В.С. Абакумова и НКГБ — Народный комиссариат госбезопасности В.Н. Меркулова. На базе этих двух структур госбезопасности создали Министерство государственной безопасности (МГБ) СССР. Вместо В.Н. Меркулова союзным министром госбезопасности был назначен начальник грозного Главного управления СМЕРШ, ведавшего всей советской военной контрразведкой в годы войны, В.С. Абакумов, вскоре он получил звание генерал-полковника. Он доказал свою лояльность к Сталину. Это Виктор Семенович со своими боевыми коллегами по СМЕРШу разгромил хваленные спецслужбы Третьего рейха в лице абвера и РСХА.

Абакумов всю войну был на виду у Сталина. Смел, решителен, несколько авантюрен, тверд характером, всегда подтянут, наглажен, он, может, чаще других посещал кабинет Верховного Главнокомандующего. Со слов автора книги «Записки сотрудницы СМЕРШа» Анны Кузьминичны Зиберовой, не раз встречавшейся с Абакумовым, назвала его «красавцем в облике этакого Левиафана с Аполлоном пополам».

Лысый и близорукий Берия по-черному завидовал ему, часто называя его «баловнем судьбы, который может поскользнуться». Трагедия, как и ожидалось, произошла в 1951 году, не без помощи Берии. Но об этом будет рассказано в книге чуть дальше.

Вдруг Сталин приказал Абакумову назначить начальником 2-го Главного управления МГБ, руководителем союзной контрразведки Евгения Петровича Питовранова. Что это было? Возможно, вождь вспомнил о встречах с толковыми докладами Питовранова или в действие вступала «система противовесов», теоретическими наработками которых часто пользовался Никколо Макиавелли. Он знал горячий характер, заслуженно набравшего авторитет Абакумова. Поэтому ему был нужен достойный противовес, каким являлся спокойный Питовранов.

А есть и другая версия: генерал-майор Е.П. Питовранов был

отозван в Москву из Узбекистана еще по причине нужности в наркомате такого профессионала, тем более у Евгения Петровича за годы войны, видимо, сложились хорошие отношения с новым руководством МГБ — министром Виктором Семеновичем Абакумовым и его первым заместителем Сергеем Ивановичем Огольцовым. Это ему вначале Сталин предлагал пост министра госбезопасности, но он отказался, сославшись на неопытность и плохое состояние здоровья. Возможно, этим отказом Огольцов спас себя от судьбы своего непосредственного будущего начальника. После этого вождь назначил руководителем МГБ СССР Виктора Семеновича Абакумова.

А тем временем, 21 января 1946 года, Е.П. Питовранова в Узбекистане награждают вторым орденом Красной Звезды «За активное участие в обороне Москвы».

Новый руководитель МГБ В.С. Абакумов, явно для проформы — это Евгений Петрович поймет потом, вызвал наркома госбезопасности Узбекистана на Лубянку с отчетом о проделанной работе. «Почему вспомнили обо мне именно сейчас? — задал сам себе вопрос министр госбезопасности союзной республики и продолжил рассуждения: — Полтора года молчали, и вдруг… Если закрытая дверь чревата подозрениями, то открытая — явно грозит какими-то неожиданностями… А может, новое перемещение по службе. Но куда?» После этого вопроса, заданного себе, Питовранов быстро набросал схему устного доклада, дублировав его обобщенной справкой о результатах своей деятельности.

Прибыв в Москву, он вскорости оказался в кабинете министра В.С. Абакумова. Тот выслушал, как показалось Евгению Петровичу, его доклад без особого интереса, даже безразлично. И тут же проскочила мысль, возникшая еще когда-то во время учебы в МИИТе одним преподавателем: «Не стоит доверять человеку, который все находит хорошим или все считает дурным, а еще больше человеку, который безразлично относится к вашему делу». Потом Евгений Петрович снова встретится с завистью своего опытного, старшего на семь лет начальника.

Абакумов выслушал доклад, не подведя никакого итога, вдруг встал из-за стола, и по обыкновению, заложив руки за широкий армейский пояс, объявил, что Е.П. Питовранов по рекомендации товарища Сталина назначается начальником 2-го Главного управления МГБ СССР. Питовранову тогда было 31 год. В то время на таких постах молодых сотрудников практически замечено не было. А.Х. Артузов тоже стал начальником контрразведывательного органа в 31 год, но это было в далекие 20-е годы — годы после завершения Гражданской войны.

Е.П. Питовранов поблагодарил В.С. Абакумова за проявленное к нему заботу и заверил, что приложит максимум усилий, чтобы оправдать доверие товарища Сталина и министра госбезопасности.

Абакумов искренне поздравил молодого начальника контрразведки Советского Союза и пожелал ему, опираясь на помощь опытных заместителей Главка, добиться конкретных результатов в борьбе со шпионской деятельностью и националистическими бандами на Западной Украине и в Прибалтике. Пожимая руку молодому подчиненному, Виктор Семенович добавил: «Я думаю, справитесь. Вы прошли через многие ступени контрразведывательной деятельности. А что касается коллектива второго Главка, то он опытный, многие прошли через горнило войны в рядах СМЕРШа. Удачи вам!..»

Однако в жизни иногда, когда мы этого совсем не ждем, эта самая жизнь преподносит нам неожиданно чудесные подарки. Но этот «подарок» был связан с сумасшедшим объемом чисто оперативной работы, командировками, глубокой аналитической работой, недосыпанием и даже риском для жизни. В этой должности генерал-майор Е.П. Питовранов служил с 1946 по 1950 год.

Нет сомнения, что новое назначение Питовранова на пост руководителя советской контрразведки было санкционировано лично Сталиным. Однако сказать, что вождь всемерно опекал фаворита, ничего не сказать. Питовранов, являясь начальником Второго Главка, оставался в первичном генеральском звании, тогда как впоследствии на этом посту его коллеги получали погоны и генерал-полковников. Спрашивали с него, как и с других. Награждали меньше. Вообще Сталин к чекистам после войны относился прохладно.

Второй Главк МГБ СССР имел наиболее широкое поле оперативной деятельности. В обстановке развернувшейся в послевоенный период холодной войны продолжалась борьба против западных спецслужб. Не случайно 2 февраля 1947 года был издан приказ МГБ СССР «Об усилении контрразведывательной работы по борьбе с агентурой американской и английской разведок». Приведу один пример конкретной деятельности Е.П. Петровича на посту головного контрразведчика страны.

Второе Главное управление МГБ СССР и МГБ Латвии вели оперативную игру «Дуэль» против американской, английской и шведской разведок. В работе чекисты добились конкретных оперативных успехов. Были скомпрометированы и отозваны из СССР военный атташе США Роберт Гроу, помощник военно-

морского атташе Роберт Дреер и другие «партнеры» из бывших союзников, которые вели себя не совсем корректно — по-хамски, как наглые, надоедливые гости.

Е.П. Питовранов принял активное участие в этой оперативной игре. Составил аналитическую справку по делу, в которой предложил ужесточить и ограничить географию передвижения иностранных дипломатов. В результате этой проделанной работы появился министерский приказ. На повышение результативности такого рода работы был направлен изданный в мае 1949 года приказ МГБ СССР «О порядке передвижения по территории Советского Союза дипломатических и консульских представителей иностранных государств и сотрудников иностранных посольств и миссий в СССР».

Второй Главк МГБ занимался вскрытием, предупреждением и пресечением разведывательно-шпионской деятельности вражеских разведок, их резидентур, закамуфлированных или работавших «под крышей» в штатах иностранных посольств, торговых и иных представительств, аккредитованных лиц из числа иностранцев, а также наемных шпионов — советских граждан, вставших на путь предательства.

Третье управление, потом ставшее Главным, обеспечивало выполнение сходных задач во всех воинских частях и соединениях Советской армии. Еще во времена Гражданской войны это управление было известно как военная контрразведка. Такое название было восстановлено и существовало вплоть до развала СССР.

Это был период «войны после войны» против националистического подполья на Западной Украине и в Прибалтике. Масштаб подобной борьбы можно проиллюстрировать следующими цифрами:

• Только в 1946 году в Станиславской (ныне Ивано-Франковской. — *Авт.)* области Западной Украины органами госбезопасности было полностью разгромлено 184 подпольные организации и 96 бандитских групп, входивших в Организацию украинских националистов ((ОУН). Деятельность организации запрещена на территории РФ. — *Авт.)*. Убито и обезврежено более десяти тысяч бандитов, среди которых 571 человек из числа руководящего состава ОУН и Украинской повстанческой армии ((УПА). Деятельность организации запрещена на территории РФ. — *Авт.)*.

• В течение того же года во Львовской области были вскрыты и ликвидированы 198 бандитских групп и подпольных организаций, уничтожено 1728 бандитов, захвачено 5319, арестовано 1119, явилось с повинной 595 бандитов.

• В 1946 году на территории Латвии в ходе чекистских операций было ликвидировано 338 бандитов, захвачено 3642, добровольно сдались властям 2569 человек.

• С 1 октября 1946 года до 1 марта 1947 года в Литве были вскрыты и ликвидированы 136 подпольных организаций и групп, уничтожено 776 бандитов и арестовано свыше трех тысяч человек из числа бандпособников и антисоветских элементов, сложили оружие 584 человека.

• В Эстонии чекистам удалось разгромить несколько крупных банд и ликвидировать подпольную группу во главе с резидентом американской разведки Р. Салисте.

А всего, по данным историка В.Ф. Некрасова, глубоко изучившего результаты борьбы с бандформированиями, в 1946–1951 годы в западных областях Украины, Белоруссии и Прибалтийских республиках в результате операций органов госбезопасности было ликвидировано и ранено 26 226 и захвачено в плен 69 834 человека. Изъято оружия: 3053 пулемета, 12 998 автоматов, 24 169 винтовок, 16 995 пистолетов и 26 200 гранат, а также 472 661 патрон.

Это цифры — результаты тяжелейшей работы контрразведчиков в «войне после войны», когда подогреваемая и финансируемая Западом во главе с США кучка националистов разных мастей с оружием в руках пыталась организовать второй поход против страны-победителя — Красной Империи в Большой войне. Но они оказались банкротами.

Державы рассыпаются, когда их пытаются порушить и внутри, и с краев. Тогда в 40-50-е не обломали — обломали в 91-м году. Война с убийствами из-за угла, выстрелы в спину, палаческая жестокость так называемых повстанцев надоела народу, жаждущему мирной жизни. Вот причина появления истребительных батальонов, охранных отрядов по селам и активизации деятельности оперативных подразделений правоохранительных органов, а также частей внутренних войск МВД союзных республик. Как известно, в борьбе — сила на силу — побеждает большая сила.

В 1991 году удалось методом внутреннего предательства и внешнего денежного вмешательства все-таки разломать Советскую Федерацию. Республики мирным путем получили свободу и самостоятельность. Казалось бы, господа и паны, стройте спокойно свое будущее! Однако опять привычная идея пожить за чужой счет, на халяву, заставила руководителей некоторых новых стран возмутиться. Критикуя за годы так называемой «оккупации» старшего брата, который поднял их «из грязи в князи», создал им невиданный уровень промышленного

развития, теперь они ополчились вновь на Россию, выпрашивая подачки в виде дешевых нефти и газа, пшеницы и промышленных товаров.

Трезвомыслящие люди этих стран, а их большинство, думают совсем по-другому. Никто не мирится с войнами, особенно гражданскими. А что касается Крыма и Донбасса — это воля народа, проживающего на этих территориях. Многого мои земляки-украинцы не знают: Крым и Донбасс продавались Пентагону еще задолго до 90-х президентами «незалежной»: первый — под базу ВМС США, а второй — семейству Байдена под изыскательный полигон сланцевого газа, где люди были бы стеснены или отодвинуты в сторону. США была нужна земля без людей. Скажите, Россия могла ли стерпеть такое унижение против русских, оказавшихся в плену отморозков, требующих «москаляку на гиляку» или россиянина «на ножи»?..

Но это тема другого серьезного разговора. А пока возвратимся к своему повествованию о нашем персонаже.

3 декабря 1950 года Политбюро ЦК ВКП(б) в связи с проводимой реформой органов внутренних дел и государственной безопасности было принято постановление, в котором, в частности, говорилось:

«Учитывая, что объем работы Министерства государственной безопасности значительно увеличился в связи с передачей из МВД СССР пограничных и внутренних войск, милиции, созданием новых оперативных управлений, а также для того, чтобы коллегиально рассматривать наиболее важные вопросы чекистсной работы, Политбюро ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Увеличить число заместителей министра государственной безопасности СССР до семи человек.

2. Утвердить заместителями министра государственной безопасности СССР:

тов. Питовранова Е.П., освободив его от должности начальника 2-го Главного управления МГБ СССР…».

Сталин вел кропотливую работу с кадрами в органах безопасности: одних убирал, других понижал, а третьих повышал в должности за хорошие и объективные показатели в работе.

Это было время, когда Сталин постепенно убирал со всех руководящих постов людей «Бериевской гвардии». Вообще любимая поговорка вождя: «Кадры решают все!» — предполагала, что кадры нужно контролировать, перетасовывать, а периодически даже «чистить». А вот за Питоврановым такого «греха», как бериевский протеже, не значилось. Более того, Сталин знал, что Меркулов, наиболее влиятельный ставленник

Лаврентия Павловича, держал Евгения Петровича «в черном теле», загнав его в Узбекистан, т. е. подальше от себя.

А еще этот период, с середины 40-х до 50-х годов, называют появлением новой «войны после войны». На Западной Украине и в Прибалтийских республиках бушевало повстанческое сопротивление с огромными людскими потерями. Пособники немцев: на территориях западных областей Украины — бандеровцы, в Прибалтике — «лесные братья», а также в Литве, Латвии и Эстонии, давали волю своим кровавым фантазиям. Они действовали партизанскими методами, тем более что оружия хватало.

Время начала 50-х отметилось массовой заброской вражеской агентуры на территорию Советского Союза. Чтобы не быть голословным, есть смысл привести некоторые подтверждающие примеры.

• Август 1951 года. В Молдавскую ССР сброшены на парашютах американские шпионы Ф.К. Саранцев и А.И. Османов.

• Сентябрь 1951 года. На территорию Западной Белоруссии с самолета заброшен шпион И.А. Филистович с заданием создания нелегальной вооруженной националистической организации.

• Май 1952 года. С американского самолета на парашютах сброшены на территорию Волынской области Украинской ССР агенты ЦРУ США А.П. Курочкин, Л.В. Кошелев и И.Н. Волошанский.

• Август 1952 года. На Сахалин водным путем заброшен американский шпион Е.Г. Голубев, а на территорию Белоруссии с самолета — агенты ЦРУ США М.П. Артюшевский, Г.А. Костюк, А.Т. Остриков и М.С. Кальницкий.

• Апрель 1953 года. В Краснодарский край нелегально заброшен шпион М.П. Кудрявцев, а на территорию Житомирской области с самолета без опознавательных знаков — агенты американской разведки А.В. Лахнов, А.Н. Маков, С.И. Корбунов и Д.А. Ремига.

• Май 1954 года. На территорию Эстонской ССР с самолета заброшены шпионы К.Н. Кукк, Х.А. Тоомла — лица эстонской национальности. Этим же самолетом, но над территорией Латвии был сброшен бывший преподаватель американской разведывательной школы в городе Кемптен (ФРГ) латыш Л.П. Бромберге. Он числился в школе Андресонс и имел псевдоним Энди. Цель его работы на советской территории — создать в Латвии шпионскую сеть из числа ранее заброшенных и вновь завербованных в СССР американских агентов.

В Прибалтийских республиках, помимо заданий шпионского характера, многие американские агенты осуществляли диверсии

и террористические акты. Особую активность в этом плане проявляла агентура противника из числа латышей и эстонцев, забрасываемых в СССР морским путем. Они не только убивали активистов советской власти и армейских командиров, но и использовали в своем арсенале мести пытки: отрубали кисти рук, загоняли иглы под ногти, увечили лица, в ярости и злобе выжигали у некоторых на спинах пятиконечные звезды. Создавалось впечатление, что возвращалось время средневековой инквизиции в худших формах ее проявления или пытки гитлеровских палачей, которым подверглись участники «Молодой гвардии». Сердце холодеет, когда читаешь изуверства «арийцев» в Краснодоне.

Поэтому советские граждане понимали, что лучший памятник жертвам — это справедливый приговор палачам. В этом русле действовала и вся правоохранительная система Советского Союза, считавшая, что жалость к извергам становится жестокостью по отношению к их жертвам.

В это время при попытке установить радиосвязь с резидентом ЦРУ США был захвачен с поличным агент американской разведки Энедль Мумм. При нем оказались данные на находившихся в подполье вооруженных банд эстонских националистов. В процессе ликвидации этих банд были захвачены 13 агентов американской разведки, в их числе Харри Вимм, Иоган Мальтис, Эвальд Халлиск, Аксель Поре и другие.

Не меньшей активностью сотрудничества с вражескими разведками отличались и литовские националисты. Они практиковали переходы через сухопутные границы ФРГ, ГДР, Польши, Литвы и обратно, о чем поведал разоблаченный кандидат на вербовку в качестве агента ЦРУ литовец Б.Б. Гуигу. Янки в нем ценили блестящее знание немецкого, польского и литовского языков, а также ненависть к русским, коммунистам, новой жизни в Литве. Но эти события уже произошли в 1958 году.

В бытность службы начальником Второго Главка МГБ СССР Е.П. Питовранову пригодился недавний опыт борьбы с диверсионно-террористическими группами и другой немецкой агентурой, забрасывавшейся в наши глубокие тылы. Приходилось часто выезжать «на передовую» — в районы боевых столкновений с бандитами. Надо отметить, что, руководя областными управлениями НКВД — НКГБ, Питовранов, лично провел несколько удачных вербовок среди лидеров националистических бандитских групп, склонив их к прекращению борьбы и сотрудничеству с органами советской контрразведки.

С одной из таких операций познакомим читателя, чтобы показать бесстрашие, мужество и гибкий ум героя книги. Евгений

Петрович много читал, хорошо знал отечественную литературу. По воспоминаниям знакомых Е.П. Питовранова по службе в ГДР и Высшей школе КГБ при СМ СССР капитана 1 ранга А.Т. Сипотенко и полковника А.К. Соловьева, из иностранных источников он любил черпать мудрость в стихах спорщика с Богом, великого поэта и философа Востока Омара Хайяма. Наверное, в раздумьях о человеческой жестокости он вспоминал остроумные рубаи этого мудреца, и в частности этот:

О жестокое небо, безжалостный Бог!
Ты еще никогда никому не помог.
Если видишь, что сердце обуглено горем, —
Ты немедля еще добавляешь ожог.

Морозной и вьюжной зимой 1947 года в районе латвийской железнодорожной станции Добеле, на одном из перегонов линии Елгава — Лиепая, с недельным интервалом были пущены под откос два воинских эшелона Советской армии. Пострадала боевая техника, и погибли «на войне после войны» десятки военнослужащих, оставшихся живыми после 1418-суточного огненного марафона Великой Отечественной войны. Из анализа документов, составленных местными чекистами в ходе проверки выдвинутых версий, выходило, что диверсию совершила группа «лесных братьев», которыми командовал местный житель, латыш, имевший кличку Корень. О нем было известно, что он в начале Великой Отечественной войны был младшим командиром Красной армии, перешедшим в первые дни войны к гитлеровцам.

Новые хозяева обратили внимание на проявленную им жестокость во время карательных операций по отношению к гражданам, сочувствующим советской власти. В 44-м году пришел конец оккупантам на этой земле. Руководство военной разведки Германии — абвера, понимая необходимость дальнейшей подрывной работы против СССР и надеясь вернуться сюда после сепаратных договоренностей правительства с американцами, провело вербовку Корня. Его подготовили как боевика и радиста, снабдив быстродействующей рацией, шифрами и кодами, оружием, взрывчаткой, деньгами и настоящими советскими документами. В диверсионно-террористическую группу Корня вошло еще два местных жителя.

Обер-лейтенант абвера, инструктировавший перед отступлением вермахта своего резидента, определил ему такую линию поведения: осесть на узловой станции Елгава, следить за

продвижением воинских эшелонов, проводить по приказу Центра диверсионные акты на железнодорожных магистралях и террористические акты в отношении советского и партийного актива, а также командиров Красной армии. Он же рекомендовал о результатах проведенных операций передавать по радиосвязи с указанием места и времени. Корень обосновался по фиктивным документам под другой фамилией. Но его нашли, правда, не контрразведчики, а его же «братья по оружию» из крупного и жестокого карательного бандформирования «Даугавас ванаги» («Двинские соколы»). Они хорошо запомнили его совместные действия против советских партизан и военнослужащих. Негласные отношения с немцами он скрыл, но согласился на сотрудничество в борьбе против советской власти. Однажды, обнаружив за собою «хвост», он понял, что попал под колпак советских органов госбезопасности. Поэтому без согласования с «ванагами» Корень перешел на нелегальное положение. С двумя коллегами они вырыли настоящую берлогу — землянку, в которой можно было выжить даже в лютые морозы. В схроне разместили: оружие, боеприпасы, взрывчатку, рацию, запасы продовольствия. Оборудовали запасной выход для побега в случае обнаружения бункера. Даже для обогрева соорудили небольшую голландку, работавшую в ночном режиме.

Окончательно Корень разругался с «ванагами» из-за дележа денег. Дело в том, что 16 декабря 1947 года в СССР была проведена денежная реформа. Обменять старые деньги на новые можно было только по предъявлении личных документов, что было крайне опасно для «лесного подпольщика». Большую сумму, переданную ему немцами, он передал для обмена «Двинским соколам», но «соколята» крупно обманули, практически оставивши его без средств существования. Оставался один путь — уголовный, через нападения на банки, сберкассы, инкассаторов и магазины. Такие операции он зачислял в разряд ликвидации советских активистов. Но его хозяева, располагавшиеся в американской зоне оккупации, требовали более громких диверсий. Такими и явились подрывы двух товарняков с боевой техникой, вооружением и личным составом, что вызвало серьезную озабоченность в Кремле и на Лубянке.

Оперативное совещание по поводу подрыва этих двух эшелонов срочно было проведено министром госбезопасности генерал-полковником В.С. Абакумовым. По согласованию с ним расследование ЧП взял на себя Е.П. Питовранов, который без промедления вылетел в Ригу.

После доклада латышских коллег стала постепенно вырисовываться более реальная картина. Удалось установить круг

лиц, возможно, причастных к совершению двух диверсионных актов. Среди них значился недавно исчезнувший из Елгавы Корень. Прорабатывая его связи, местные сотрудники госбезопасности вышли на его близкую связь, бывшего нашего агента Линду — это вскрылось во время проверки, которая оставалась в городе и при опросе призналась, что у Корня сложились натянутые отношения с «ванагами».

Е.П. Питовранов решил с ней побеседовать лично. Такая встреча состоялась. Напротив него сидела миловидная русоволосая прибалтийская девушка, прекрасно понимающая, кто перед ней находится, что и как отвечать на задаваемые им вопросы в отношении Корня. А еще она надеялась, что органы госбезопасности, наконец, положат конец ее мытарствам в надоевшей подпольной жизни — захотелось истинной свободы.

— Где же он может находиться, а вернее, прятаться? — спросил Питовранов у девушки. — Он покинул лесной бункер?

— Да! Думаю, он прячется на каком-то дальнем хуторе, где еще при немцах была оборудована конспиративная квартира для работы с рацией. Сначала с немцами, а теперь с американцами.

— Знают ли об этом «лесные братья»?

— Нет, он об этой квартире ничего им не рассказывал, — ответила Линда. — Правда, хочу вас предупредить, что наши партизаны организовали охоту на него.

— Чем же он им не понравился сегодня?

— У них появилось подозрение, что он связан с русскими из-за многочисленных провалов в последнее время.

— Как мне докладывали мои местные коллеги, вы были в комсомоле до войны. Это правда?

— Да!

— Боролись с оккупантами в подполье? — продолжил генерал.

— Да!

— И вдруг — на стороне немцев. Чем можно объяснить такое быстрое перерождение? — поинтересовался Питов-ранов.

Линда съежилась, как будто ее хлестнули плеткой:

— Нас предали… Борьба за жизнь… Я предпочла расстрелу сотрудничество с абвером…

Кстати, эти обстоятельства были использованы в качестве аргументов при ее перевербовке местными контрразведчиками.

— А еще, товарищ начальник, Корень обеспокоен судьбой семьи: матери, жены и двоих детей… Их отправили в Сибирь, — дополнила показания девушка.

Питовранову удалось так расположить Линду к себе, так убедить ее в необходимости оказания помощи органам

госбезопасности, что она согласилась попытаться склонить его к разговору с начальником контрразведки Советского Союза. Ему гарантировалась жизнь, семье — возвращение из Сибири.

И Линда все-таки нашла Корня…

В разговоре с ним он спросил ее:

— На каких условиях я должен пойти на сотрудничество с советами?

— Договаривайтесь с этим начальником. Мне показалось он порядочный человек, — ответила ему девушка, которой он тоже доверял как единомышленнице.

Корень согласился встретиться с генералом из Москвы. Место выбрал сам — в ветхой рыбацкой избушке, стоящей одиноко на песчаной косе у моря. Вокруг ни леса, ни кустарников, только хорошо просматривающаяся на километры белоснежная равнина.

Центр выражал обоснованные сомнения в целесообразности такой встречи: врагу советской власти, за которым тянется шлейф тяжелых преступлений против нее, нечего терять. Он понимал — его ждет арест, суд и «вышка». На другие варианты в своей судьбе он не рассчитывал.

После изучения всех материалов на лесного отшельника, в том числе «Личного дела» Гунарда Езерше, курсанта школы младших командиров в городе Резекне, 1914 года рождения, и, поговорив с людьми Корня, близко знавшими Гунарда, Питовранов пришел к заключению о необходимости проведения личной с ним встречи.

«Да, передо мной коварный, хитрый, изворотливый враг, — рассуждал главный контрразведчик страны. — Он может пойти на крайнюю меру — применить оружие, если почувствует элементы фальши при беседе с ним. Поэтому нужно быть предельно внимательным в аргументации доводов при разговоре с опытным врагом. Но одновременно надо дать почувствовать, что эта встреча для него — конец тому временному безумию, в каком он варится. Это он хорошо должен понимать: «лесные братья» охотятся за ним, чекисты все равно поймают, а тут советская власть сама протягивает руку помощи, чтобы избавить его от грехов, искупив свою вину достойным для него и людей поступком. И главное — у него есть возможность попытаться освободить семью».

Договорились таким образом: Питовранов, не дойдя до избушки метров двести, должен коротко «мигнуть» фонариком. Ответное «мигание» будет означать, что переговорщик на месте. Но ответа не последовало. Евгений Петрович начал уже разворачиваться, как краем глаза засек нужный сигнал, поданный из-под одной из старых перевернутых лодок, лежащих на берегу.

Контрразведчик пошел на сигнал и, не доходя метров пятидесяти до места «мигания», достаточно громко крикнул:

— Я без оружия… Выброси и ты свое, но так, чтобы я видел!

Через мгновение из-под лодки высунулась рука, отшвырнувшая какой-то тяжелый предмет, завернутый в шарф.

— Вылезай, Гунард! Я к тебе пришел с важным делом… Пришел, как видишь, один. Пойдем в домик потолкуем. Привез тебе приветы от Эльзы и Пятраса… Они уже совсем большие… Мать и жена тоже здоровы… У меня есть их адреса и фотографии…

Питовранов говорил, не прерываясь ни на мгновение. Он наседал, наступал, но не давил, подчеркивая, что пришел, чтобы спасти его, но главное — сохранить жизнь невиновным, возможно, будущим жертвам его безумной деятельности. Он понимал, что такой метод общения психологически поможет сковать серьезного оппонента и самому подавить собственное волнение.

— Не бойся, я один без всякого сопровождения, — продолжал толковать генерал. — Давай зайдем в домик. Там спокойно поговорим. Побеседуем как мужики…

Эта прицельная монотонность в обращении дала свои результаты.

Как только Гунард вылез из-под лодки и они встретились лицом к лицу, Питовранов опустил руку в карман. Корень напрягся, даже несколько пошатнулся, как показалось контрразведчику. Но чекист вынул из кармана не пистолет, а протянул бандиту свое удостоверение:

— На, читай… Генерал-майор, начальник Главного управления…

Прежде чем прочесть должность и краткие данные на его владельца, Гунард внимательно посмотрел на лицо моложавого генерала — сверял.

— Гунард, времени у нас мало, а «подвигов», совершенных тобой, мягко говоря, многовато. Но не будем углубляться в них. Ради твоего спасения и освобождения семьи нужно тебе поработать на победителей.

— Как?

— Прийти к «ванагам» и «покаяться», рассказав о наличии радиосвязи с американцами. Это сразу же снимет у них подозрение о твоей связи с русскими. Рассказать, что американцы в ближайшее время обещали помочь деньгами и оружием. Они попытаются проверить эту информацию. Янки, несомненно, подтвердят наличие такого бойца у них. Связь с нами будете держать через Линду. Одно прошу учесть: не участвовать в

диверсионных актах, — инструктировал Питовранов, — это очень поможет тебе в дальнейшей жизни.

— Какие гарантии? — как-то тревожно поинтересовался Гунард.

— Сохранение тебе жизни при любом решении суда, через пару месяцев возвратить на прежнее место жительства или в другом месте семью, обеспечив ее под прикрытием социального обеспечения выплаты ежемесячных пособий…

Оппонент внимательно слушал монолог генерала. Когда разговор закончился и Корень перестал существовать, а появился негласный сотрудник органов госбезопасности Пятрас — по имени любимого сына, и тут Гунард неожиданно обратился к собеседнику:

— Знаешь, покажи мне еще раз удостоверение…

Пятрас после второго ознакомлением с содержанием удостоверения, бросил на него страдальческий взгляд:

— Спасибо… товарищ генерал…

«Какой молодой, а уже генерал, — рассуждал Пятрас, — начальник контрразведки всего Советского Союза. Не побоялся встретиться со мной. Он ведь мог погибнуть, если бы я почувствовал фальшь в разговоре со мной. Значит, смелый и решительный мужик. Таких нельзя не уважать. Уверен, он выполнит свое обещание».

Как и предполагал Питовранов «Даугавас ванаги» имели свой канал радиосвязи с американцами, которые подтвердили об агентурных отношениях с ними Корня. На этом бандюки успокоились, хотя держали его под неусыпным наблюдением. Несмотря на жесткий режим контрольного наблюдения, Пятрас многое сделал для того, чтобы снизить накал страстей и предотвратить десятки бандитских акций. Информационный канал связи Пятрас — Линда сработал отлично…

Гунард очень старался, чтобы искупить свою вину и вернуться в семью, которую обещал возвратить из Сибири чекист. Он больше верил словам советского генерала — контрразведчика, чем американцам, цинично относящимся к своей выработавшейся агентуре по-шиллеровски: «Мавр сделал свое дело, мавр может уходить».

К сожалению, в 1951 году, переправляясь по морскому каналу с заданием в Швецию Пятрас погиб: огромная волна во время неожиданно разразившегося шторма выбросила его с быстроходной лодки. Холодная черная вода разбушевавшегося Балтийского моря поглотила его в свою пучину. Море стало его могилой…

О бандеровском подполье и его деятельности на Западной

Украине написано немало книг и статей. Мы же расскажем об одной операции, проведенной при непосредственном участии начальника контрразведки МГБ СССР генерал-майора Е.П. Питовранова совместно с украинскими коллегами по установлению места нахождения агента абвера, руководителя службы безопасности (СБ) ОУН Н.В. Арсенича-Березовского (псевдонимы: Арсен, Березовский, Григор, 432, Демьян, Максим, Николай, Михайло).

Он характеризовался как «самый жестокий бандеровец, не считавшийся ни с какими обстоятельствами и не знающий иных мер влияния, кроме физического уничтожении». Один из руководителей Второго управления МГБ УССР докладывал на Лубянку:

«Следственная и карательная практика «службы безопасности», являясь одним из видов террора, проводимого ОУН — УПА, носит характер, превосходящий по своей мерзости Средневековье. Так называемое «цуркування», когда допрашиваемому связывают голову тонким ремнем или крепкой бичевой, а затем постепенно накручивают палкой до тех пор, пока череп не даст трещин, прижигание пяток, избиение — таков метод следствия «службы безопасности» ОУН — УПА. Повешение, убийства заподозренных людей и их семей, в том числе матерей, жен и детей топором, перепиливание пилой — так обычно выполняются приговоры, выносимые следователями полицейско-исполнительных органов «службы безопасности ОУН — УПА…»

О крайней жестокости сотрудников СБ под руководством Арсенича-Березовского рассказывалось много в советских, украинских и польских источниках — книгах, статьях и документально-художественных фильмах. В 1944 году этот фанат-националист в составе ОУН(б) провел переговоры с представителями Гитлера о совместной борьбе против СССР.

Несколько слов об операции по его задержанию.

Она проводилась таким образом. 21 января 1947 года в районе сел Жуков и Гиновице Бережанского района Тернопольской области началась чекистско-войсковая операция по установлению и задержанию этого бандита. Наводку о месте его нахождения дал один из перевербованных оуновцев. В ходе зачистки территории 23 января курсантом Т. полковой школы 290-го стрелкового полка внутренних войск (ВВ) МВД были замечены на склоне обрыва легкий пар и слегка оттаявшая земля. Именно по этим признакам была обнаружена вентиляционная отдушина схрона. Солдат направил железный щуп в отверстие отдушины, в результате чего внутрь землянки упала «пробка», которой было заткнуто отверстие отдушины. По звону разбитой

посуды, на которую свалилась, по всей вероятности, подушка, было точно установлено место тайника в лесу, который был немедленно блокирован. В одном метре от лесной дороги оперативники обнаружили хорошо замаскированное входное отверстие бункера, которое открыли солдаты.

Бандеровцам, находящимся в подземелье, было предложено сдаться и выйти наружу. В ответ на эту команду из землянки выскочил один из бандитов и открыл огонь из автомата по оперативно-войсковой группе, но ответным огнем он был убит и упал куда-то вниз. После этого оперативники услышали внутри несколько выстрелов. Как потом выяснилось, в схроне Михайло из пистолета застрелил свою жену, бывшую его секретаршу по кличке Вера и связную Центрального провода ОУН по кличке Наталка, после чего облил керосином документы, поджег их и застрелился сам.

В ходе обследования схрона из подземелья были извлечены трупы двух мужчин и двух женщин:

1) Арсенича-Березовского Николая Васильевича 1910 года рождения, уроженца с. Березово-Нижнее Яблоновского района Станиславской области;

2) Веры, жены Михайло, руководителя женской референтуры Львовского городского провода ОУН;

3) Наталки, связной Центрального провода ОУ;

4) труп четвертого бандита не был опознан в связи с тем, что голова и лицо убитого были полностью обезображены взрывом гранаты, на которую он упал.

Из схрона оперативники изъяли: автоматов — 2, пистолетов — 2, винтовку — 1, пишущую машинку — 1, телефонный аппарат — 1, два мешка документов, среди которых:

— партийных билетов ВКП(б) — 14,

— комсомольских билетов — 17,

— военных билетов — 52,

— красноармейских книжек — 21,

— советских паспортов — 53,

— удостоверений участковых уполномоченных милиции — 12,

— удостоверений личности работников МВД-МГБ — 14,

— удостоверений и справок советских учреждений — 200,

— копии протоколов допросов СБ и списки убитых бандитами СБ советских граждан примерно на 1000 человек,

— личные рукописи Михайло: инструкции и наставления о работе СБ и другие документы.

Из Киева в Москву полетела шифровка о ликвидации матерого бандита. Е.П. Питовранов докладывал В.С. Абакумову о

том, что трупы убитых были доставлены в Управление МГБ Львовской области, где бывшие члены Центрального провода ОУН — Сергей и Аркадий опознали Михайло и его жену Веру. Изъятые документы изучаются. Операция в районе Жуков — Гиновице продолжается в направлении розыска схронов охраны Михайло и его архивов…

Кроме того, контрразведка Второго Главного управления МГБ СССР, которым руководил Е.П. Питовранов, совместно с военными контрразведчиками и подразделениями государственной безопасности УССР длительное время занималась поиском главнокомандующего УПА (с января 1944 по март 1950 год) Романа Шухевича, он же Чернець (Монах), Туча, Степан, Дзвин (Колокол), Щука, Тур, Тарас Чупрынка, Роман Лозовский, Белый, Старый и другие.

Шухевич являлся одним из организаторов массовых убийств поляков и евреев в ходе деятельности УПА на Западной Украине. «Послужной» список его преступлений велик и кровав. Начал убивать и грабить с 19 лет. Так:

— в 1926 году убил Яна Собинского, инспектора школ, только за то, что тот ратовал, чтобы в школах преподавали не только украинский, но и польский язык;

— в 1933 году провел во Львове теракт в отношении Андрея Майлова, советского консула;

— в 1934 году уничтожил Бронислава Перацкого, министра внутренних дел Польши;

— 30 июня 1941 года, командуя батальоном СС «Нахтигаль» в чине гауптмана, ворвался раньше немцев во Львов и истребил за несколько дней почти 4000 евреев и поляков;

— в 1942 году, являясь заместителем командира 201-го охранного батальона СС, воевал на территории Белоруссии против партизан, уничтожив за девять месяцев своей кровавой одиссеи более 2000 народных мстителей. При этом сами украинские легионеры потеряли всего 89 убитыми и ранеными;

— в 1944 году инициировал создание Главного военного штаба УПА. Тех, кто противился этому решению главного бандеровца на Западной Украине, приказал расстрелять;

— с 1944 по 1950 год фактически руководил УПА и ОУН, поскольку Бандере руководство Третьего рейха, а потом американцы настоятельно рекомендовали не возвращаться на Украину;

— в 1947 года смертельно ранил на конспиративной квартире участкового в селе Гримне Дрогобычской области;

— в 1950 году убил майора Ревенко, участвующего в операции по задержанию начальника отделения Управления 2-Н

МГБ УССР…

Кровавые дела этого упыря бандеровщины отмечены многими дикостями, которые даже немцы не позволяли себе. Его «вояки» вспарывали животы и сыпали на раны соль, бросали несчастных умирать мучительной смертью. Сжигали дома, где люди сгорали заживо. Мучители бросали живыми свои жертвы в колодцы. Партизану на Полесье во вскрытый живот зашили мышь. Топорами рубили младенцев матерей, мужья которых служили и воевали на фронте в Красной армии…

Как известно, в 1942 году была создана УПА, куда вошел и батальон СС «Нахтигаль». Теперь он не Роман Шухевич, а Тарас Чупрынка — не немецкий гауптман, а генерал-хорунжий. Издает приказы и подписывает приговоры «зрадныкам» — предателям. Приведем выдержку одного из приказов за 1944 год:

«В связи с успехами большевиков следует поспешить с ликвидацией поляков… За убийство одного украинца поляками… расстрелять 100 поляков… Пароль: «Наша ночь, наш лес».

Дело на этого бандита выделили в отдельное производство, и 31 октября 1944 года, в рамках агентурного дела «Берлога», на него было заведено розыскное дело под кодовым названием «Волк». Ориентировка о приметах Шухевича была подписана заместителем министра госбезопасности СССР генерал-лейтенантом Огольцовым за № 13 10 марта 1948 года. В ней говорилось:

«ПРИМЕТЫ ШУХЕВИЧА:

Среднего роста, худощавый, рыжеватый блондин, большие уши, волосы зачесаны назад, лицо худощавое, продолговатое, в веснушках, нос тонкий, прямой, длинный, губы тонкие, глаза серые, быстрые, брови широкие, разговаривает тихо, быстро, голос мягкий, в движениях быстр.

Примите энергичные меры розыска и ареста Шухевича, в случае ареста немедленно сообщите во 2-е Главное Управление МГБ СССР».

В этот период Вторым Главным управлением МГБ СССР руководил Е.П. Питовранов, на которого В.С. Абакумов возложил практически всю аналитическую и чисто оперативную работу по розыску не пойманного руководителя УПА.

О Шухевиче было известно, что в период с 1939 по 1942 год сотрудничал с нацистской Германией. Обучался в секретной школе абвера, служил в вооруженных подразделениях Третьего рейха. Являлся заместителем командира специального батальона «Нахтигаль» («Соловей») в звании гауптмана (капитана. — *Авт.),* а с ноября 1941 года — заместителем командира 201-го батальона шуцманшафта — «Украинский

легион», немецкое подразделение, подчиненное СС. С марта по декабрь 1942 года действовал на территории Белоруссии против советских партизан.

Работа по розыску Шухевича стала активизироваться после задержания в июле 1945 года его бывшей жены Натальи Березинской, находившейся в то время в разводе с мужем, и в сентябре 1947 года личной его связной Екатерины Зарецкой — Монеты. Во время задержания последняя оказала сопротивление, тяжело ранив одного из оперативников, но была задержана его напарником.

В ходе выполнения плановых заданий по борьбе с бандеровскими бандформированиями, их руководителями и пособниками органам госбезопасности удалось существенно сузить маневр украинских радикалов. Граждане Западной Украины устали от кровавой вакханалии доморощенных упырей. Много рядовых вояк из УПА явились с повинной. Среди них оперативниками была проведена большая профилактическая и опросная работа, в результате которой были выявлены глубоко законспирированные явочные квартиры, лесные бункеры, где прятались от закономерного возмездия руководители ОУН и УПА разных звеньев. Их настигала неизбежная карма.

Автору книги, проживавшему в городе Сарны Ровенской области в 1947 году, было семь лет. Я помню, как на борьбу с бандеровцами собирались истребительные отряды из числа рабочих, крестьян и интеллигенции, которые направлялись на «корчовку» бандитизма, в том числе и политического.

Запомнился еще один эпизод. Отец, машинист паровоза, возвратился из поездки крайне взволнованным. Он рассказал своей матери, моей бабушке Марии Захаровне, что его состав подорвали бандиты и он по чистой случайности остался жив. Паровоз проскочил мину, а оторванный эшелон пошел под откос. Через некоторое время отец сообщил, что в подобной ситуации погиб его друг — машинист паровоза Солошин. Таких случаев в тех краях было немало…

В мае 1948 года, в рамках дела «Берлога», Вторым Главным управлением МГБ СССР был разработан очередной план агентурно-оперативных мероприятий по розыску и ликвидации членов Центрального провода ОУН и их окружения. Как и прежде, главным объектом розыска был Волк — Роман Шухевич. Полученные данные при допросах задержанных оуновцев свидетельствовали, что, вероятнее всего, командир УПА и другие функционеры ОУН скрываются в двух районах: в Рогатинском — Станиславской области и Перемышлянском — Львовской области.

С этой целью на территории Рогатинского района и в Бережанском районе Тернопольской области были созданы две чекистские группы (группа № 1 и группа № 2). Они были законспирированы под сотрудников, занимающихся геологоразведкой, нефтеразведкой и сбором лекарственных растений. По мнению чекистского руководства, такие группы могли беспрепятственно разъезжать по районам и не привлекать внимания оуновцев.

5 августа 1948 года, в результате проведения чекистско-войсковой операции группой № 1 в урочище Волчья Пута Рогатинского района, был обнаружен небольшой бандеровский отряд. В ходе перестрелки, а затем преследования разбегающихся бандитов был пленен оуновец Зиновий Благий — Шпак, оказавшийся руководителем хозяйственной референтуры Центрального провода и шеф Рогатинского окружного провода ОУН. На допросах он дал показания о состоянии подполья и известных ему местах укрытия его главарей. На основании показаний Шпака в сентябре 1948 года МГБ УССР была разработана и проведена операция с использованием скрытно действующих маневренных чекистско-войсковых и агентурно-боевых групп в местах возможного укрытия Шухевича.

Аналитическая работа Е.П. Питовранова вскрыла ряд фактов медлительности в проведении подобных операций, о чем он доложил Абакумову. В результате вышел соответствующий приказ.

Часть агентурно-осведомительной сети по существу работала исключительно по поиску Волка, но, к сожалению, безрезультатно. Существенно усилилась оперативная работа после выхода приказа министра госбезопасности В.С. Абакумова № 00469 от 14 декабря 1948 года. В нем, в частности, говорилось:

«Руководящий состав УМГБ западных областей Украины и некоторые работники МГБ УССР зачастую много говорят, но практически мало делают по вскрытию руководящих звеньев оуновского подполья, в то время как без ликвидации руководящих звеньев ОУН нанести окончательный удар попросту невозможно… Агентурная сеть засорена предателями, которые нередко водят за нос кое-кого из наших работников…»

Он призывал искоренить вредные настроения самоуспокоенности, перестроить работу, направив агентуру на выявление участников националистического подполья, в том числе и из среды пришедших с повинной и легализовавшихся оуновцев.

По агентурным данным, контрразведчики выяснили адреса некоторых мест, где скрывался в прошлом Шухевич. Одной из

конспиративных квартир являлся дом в селе Гримне Дрогобычской области. Наводку о том, что в селе появились новые жильцы, получил местный участковый. Он решил наведаться к хозяину. Его встретили хозяйка и молодая женщина. Во время проверки одной из комнат он был смертельно ранен вышедшим навстречу ему неизвестным. Как потом выяснилось, стрелял в милиционера Шухевич, а с ним жили два боевика — Юрко и Влодко, а также связник и любовница командующего Дарка — Дарья Гусяк.

После провала квартиры в селе Гримне командир УПА до осени жил в повстанческом лагере в Иловском лесу Львовской области.

На зиму боевики планировали оборудовать ему квартиру в селе Зимневодка (Зимние Воды) в 20 километрах от Львова. Для реализации этого плана Дарья Гусяк летом 1948 года заключила фиктивный брак с Михаилом Мельником, переселенцем из Польши, который после регистрации осел в Зимневодке. В его доме и предполагалось поместить Шухевича, однако Мельник заподозрил, что его «жена» связана с подпольем ОУН. Тогда по указанию Шухевича его убил боевик Юрко, а Дарка из Зимневодки сбежала.

После этого Дарья Гусяк и боевики Юрко» и «Влодко оборудовали для командующего новое убежище в селе Белогорща на северо-западной окраине Львова, в двухэтажном доме Анны Конюшик, работавшей учительницей местной средней школы, ярой националисткой.

Шухевич с боевиками охраны поселился на втором этаже дома Анны Конюшик. На первом этаже находился небольшой кооперативный магазин. В доме, под видом экономки Анны, по фиктивным документам переселенки из Польши Стефании Кулик, заранее прописалась Галина Дидык. Она, как настоящая экономка, готовила еду, следила за огородом, кормила корову и поросенка. В тамбуре второго этажа напротив лестницы боевики оборудовали для Шухевича тайник — узкий деревянный короб с раздвигающейся стенкой, вход в который прикрывал ковер.

Осенью 1948 года по указанию Шухевича в Киев и Полтаву выезжала Дарья Гусяк, которая осматривала там место расположения памятников Ленину и Петру Первому, изучая подходы к ним для оценки возможности их подрывов. Уже тогда галицийские националисты пытались распространить свою идеологию среди населения Восточной Украины.

Шухевич часто болел, а поэтому по поддельным документам он дважды выезжал поправлять здоровье в Одессу, лечился во Львове и у местных лекарей. Операции по наводке опергрупп

проводились все чаще и чаще, но Шухевичу всякий раз удавалось выскальзывать из расставленных чекистами сетей. Но оуновское подполье продолжало действовать. 24 октября 1949 года во Львове был зверски убит писатель и журналист Ярослав Галан. Убийцы нанесли ему 11 рубленых ран головы, десять из которых оказались смертельными.

Хрущев доложил об этом факте Сталину, который тут же позвонил Абакумову:

— Зайдите…

Можно только предположить, какой разговор у них состоялся.

9 ноября Абакумов издал директиву, адресованную министру госбезопасности УССР Н.К. Ковальчуку, его заместителям и начальникам управлений МГБ западных областей Украины. В ней он требовал:

«…в кратчайший срок добиться поимки главарей ОУН… Прекратить… перестройки чекистско-войсковых групп по борьбе с бандитами и дать возможность оперативным работникам выполнять до конца возложенные на них задачи, оказывая им всемерную помощь в повседневной работе…»

Убийство Галана и директива Абакумова существенно активизировали действия чекистов. Были арестованы ряд руководящих персон УПА и ОУН. Следователи глубоко разбирались с каждым бандитом в целях получения наводки на место возможного проживания Шухевича. Аресты связной командующего УПА Дарьи Гусяк — Дарки и еще нескольких бандитов, близко стоящих к руководителю ОУН и УПА, показали, что вопрос его задержания стал вопросом времени.

Узнав об аресте Дарьи Гусяк, Шухевич и Дидык собирались в ночь с 5 на 6 марта покинуть Белогорщу и перебраться в новую берлогу, но это им не удалось. Чекисты точно вычислили место нахождения Тараса Чупрынки через признательные показания арестованного руководителя СБ Рогатинского окружного провода ОУН «Демида» — доверенного лица Шухевича. Когда оперативники подошли к дому и постучали, Дидык не открыла им дверь. Из документов МГБ:

«В ответ на отказ женщины открыть дверь оперативные работники выбили ее, проникли в квартиру, где была одна женщина, которая назвала себя Нулик Стефанией и в подтверждение предъявила необходимые документы… Оперработники в домработнице сразу узнали Дидык Галину, арестовали ее, изъяли пистолет, объявили ей, что она — Дидык и предложили выдать живым Шухевича Романа, который прятался вместе с ней в одном доме. Захваченная возражала, что она Дидык, что Шухевича вообще не знает и что, кроме нее, в доме никого нет.

Одновременно с допросом Дидык был начат тщательный обыск дома…»

Дидык пыталась отравиться, но ее спасли.

Шухевич спрятался в заранее изготовленном коробе, прикрытым ковром…

А дальше события в доме разные авторы описывают по-разному.

В Записке по ВЧ в адрес МГБ СССР В.С. Абакумову и МГБ УССР генерал-лейтенанту Н.К. Ковальчуку сообщалось:

«…Наша группа, которая вошла в дом, приступила к операции, в ходе которой Шухевичу было предложено сдаться. В ответ на это Шухевич оказал вооруженное сопротивление, открыл огонь из автомата и убил майора Ревенко… несмотря на принятые меры к захвату его живым, во время перестрелки был убит сержантом 8 ср 10 сп ВВ МВД…»

Генерал-майор Дроздов В.А. докладывал:

«Во время обыска из-за деревянной перегородки по площадке лестницы были произведены выстрелы. В это время по лестнице поднимались начальник отделения Управления 2-Н МГБ УССР майор Ревенко и заместитель начальника УМГБ Львовской области полковник Фокин. В возникшей перестрелке тов. Ревенко на площадке лестницы был убит. Во время стрельбы из укрытия выскочил бандит с пистолетом и гранатой в руке и бросился вниз по ступенькам… В это время сержант Полищук, который стоял во дворе, подбежал и автоматной очередью убил бандита. В убитом был опознан главарь оуновского подполья в западных областях УССР Шухевич Роман Иосифович…»

Генерал-лейтенант П.А. Судоплатов, в свою очередь, пояснил:

Генерал МГБ Дроздов потребовал от Шухевича сложить оружие — в этом случае ему гарантировали жизнь. В ответ прозвучала автоматная очередь. Шухевич пытался прорвать кольцо окружения, бросил из укрытия две ручные гранаты. Завязалась перестрелка, в результате которой Шухевич был убит».

По версии Ю.И. Шаповала и Д.В. Веденеева, современных украинских историков, описавших по документам СБУ Украины историю гибели командарма УПА, он сам успел застрелиться из пистолета системы «Вальтер».

После ликвидации Шухевича Гусяк и Зарицкая продолжали сотрудничество со следствием, выдав адреса 105 явочных квартир УПА. На основании их показаний было арестовано 93 и завербовано 14 человек.

Непростой оказалась судьба и сына Романа Шухевича — Юрия, родившегося в 1933 году. Трижды его приговаривали к десяти годам лишения свободы — в 1949, 1958 и 1972 годах.

Всего он пробыл в заключении 31 год. Во Львов вернулся лишь в 1989 году и стал заниматься политикой. До августа 1994 года председательствовал в организации Украинской национальной ассамблеи — УНА (УНА — УНСО. — Деятельность организации запрещена на территории Российской Федерации. — *Авт.)*.

В 2006 году Юрию Шухевичу по указанию президента «незалежной» Ющенко было присвоено звание «Герой Украины». Его избрали депутатом Верховной рады от Радикальной партии.

Несмотря на частую националистическую риторику, Юрий Шухевич резко отреагировал на содержание внутренней политики на Украине, проводимой майданными властями:

«…Мы имеем шанс построить новую, честную и справедливую Украину и сохранить ее территориальную целостность. Но мы не должны навязывать дончанам или крымчанам галицкого образа жизни… Мы должны продемонстрировать принципиально новое качество Украины, которая не будет искусственно делить своих граждан на различные "сорта"».

На вопрос ведущего Александра Гордон:

— Пан Юрий, вы живой символ украинского национализма, известный диссидент и политзаключенный, лидер УНА — УНСО, а ваш отец, Роман Шухевич, возглавлявший УПА, — историческая личность, чью деятельность изучают в школах, однако воспринимают по-разному. К чему, если коротко, он стремился?

Юрий Шухевич ответил:

— Как и все его поколение, к независимому украинскому государству — настоящему, а не к тому хаосу, который имеем сегодня. Нынешнюю Украину государством для народа и во имя его я назвать не могу — это, знаете ли, территория, которой правят олигархические кланы. Более того, если вспомнить Средневековье с его феодальными родами и сравнить, то сейчас все значительно хуже, потому что переплелись криминалитет и корысть. Те, кто нами правит, подобны хищнику, который поймал свою жертву и рвет, не думая, что будет потом…»

Сказано прицельно точно — вороватый и дикий капитализм не для славянских народов!

Ну а что касается самого Романа Шухевича, можно сказать: он фактически боролся со своим народом, который не понимал и не принимал ни идеологии национализма бандеровского толка, ни его жестокости. Это по его милости не один десяток тысяч безвинных местных граждан утащено в могилы. И тех, кто воевал с ним, и тех, кто сражался словом и стволом против его душегубства. Нетрудно было понять, что справиться с советским воинством, победившим, наверное, одну из лучших, нет! — самую лучшую армию мира того времени, было *невозможно.*

А он все пускал и пускал кровь в большинстве случаев невиновных ради проклятого галицийского «национализма», который, к великому сожалению, после обретения независимости Украиной расцвел пышным цветом. Сегодня он постепенно из национализма превращается в нацизм. Это ощущают на себе запуганные мракобесами мои земляки.

Послевоенный период и начало 50-х годов в жизни Сталина можно охарактеризовать, с одной стороны, как триумф его деятельности через Победу в Великой Отечественной войне, признание заслуг в области идеологии, политологии и международного движения, с другой — после Победы в войне он переживал глубокий упадок физических и психологических сил. Тяготы тяжелейшей войны с частыми недосыпаниями и нервными стрессами сказались на его здоровье и состоянии нервной системы. Появились явные признаки старения: затруднение в движениях, некоторые провалы в памяти и ненавистная возрастная сутулость. Он стал немногословен, раздражителен, подозрительность постепенно превращалась в манию.

После грандиозного парада 24 июня 1945 года на Красной площади во время банкета, на который были приглашены полководцы, партийные и советские руководители, Сталин произнес странную речь с намеком, что через пару лет он намерен покинуть все посты и уйти в отставку. По всей вероятности, это была аудиторная проба своеобразной «лакмусовой бумажки» — посмотреть реакцию ближнего окружения, что применялось разными правителями «со времен Очаковских и покоренья Крыма».

Управление страной осуществлялось при помощи указов и постановлений, публикуемых периодически от имени правительства или партии. Они вырабатывались на заседаниях весьма узкого круга руководителей.

Рабочее расписание Сталина определяло режим работы всего политического и государственного аппарата. Режим работы государственных органов, в том числе и органов госбезопасности, выглядел так: рабочий день начинался в 9:00–10:00, обед — с 14:00 до 16:00, вечерняя работа — до 24:00.

По рассказам ветеранов того времени: в силу привычки, ставшей традицией в военные годы, Сталин вставал к полудню и оставался на ногах до глубокой ночи. Остальные руководители собирались у него поздно вечером за ужином, на его недоступной для посторонних, окруженной густым лесным массивом Кунцевской даче. Эти ночные трапезы и бдения, по существу, являлись единственной формой встреч всего руководства страны. Каких-либо признаков поиска альтернативы абсолютной власти

Сталина или его взглядам в послевоенные годы не было заметно. Он стал «загадочным всемогущим божеством», «отцом всех народов», Хозяином Кремля, как писал о нем итальянский историк Джузеппе Боффа. А еще он писал на основе документальных данных, что Сталин много читал — около 300 страниц ежедневно. Лично отвечал на письма граждан. Интересовался художественной литературой. Смотрел все советские фильмы и некоторые зарубежные. Часто посещал театры. Знал многих артистов и лично общался с ними. Принимал в Кремле и на даче писателей и журналистов.

После войны знакомство советских граждан с восточной частью Европы меняло взгляды многих советских граждан. Почему-то распространялось убеждение, что и после войны «жизнь станет лучше, жизнь станет веселей»: вернется свободный труд, распустят колхозы, возвратятся к семьям заключенные по политическим статьям и т. д. Люди потянулись к литературе, музыке, стали ходить в театр и кино. Но цели у кремлевских сидельцев той поры были иные: проводилась, по существу, новая мобилизация страны, и в ней большое внимание уделялось «правильной культуре». Любой акт свободной воли пресекался.

«Кто организовал вставание?» — так отреагировал Сталин на сообщение об овации, которой провожали в апреле 1946 года Анну Ахматову, выступавшую с чтением своих стихов. А в августе того же года уже вышло Постановление оргбюро ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда" и “Ленинград"». Речь шла именно о «правильной культуре» через партийность в литературе, музыке и кино. А.А. Жданов с 1946 года возглавил кампанию по усилению партийного контроля над интеллектуальной и творческой жизнью страны. Это была эпоха борьбы идеологии за культуру. Но ее подлинным инициатором и руководителем был, конечно же, сам Сталин. Жданов же являлся всего лишь рупором его идей и настроений.

Навязывалась борьба с любыми проявлениями национализма и космополитизма. Радикализм этих «-измов» был понятен народу, а вот подмять все чохом не воспринималось. Идеологическое противодействие даже коснулось сферы естественных наук. Наибольший ущерб был нанесен биологии «лысенковщиной», представляющей собой типичное мракобесие, отделявшее «советскую науку» от «буржуазной науки». Но наука есть наука без всяких национальных и идеологических границ.

6 сентября 1945 года было образовано Оперативное Бюро Совета народных комиссаров (СНК) СССР, председателем которого был назначен Л.П. Берия, а 29 декабря того года его освободили от должности народного комиссара внутренних дел

СССР.

После получения звания Маршала Советского Союза Л.П. Берия в составе «семерки» членов Политбюро, включавшей Сталина и шесть приближенных к нему лиц, составили «близкий круг». Эта «божья» семерка и вершила все внутренние дела в СССР в 40-50-х годах.

«Семерка» существенно влияла и на деятельность МГБ СССР, направляя деятельность ведомства по нужному ей политическому пути. После войны стал быстро опускаться «железный занавес». Партийному начальству в лице той же самой «семерки» покойнее и безопаснее было чекистов посадить у въездных и выездных ворот простыми сторожами, как писал коллега Е.П. Питовранова, ветеран органов госбезопасности генерал-майор А.В. Киселев, а их оперативную деятельность сосредоточить на выявлении инакомыслия.

Справедливости ради следует заметить, что развитию международных связей существенно мешала наша традиционная бедность — заграничные поездки без денег бессмысленны. Сегодня такое же испытание, только в более диких масштабах, проходят мои земляки на «незалежной» Украине. Ура!!! Капитализм победил социализм. «Безвизу» — слава! А что в остатке? Нищета, а за ней — гражданская бойня!

И все же вернемся в 50-е.

Наш рубль оставался во все времена лишь средством внутренних платежей и обмена, не выходя на внешние рынки, потому что его «начинка» была «деревянной». Во внешних платежах использовалась иная, но очень условная валюта — инвалютный рубль, имевший установленную золотую основу. Помниться, долгое время его курс был фантастически «высоким» — всего 56 копеек за полновесный американский доллар. Причем и доллар в те времена был не чета нынешнему. Однако он обеспечивался золотым запасом.

По мнению чекистов-долгожителей, Сталин единолично инициировал и руководил всеми политическими процессами в стране в эти последние годы своего пребывания на грешной земле. Главный движущий мотив при этом — вполне реальное понимание возраста и, конечно же, потеря власти. Некоторые историки утверждают, что в своем окружении он в то время не видел ни одного коллеги-соратника, которому мог бы довериться до конца, хотя и неоднократно прицеливался к некоторым умным людям…

Сталин умер, не оставив преемника. Некоторые недоброжелатели утверждали, что при жизни вождь являл собой пример неприкрытого властолюбия, что мало кому могло прийти

в голову, что этот правитель огромной страны — сверхдержавы задумывался о том, кто будет править страной после него. Однако так ли это? Есть данные, что Сталин себе в преемники прочил в разное время двух кандидатов.

Первым был Николай Алексеевич Вознесенский (1903–1950), доктор экономических наук, председатель плановой комиссии при Совнаркоме СССР (Госплан). Сталин очень ценил его, прислушивался к его мнению и, как говорят, однажды обронил такую фразу, что именно Вознесенского хотел бы видеть своим преемником. Это и предрешило судьбу талантливого экономиста. Берия, Маленков и Хрущев ответили ему черной завистью и оклеветанного практически втащили в раструб репрессивной машины по так называемому «Ленинградскому делу». Говорят, что после его ареста в 1949 году Сталин написал на папке с «делом» Вознесенского: «Не верю».

По некоторым слухам, он не был расстрелян: Сталин якобы хотел, чтобы Вознесенский работал где-нибудь в отдаленной местности, однако по дороге в лагерь он простудился и умер в арестантском вагоне.

Вторым преемником был Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко (1902–1984), первый секретарь компартии Белоруссии и руководитель Центрального штаба партизанского движения. Со слов бывшего председателя Верховного Совета СССР А.И. Лукьянова, после гибели Вознесенского Сталин прочил себе в преемники именно этого человека.

Придя к власти, Н.С. Хрущев отправил фаворита И.В. Сталина руководить компартией в Казахстан, а потом и вовсе выслал за границу — послом. Так закончилась политическая карьера П.К. Пономаренко.

И все же он считал себя Мессией, после того как на XI съезде РКП(б) в марте 1922 года занял пост Генерального секретаря. Его всегда отличала повышенная подозрительность, и даже малейший намек на связь того или иного человека, вне зависимости от его ранга, с троцкизмом мгновенно настораживал. Такая связь расценивалась как прямая угроза его безопасности.

Такое поведение объяснимо: шла жестокая классовая война, и он был в гуще этой борьбы. Если бы он вел себя по-другому, то он бы не аккумулировал интересы большинства народа, которому тоже надоела грызня за власть ценой, вплоть до физического устранения троцкистами и иностранными разведками вождя. Известно порядка 12 случаев покушения на Сталина за весь период исполнения им полномочий главы ЦК ВКП(б).

Одной из любимейших книг Сталина была «Наполеон» академика Евгения Тарле, вышедшая в 1933 году. Однако, уважая

ум и полководческий талант Бонапарта, Иосиф Виссарионович не собирался повторять его ошибок. Он запомнил одну большую оплошность полководца: именно его маршалы, в конце концов, заставили французского императора отречься от престола.

История показывает, что из генералов получаются неплохие политические лидеры государств. В Советском Союзе повторить судьбу маршалов Великой армии Наполеона мог маршал Жуков — победное окончание войны давало ему отличный шанс. Однако Сталин жестко пресекал амбиции Маршала Победы.

В 1946 году было арестовано 75 человек, близких к Жукову, из которых выбивали показания о том, что полководец организовал заговор для захвата власти. Суд над Жуковым состоялся 1 июня 1946 года на заседании Высшего военного совета. Тогда Георгия Константиновича спасли его фронтовые товарищи — полководцы: Василевский, Рокоссовский, Рыбалко, Конев и другие. И тут Сталин сдал — не захотел ссориться со своим генералитетом. Говорят, он подошел к Жукову и жестко в своей манере произнес: *«Все великие русские полководцы — Суворов, Кутузов, даже Скобелев — были скромны. Вам этих качеств не хватает. Ишь ты, Наполеон нашелся, один войну выиграл!.. Направить в Одессу командующим округом!»*

Наверное, не бывает дыма без огня!

Когда Сталин умер, о Жукове вспомнил Хрущев, использовав его авторитет для своих нечистых дел — ареста и расправы над Берией и его сослуживцами. За сомнительную услугу он поставил Жукова руководить Министерством обороны СССР. А потом и новый хозяин Кремля стал подозревать маршала в подготовке к захвату власти. В октябре 1957 года первый секретарь ЦК КПСС Никита Хрущев отправил всесильного министра обороны Георгия Константиновича Жукова в отставку. Хотя полководец мог нанести упреждающий удар своим более высоким авторитетом, чем он был у Хрущева и его близкого окружения… Видать, в политике он был слаб, хотя некоторые генералы и маршалы говорили ему примерно в период хрущевского «насморка» так: «Чего смотришь? Бери власть в свои руки, бери! Народ устал от свары наверху партийных болтунов!» Пока это не подтвержденные данные, но слухи такие ходили в то время. Дошли они и до сегодняшнего дня. Думается, все это наветы. У Жукова, во-первых, не было своей партии, а во-вторых, он был под контролем МГБ при Сталине и КГБ при Хрущеве. «Не сложилось что-то в судьбе советского Наполеона…» — скажет один из экспертов по этой проблематике, хотя мысли, что он может встать во главе Советской России, все-таки были. Не случайно на пленуме 28 октября 1957 года Серый кардинал — Михаил

Андреевич Суслов довольно смело заявил: *«…Товарищ Жуков игнорирует Центральный Комитет. Недавно Президиум ЦК узнал, что товарищ Жуков без ведома ЦК принял решение организовать школу диверсантов в две с лишним тысячи слушателей…*

Товарищ Жуков даже не счел нужным информировать ЦК об этой школе. О ее организации должны были знать только три человека: Жуков, Штеменко и генерал Мамсуров, который был назначен начальником этой школы. Но генерал Мамсуров как коммунист счел своим долгом информировать ЦК об этом незаконном действии министра».

А если бы от Мамсурова не прошла эта информация, история России могла бы пойти по другому пути. Но, увы, история не знает сослагательного наклонения. А генерал-лейтенанта Хаджи-Умара Джиоровича Мамсурова назначили первым заместителем начальника ГРУ Генштаба ВС СССР и присвоили ему звание генерала-полковника.

Будучи грузином, Сталин всегда занимал чисто интернациональные позиции и остро конфликтовал с «бундовцами» — лево-социалистической партией, выступавшей за национально-культурную автономию для восточно-европейского еврейства с лозунгом: «Там, где мы живем, там наша страна». Вот весь вопрос и ответ. Бунд — еврейская социалистическая партия — в 1924 году строевым шагом во время болезни В.И. Ленина вошла в ВКП(б).

Не являясь сторонником патологического антисемитизма, Сталин не смог обратить внимание на непропорциональность представительства в органах государственного управления в центре и на местах лиц еврейской национальности. В послереволюционные, а затем в 30-е годы эта составляющая доходила до 80 %. Вождь считал, что во многом такие массовые выдвижения определялись не деловыми качествами, а лишь национальной солидарностью. В одной из бесед с В.С. Абакумовым в 1947 году по поводу создания еврейского государства на землях Палестины, Сталин с сарказмом заметил: *«Мы всячески поддержим усилия Всемирной сионистской лиги, направленные на создание в этом регионе суверенного еврейского государства, исторически обреченного на бесконечную борьбу за выживание… Ну хотят — пусть едут, все едут…»*

А вот возобновленная Сталиным в последние годы «борьба с сионизмом» дорого обошлась многим руководителям госбезопасности: министру Абакумову-жизни, а его седьмому заместителю Е.П. Питовранову чуть не стоила тоже этой самой жизни.

Все завертелось после трагической гибели под Минском

народного артиста СССР, председателя Еврейского антифашистского комитета (ЕАК) Соломона Михоэлса (Вовси). Это была наспех спланированная по указанию Сталина тайная акция через автокатастрофу, и «карт-бланш» на персональный состав ее давался Абакумову. Он отправил в Белоруссию своего заместителя Огольцова и сотрудника Шубникова. На месте операцию спланировал министр госбезопасности БССР Л.Ф. Цанава. Конечно же, в Центре все подробности о ней знал только куратор органов Маленков, который по существу являлся тихо работающим мощным мотором в партийном ареопаге.

Операция была крайне засекречена. О ней ничего не ведал даже Питовранов как начальник контрразведки. Тут может быть две причины: руководству ведомства не хотелось делиться с подчиненным лаврами удачи или наличие элементарного недоверия. Трудно сегодня разобраться в этих хитросплетениях. Все материалы по этому делу до сих пор частично засекречены. И, наверное, правильно из гуманных побуждений: остались живые родственники тех и других. Они не виновны! Вот почему В.С. Абакумова до сих пор не реабилитировали.

Следом за делом с ЕАК появилось «Ленинградское дело». Ленинград (Петроград) — колыбель двух революций, столица России от Петра Великого до Ленина. Именно там сгруппировался костяк политических оппонентов Сталину, ставшие для него со временем заклятыми врагами, открытыми и тайными: Троцкий, Зиновьев, Кузнецов… А вокруг них большая кровь. Только по «Делу С.М. Кирова» появилось 18 трупов!?

Война несколько притушила процесс политико-экономического соперничества местных руководителей с высокими чиновниками в стране из-за разрухи и потери во время блокады почти миллиона ленинградцев. Но, когда из уст руководителей Северной Пальмиры стали раздаваться голоса о придании городу иного статуса чуть ли не столицы РСФСР и создании республиканской — Российской Коммунистической партии (большевиков) (РКП(б)), конечно же, под эгидой ВКП(б), Сталин заволновался из-за возможной потери ведущей роли Москвы как столицы всей страны.

Вождь реагировал на предложение создать РКП(б) резко отрицательно. Очевидно, он боялся, что российская компартия, в отличие от партий других союзных республик, будет представлять угрозу Центру. Беспокоило его и появление в Ленинградской партийной организации высокообразованной молодежи во главе с набирающим авторитет ее руководителем Алексеем Кузнецовым. Теперь вождь для нейтрализации яркой личности и более плотного контроля ввел Алексея

Александровича Кузнецова в состав секретариата ЦК ВКП(б). А частое общение показало: Кузнецов — волевой, честный и принципиальный человек и может отстаивать собственные позиции.

Так, в 1949 году по инициативе Маленкова была разработана операция под названием парадигма «Ленинградское дело». Началось все с создания комиссии по проверке состояния работы Ленинградской партийной организации. От МГБ СССР в нее включили заместителя министра генерал-майора Е.П. Питовранова. Ночным поездом комиссия во главе с Маленковым отправилась в Ленинград. Евгению Петровичу Маленков приказал по приезде на место отстранить от должности начальника Управления МГБ и временно назначить на эту должность кого-либо из его заместителей. На этом миссия Питовранова закончилась. На следующий день он возвратился в Москву. Арестованных партийных функционеров тоже привезли в столицу. А.А. Кузнецова арестовали в кабинете Маленкова. Всего по «Ленинградскому делу» было задержано и осуждено 214 человек, 145 из числа близких и дальних родственников, 23 человека осуждены Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания — расстрелу. Потом Маленков будет оправдываться, что руководил репрессиями в Ленинграде по личному указанию Сталина, который после устранения Михоэлса и ленинградской оппозиции вплотную занялся истреблением троцкизма в еврейском национальном подполье.

Так появилось новое дело — «Дело врачей». Инициатором его был опять же Маленков и ставший его человеком в МГБ, старший следователь по особо важным делам подполковник Михаил Рюмин. Изучая следственные материалы арестованных руководителей Еврейского антифашистского комитета (ЕАК), он заметил, что среди их близких родственников было много врачей, практиковавших в Кремлевской больнице. Постоянными пациентами их состояли руководители партии и правительства. Он привязал к загадочным смертям члена Политбюро Андрея Жданова и некоторых других высокоэлитарных особ, лечивших их врачей. Использовал он для этой цели и письмо в виде оправдательной записки в Службу правительственной охраны врача-кардиолога Лидии Тимашук, обвиненной в «недосмотре» за пациентом Ждановым. Она же обвинила лечивших его врачей-академиков П.И. Егорова и В.Н. Виноградова и группу других специалистов, в своей основе лиц еврейской национальности, во вредительстве.

Авантюрный Рюмин решил поймать «рыбку в мутной воде». Он «обобщил» несколько «загадочных» случаев

безответственности кремлевских врачей при лечении высоких особ с однозначным и зловещим выводом: «…над здоровьем и жизнью которых нависла серьезная угроза».

Эту справку он доложил своему начальнику министру госбезопасности Виктору Семеновичу Абакумову, на что последний прореагировал примерно так:

— Михаил Дмитриевич, не следует паниковать, надо серьезно разобраться в ситуации, чтобы не наломать дров. Не спешите, проанализируйте еще более глубоко материалы… Вы ходите по острию ножа… Время может подсказать вам другие решения…

И тогда Рюмин решил пойти ва-банк. Он решил отправить письмо второму человеку в партии — Маленкову. В этом пасквиле он обвинил своего высокого руководителя в нежелании разбираться в медицинском деле, или, как отмечал он, «… министр замял очень острый сигнал!». А еще этот авантюрист понимал, что Маленков испытывает не самые лучшие чувства к руководству МГБ — Абакумову и его заместителям Селивановскому и Питовранову, «первому и седьмому».

Член Политбюро Маленков часто непрофессионально вмешивался в их дела, из-за чего Абакумову приходилось «жаловаться» самому Сталину. Это бесило лукавого царедворца. В рюминском письме — справке была разыграна «еврейская» карта, из которой четко просматривалась версия о заговоре врачей против Сталина и его соратников. Отредактированный Маленковым документ был доложен Сталину. Вождь прореагировал на доклад весьма резко с грязной матерщиной в адрес деятелей «нового сионистского заговора» и сотрудников, занимавшихся укрывательством его в стенах МГБ во главе с Абакумовым.

12 июля 1951 года министр госбезопасности СССР Виктор Семенович Абакумов, «пытавшийся скрыть представленные ему неоспоримые факты враждебной деятельности врачей», оказался в тюрьме «Матросская тишина». Через некоторое время туда были водворены его заместитель Селивановский, а также генералы Райхман, Белкин и Эйтингон, полковники Свердлов и Матусов.

Падение Абакумова отразилось на судьбе Питовранова, но не сразу. Еще 24 июля 1951 года, спустя две недели после ареста шефа МГБ, вместе с заместителями министра госбезопасности СССР генерал-лейтенантами С.И. Огольцовым и Н.Н. Селивановским, министром госбезопасности Украины генерал-лейтенантом Н.К. Ковальчуком и начальником Главного управления охраны на транспорте МГБ СССР генерал-полковником С.А. Гоглидзе генерал-майор Е.П. Питовранов присутствовал на приеме у И.В. Сталина, на котором находились

два члена Политбюро — Л.П. Берия и Г.М. Маленков и заведующий отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК компартии С.Д. Игнатьев.

«Игнатьев, зачем он здесь? — рассуждал Евгений Петрович. — Это похоже на сватанье очередного партийца в наше ведомство. Снова партия во главе со Сталиным, а вернее, будет — сам вождь не доверяет профессионалам».

Глава государства в течение получаса беседовал с чекистами о работе органов госбезопасности после раскрытия «сионистского заговора в МГБ». По словам Питовранова, тогда же Сталин беседовал с ним наедине. Он интересовался вопросами вербовки агентуры и посоветовал сократить штат секретных сотрудников в два-три раза.

3 августа 1951 года исполняющий обязанности министра госбезопасности СССР генерал-лейтенант Сергей Иванович Огольцов написал письмо Сталину, в котором сообщил, что в связи с болезнью вынужден находиться на постельном режиме, а поэтому предложил временное исполнение обязанностей главы МГБ возложить на Питовранова. Итак, в течение шести суток Евгений Петрович выполнял обязанности руководителя МГБ СССР.

В истории современной России был еще один прецедент, когда начальник 1-го Главного управления КГБ генерал-лейтенант Леонид Владимирович Шебаршин в течение суток, с 22 по 23 августа 1991 года, возглавлял Комитет государственной безопасности СССР.

9 августа 1951 года министром МГБ СССР был назначен партийный функционер Семен Денисович Игнатьев.

На свободе оставался только самый ненавистный Рюмину заместитель министра госбезопасности Евгений Петрович Питовранов, на которого не было совершенно никаких открытых улик. В то же время собачий нюх старшего следователя побуждал проявлять осторожность в принятии решения на его арест. Он помнил, что у Сталина сложились особые отношения с Питоврановым.

Но Рюмин продолжал «копать». Один из заместителей Абакумова — нет смысла называть его фамилию — в ходе допроса с пристрастием вспомнил, что Питовранов подчас «не слишком ревностно исполнял свои служебные обязанности». А дальше в «Служебной записке» на имя Георгия Максимилиановича Маленкова появилось более жесткое обвинение в адрес Евгения Петровича Питовранова. Он обвинялся ни много ни мало — «…в практической бездеятельности по выявлению сотрудников нелегальной разведки Великобритании

МИ-6 и их агентуры на территории Советского Союза».

Таким образом, Е.П. Питовранов оказался на Лубянке в качестве узника.

Арест, следствие и освобождение

Тот, кто хочет обвинять,
не вправе торопиться.

Жан Мольер

В октябре 1951 года по ложному обвинению Евгений Петрович Питовранов освобождается от занимаемой должности в связи с делом министра государственной безопасности СССР генерал-полковника Виктора Семеновича Абакумова, которого обвинили чуть ли не во всех смертных грехах. Как говорил народ: «Обвинить можно и невиновного, но обличить — только виновного». Обличители же Абакумова и одного из семи его заместителей Евгения Петровича Питовранова, ведь, по существу, были сами генераторами репрессий в стране. К сожалению, Берия не стал на защиту своих коллег. Как подчеркивал видный австрийский психолог и мыслитель Альфред Адлер:

«Человек, который не интересуется своими собратьями, испытывает самые большие трудности в жизни и причиняет самый большой вред окружающим. Именно в среде подобных людей появляются неудачники».

Такими неудачниками вскоре окажутся и сам Лаврентий Павлович Берия, и его верный последователь Всеволод Николаевич Меркулов.

Арестовали Питовранова в его рабочем кабинете. Руководил задержанием своего начальника нахрапистый, еще недавно следователь по особо опасным государственным преступлениям и, естественно, подчиненный Евгения Петровича Питовранова подполковник Рюмин, спокойно предъявивший ордер на арест. На естественный вопрос «На каком основании?» последовал категорический и сердитый отказ объяснить причину этого судьбоносного акта.

«Юпитер, ты сердишься — значит, ты не прав!» — подумал Питовранов, глядя с высоты своего роста на недавнего подчиненного, пришедшего в его кабинет без стука, чтобы лишить его свободы.

Рюмину не раз попадало от начальства за его недоработки, торопливость, сутяжничество, за неумение сосредоточиться на главном. Подхалимаж к руководству и жесткость к подчиненным нередко выводили из терпения его кураторов и больших начальников.

«Что ж, слабый никогда не прощает, даже замечания помнит. Прощать — свойство сильного!» — промелькнуло в голове у Питовранова, читающего ордер на свой арест.

В таких ситуационных круговертях нет и не может быть никаких отношений, когда дело касается политики и государства — судьба человека всегда решается львом — царем зверей. А ведь тут люди! Рюмин вскоре стал полковником и в одно мгновение поднялся до уровня заместителя министра госбезопасности. Однако в жизни и так бывает: то, что человек считает взлетом, на самом деле — начало падения и наоборот. Мы лезем вверх, порой не понимая, что оттуда больнее падать, можно вусмерть разбиться, да и грохот от падения сильнее. Это касается в первую очередь тех, кому не по Сеньке шапка, или элементарных прохвостов. Глядя на таких, понимаешь, что год Козла наступил досрочно… А год Овцы у некоторых не уходил никогда.

Домашних, конечно же, никто не предупредил о задержании Евгения Петровича: мама, жена, две дочери и сын посчитали, что он занят по работе. Волноваться начали утром, когда его телефон не отвечал на неоднократные звонки. Жена генерала — Елизавета Васильевна, созвонившись с коллегами и получив куцый ответ: «Евгения Петровича не видели со вчерашнего дня…», как никто другой поняла — его могли арестовать. И конечно, испугалась, что передалось и всему семейству.

Но существует и другая версия: его арестовали в ночь на 29 октября 1951 года на квартире. Но это всего лишь неподтвержденный вариант объяснения и только.

Однако подтвердилась догадка чуть позже, когда его «друзья» на звонки родственников Питовранова бросали трубки, не желая говорить с ними. А вот настоящие друзья — после шока — некоторые сразу, другие постепенно, но шли на сближение.

И совершенно иной, как писал Александр Киселев, более сочувственной и товарищеской оказалась реакция сослуживцев Елизаветы Васильевны по институту, где она преподавала и готовилась к защите кандидатской диссертации. И это при том, что партком института уже многие годы возглавляла супруга члена Политбюро ЦК КПСС Георгия Максимилиановича Маленкова, того самого, кто сфабриковал провокационное обвинение против Питовранова.

Показательно, что Елизавета Васильевна защищалась в 1952 году, когда муж как «враг народа» уже много месяцев томился в камере смертников, и об этом знал весь институт. Ученый совет единогласно присвоил ей степень кандидата наук. Значит, в институте работали Люди!

Тяжело переживала за сына и Антонина Павловна. Она

почему-то считала, что причиной ареста, возможно, стали данные на его отца-священника, которые кем-то были доведены до большого руководства…

А тем временем «Дело ЕАК» с убийством Михоэлса, «Ленинградское дело», «Дело врачей» под формулировками «Отсутствие настоящей борьбы с сионизмом», «Измена Родине» и другие надуманные обвинения со стороны партийной элиты вменяли генералам времен МГБ Абакумова, но не смогли их обличить в судебном порядке. И вот почему… — не существовало доказательств их вины. Да, их подчиненные по партийной указке сверху верили в первую очередь «Партии — своему рулевому». Мотивы, заставившие Маленкова, Берию и Хрущева уничтожить ленинградскую группировку, были ясны: усилить свою власть. Ведь Политбюро в полном составе, включая Сталина, Маленкова, Хрущева и Берию, как писал Павел Судоплатов, единогласно приняло решение, обязывающее Абакумова арестовать и судить ленинградскую группу. Но, что бы ни писали в школьных учебниках по истории партии и чтобы ни утверждал Хрущев в своих воспоминаниях, инициатором дела был не Абакумов и его заместители. Он действовал в соответствии с полученным приказом сверху.

Глава Ленинградского управления МГБ 42-летний, полный сил генерал-лейтенант Петр Николаевич Кубаткин в 1949 году был уволен из МГБ и работал заместителем председателя Саратовского облисполкома. 23 июля того же года он был арестован по «Ленинградскому делу». Его обвинили в том, что в период работы в Ленинграде уничтожил материалы, свидетельствующие о шпионаже в пользу Великобритании секретаря горкома ВКП(б) Я.Ф. Капустина. В начале октября 1950 года он был осужден Особым совещанием при МГБ СССР к 20 годам тюремного заключения «За преступное бездействие, выразившееся в недоносительстве». 27 октября 1950 года Военной коллегией Верховного суда (ВКВС) СССР приговор был пересмотрен и заменен на смертную казнь. Расстрелян в тот же день. Определением ВКВС СССР от 26 мая 1954 года реабилитирован.

Вот в таких жутких условиях приходилось трудиться чекистам той поры, полностью зависимых от партийных выдумщиков и болтунов. В последний год работы В.С. Абакумов был абсолютно изолирован группой заговорщиков в лице Маленкова, Берии и Хрущева от Сталина. Шептуны сделали «удачный» выпад в сторону руководителей МГБ. И разве только против органов госбезопасности. Аресты проходили «…и в народном хозяйстве, и в армии», как говорили сами чекисты.

После ареста Абакумова Питовранова и остальных его заместителей, а также чекистов «ленинградской группы» Маленков и новый министр госбезопасности, выходец из партийных рядов Семен Денисович Игнатьев, в союзе с Хрущевым и Берией образовали новый центр власти в СССР, надеясь в скором времени расправиться и с дряхлеющим Сталиным.

Несмотря на нечеловеческие условия заточения, пытки и издевательства, Абакумов, которого заковывали по рукам и ногам в металл кандалов и держали в течение трех месяцев в холодильной камере, и Питовранов, находившийся в камере смертников, вели себя достойно. Они не оговорили никого из своих подчиненных. Неприятно то, что палачом их всех был коллега, бывший бухгалтер, следователь МГБ и законченный карьерист подполковник Михаил Рюмин, скоро ставший ходить в ранге заместителя министра госбезопасности.

Как уже говорилось выше, Евгений Петрович Питовранов содержался в камере-одиночке внутренней тюрьмы на Лубянке, где подвергался допросам с «пристрастием». Его, как и других, били. И возникает вопрос: почему все остальные «птенцы из абакумовского гнезда» сидели поначалу кто в «Бутырке», кто в «Матросской тишине», а Питовранову определили одиночку во внутренней тюрьме на Лубянке. Возможно, полковник Рюмин, ставший заместителем руководителя МГБ С.Д. Игнатьева по следствию, хорошо понимал, что фамилия Питовранов на слуху у Сталина.

Рюмин часто лично допрашивал Евгения Петровича, требовал признаться в совершении контрреволюционных преступлений. После применения пыток палач почти в приказном порядке заставлял дать показания на своих сослуживцев. Но генерал стоял как скала: никого не оговорил, никого не оклеветал, ни на кого не бросил тени ни подозрений, ни обвинений. Надо заметить, что в работе по делу Абакумова Рюмин, как уже говорилось раньше, действовал под руководством Маленкова. Письма Рюмина в отношении Абакумова для доклада Сталину «чистил» именно Маленков.

Когда стало невмоготу переносить жестокое общение со стороны следователей, Питовранов понял, что живым отсюда ему уже не выбраться… — попросил дать ему ручку и бумагу.

— Зачем они тебе. Твоя песенка спета, если не признаешься, — осклабился желтыми зубами не то от плохого здоровья и возраста Рюмин: — Признаешься — выпущу.

— Я хочу написать письмо.

— Что? Я не ослышался?

— Письмо…

— Кому?

— Сталину!

— Сталину?

— Да, нашему вождю. Создайте мне минимальные условия для этой важной работы. Прошу у вас ручку и бумагу…

Через минут десять после ухода Рюмина надзиратель принес Евгению Петровичу несколько листов писчей серой бумаги и обломок карандаша.

— Михаил Дмитриевич Рюмин разрешил вам работать, — скороговоркой прорычал служивый тюремных казематов и тут же покинул подслеповатый склеп.

«Ручку не дали, посчитали это, наверное, холодным оружием» — подумал узник одиночки.

Получив средства фиксации мыслей, он сразу же взялся за работу, в которой предлагал Сталину кардинальное реформирование органов МГБ. По мнению Судоплатова, Питовранов, кроме всего прочего, обвинил Рюмина в провокационном срыве планов активных операций нашей контрразведки.

Когда грифельный сердечник карандаша исписывался вплоть до деревянной оправы, а заострить стержень ножом не было никакой возможности, Евгений Петрович и тут нашелся, он затачивал притупившийся и исписанный сердечник вместе с деревянной оболочкой о бетон пола камеры.

Документ через несколько дней, а точнее, 23 апреля 1952 года, был готов. Письмо адресовалось министру госбезопасности Семену Денисовичу Игнатьеву для передачи Сталину. Рюмин побоялся его уничтожить, как-никак документ самому Сталину от фаворита-узника. Он тут же доложил о письме с рекомендациями по улучшению работы органов госбезопасности министру С.Д. Игнатьеву.

— Семен Денисович, не могу не поделиться с вами срочной новостью. Питовранов расписался… Написал Сталину… Правда, небрежно… карандашом… — скороговоркой докладывал Рюмин.

— Не страшно, разберусь, была бы дельная бумага, — куражился министр. Он стал читать и поразился толковым предложениям генерала. Прочтя, дал команду машинистке срочно напечатать копию документа. Ведь внизу стояла дата окончания его написания. Министр госбезопасности тут же доложил оригинал и копию записки Сталину. После прочтения документа вождь встал из-за стола. Прошелся несколько раз по дорожке кабинета, храня молчание, и только рельефное движение желваков на лице свидетельствовало о его каком-то волнении души и сердца. Видно, он вспомнил победные реляции

Питовранова с полей битв на невидимых фронтах.

Анализируя поведение следователей Рюмина и Коняхина, их настроение, характер задаваемых в последнее время вопросов и их тональность, Евгений Петрович Питовранов понял: следствие зашло — нет! — угодило в тупик, из которого оно неспособно выбраться. Оно топчется, скорее, барахтается в своеобразной трясине на месте, а поэтому и не может продвинуться ни на йоту вперед, куда они, эти два злокозненных типа с горячими головами, так стремились.

«Их, по-моему, засасывает жижа болота» — еще раз подумал генерал, находясь в камере смертников…

И случилось чудо, которого не дождался ни один чекист, арестованный, начиная с ежовских чисток образца 37-го года, с санкции Сталина…

1 ноября 1952 года, за несколько месяцев до кончины вождя, приходит приказание министру госбезопасности немедленно освободить Е.П. Питовранова и снять с него всякие обвинения. Более того, он назначается на должность начальника Четвертого Управления МГБ СССР, занимающегося розыском особо опасных преступников. Питовранов за время войны, руководя областными управлениями в Горьком, Кирове и Куйбышеве, приобрел солидный опыт в борьбе по розыску, выявлению и задержанию разведывательно-диверсионных и террористических групп гитлеровских спецслужб в районах глубокого тыла Красной армии.

Это было время, когда Сталин стал постепенно отходить от руководства в стране текущими делами и фактическая власть оказалась в руках Маленкова и Берии, поэтому остальные члены руководства государства боялись их так, что никто не посмел возразить, когда они фактически взяли в свои руки бразды правления страной.

В день смерти Сталина Маленков уже сидел в кабинете вождя.

А какова же судьба палача Рюмина?

Видно, до Сталина дошло, что его обманывали Рюмин с Маленковым.

13 ноября 1952 года новоиспеченный заместитель министра полковник Михаил Дмитриевич Рюмин отстраняется от работы в МГБ и направляется в кадровый аппарат ЦК компартии за неспособность раскрыть до конца «Дело Абакумова» и «Дело врачей». 14 ноября того же года его назначают старшим контролером Министерства госконтроля СССР. Следовательским нюхом он понимал, что такие назначения симптоматичны, не случайны и ничего хорошего не предвещают. Это уже сигнал

неблагополучия, опасный для жизни. Но деваться некуда — он плыл по течению событий, которые стремительным потоком понесли его в сторону эшафота. Но за грехи подлости, клевету и жестокости надо платить по счетам, которые предъявляет время.

На 12-й день после смерти Сталина, 17 марта 1953 года, он был арестован и сразу же его сопроводили в Лефортовскую тюрьму, где Рюмин и содержался. Там у него были две встречи с Лаврентием Павловичем. При первой беседе Берия обнадежил карьериста, что тот будет помилован, если «полностью раскроет свое политическое нутро». 28 марта 1953 года состоялась вторая, почти получасовая встреча. Она закончилась лаконично-трагичной фразой Лаврентия Павловича для Рюмина: «Больше я вас и вы меня не увидите. Вы ведете себя неискренне. Мы вас ликвидируем…»

7 июля 1954 года М.Д. Рюмин, уже при Хрущеве, был приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания — расстрелу с конфискацией имущества. Его расстреляли 22 июля того же года. Не реабилитирован. За все в жизни гадкое надо платить, только человек не знает, когда его настигнет карма, о которой надо помнить, делая гадости другому.

Каждый человек имеет свое настоящее и прошлое. Забыть его напрочь — невозможно. Содержание былого, пережитого люди хранят в закромах своей памяти и через воспоминания достают его оттуда и общаются с ним мысленно. И все же жить тем, что было, — неблагодарное занятие, особенно если осталось много неприятных и тягостных событий. Но человек очень часто снова возвращается назад, наслаждаясь приятностями и каждый раз переживая тяжелые моменты своей жизни. Последних у Питовранова в начале 50-х было немало. Приведем отрывок из его воспоминаний о пережитом в камере-одиночке:

«Стук надзирателей в железные двери камер гулко прокатывался по тюремным коридорам, возвещая начало очередного дня. Ровно шесть утра. Заправив постель, как того требовали правила тюремного распорядка, начинал утреннюю зарядку. Ежедневно, невзирая на настроение и состояние, превозмогая боль от перенесенных побоев, лишенный свежего воздуха, на маленьком пятачке камеры я пробегал до десяти километров. Без привычных физических нагрузок было бы трудно, даже невозможно, выдержать все издевательства не только над плотью, но прежде всего над духом.

И еще в темную годину выручала любовь к поэзии, к родному слову, русской, народной песне. Редкий день не баловал себя собственным концертом. И откуда только память извлекала уже

давно, казалось, забытые народные песни? И сколько же в них оказалось светлого добра, сердечности, искренней грусти…

Обычно у двери, с другой, естественно, стороны собирались и надзиратели. Стояли всегда тихо, прекращая веяние разговоры, — их, видимо, удивляли старинные и напевные сказы, где героями всегда были “лихие”, но честные и отважные люди.

В камере-одиночке собственное будущее, даже самое близкое, оставалось непредсказуемым, и в подспудном ожидании худшего я стихийно, непроизвольно обращался к духовным истокам своего народа. Где-то, если хотите, это могло быть… прощание с родиной».

Это был трагичный период начала 50-х годов, дерзко, подло, нахраписто вырванный из ткани нелегкой жизни образованных и обкатанных войной и послевоенными баталиями с бандитизмом людей, посвятивших себя служению безопасности страны после ежовских репрессий.

Во главе внешней разведки

Чтобы все спасти —
нужно на все решиться.
Тяжелая болезнь нуждается
в решительном средстве.

Фридрих Шиллер

Разным людям в разном настроении представляются различные пути к спасению. Существует мужественная мудрость, но существует также и лживое, пресмыкающееся благоразумие — плод страха, а не осторожности. У Евгения Петровича, находившегося в не предвещающем ничего хорошего заточении, появилась именно эта самая мужественная мудрость, которая его и спасла. Он оказался бойцом и в плену: спасая себя, он спасал коллег и страну от дальнейшего глумления.

И здесь, как не вспомнить Александра Ивановича Герцена, убежденно доказывающего: «…когда бы люди захотели, вместо того чтобы спасти мир, спасать себя, вместо того чтобы освобождать человечество, себя освобождать — как много бы они сделали для спасения мира и для освобождения человечества».

По всей вероятности, Сталин, ознакомившись с предложениями Питовранова, изложенными в его «Записке», решил в очередной раз реформировать органы госбезопасности. Он поручил министру Игнатьеву в кратчайшие сроки разработать схему создания в рамках МГБ мощного разведывательного и контрразведывательного органа — Главного разведывательного управления (ГРУ) МГБ СССР.

В беседе с Игнатьевым в Кремле Сталин дал конкретную кадровую привязку ГРУ МГБ:

— Я думаю, это подразделение должен возглавить ваш заместитель Огольцов, контрразведку — Рясной, а разведку… Питовранов! Распорядитесь немедленно освободить генерала. Дайте ему немного отдохнуть, прийти в себя. Потом пусть побыстрее и поглубже освоится со своим объектом — разведкой. Это хозяйство большое и ответственное. Но, я полагаю, он справится с порученными обязанностями главного разведчика страны. Зачем его держали?

Игнатьев пожал плечами… А что и как он мог ответить на заданный вопрос вождя, понимая, что без его согласия такие аресты не совершаются. А еще влияла на конструирование ответа

полнейшая некомпетентность Игнатьева в оперативных вопросах. Это подтвердили генерал-лейтенант П.А. Судоплатов и генерал-полковник В.И. Алидин в 80-е годы.

Павел Судоплатов:

«Каждое агентурное сообщение воспринималось им как открытие Америки, Его можно было убедить в чем угодно: стоило ему прочесть любой документ, как он тут же подпадал под влияние прочитанного, не стараясь перепроверить факты».

Виктор Алидин:

«По характеру мягкий, полностью подчинялся требованиям вышестоящего руководства, особенно робел перед Сталиным и беспрекословно выполнял любое указание. Этим был и опасен».

А кто не робел перед вождем? Даже Жуков показывал иногда слабину в отношениях с Верховным Главнокомандующим. Тут не только субординация, а что-то другое, действительно, опасное, когда появлялась монополия на истину только у одного высокостоящего человека, то любому собеседнику, в ранге подчиненного, он кажется божеством. Каждое его слово представляется аксиомой или афоризмом.

Кстати, вопросы «Зачем сидел? За что держали?» Сталин задавал и при освобождении генералов Константина Рокоссовского и Кирилла Мерецкова. Вопрос Иосифа Виссарионовича остался без ответа — он словно повис в воздухе. Бывший партийный функционер Игнатьев знал как вести себя, показывая послушание и безропотную исполнительность.

Думается, содержание Евгения Петровича в изоляции от других арестованных, и, наконец, недоуменный вопрос Сталина «Зачем его держали?» не случайны. Это позволяет предположить, что его арест стал результатом сговора Рюмина с Маленковым — новым партийным инквизитором, возжелавшим стать хозяином Кремля. Он превратился в одно из наиболее доверенных лиц Сталина, а поэтому не случайно вместо него произнес Отчетный доклад на XIX съезде ВКП(б) — КПСС в октябре 1952 года. Авторитет Георгия Максимилиановича, ставшего председателем Совета министров СССР, стремительно рос и после смерти Сталина. Он осмелел, видя перспективы своего дальнейшего продвижения, стал более уверенно держаться на людях, совещаниях и т. п.

В мае 1953 года по инициативе Маленкова было принято Постановление Правительства, вдвое уменьшавшее вознаграждение партийным функционерам и ликвидировавшее так называемые «конверты» — дополнительные, серые приплаты, не подлежащие учету и обложению налогом. Он же призывал «прекратить попытку культа личности и перейти к коллективному

руководству страной», оказать помощь в индустриализации Китая, в борьбе с привилегиями и бюрократизмом партийного и государственного аппарата и прочее. Эти новации вчерашнего приспешника Сталина не понравились набиравшего силу законченному демагогу Хрущеву, который не выдержал наблюдения за ростом авторитета председателя правительственного кабинета и испугался поползновений в сторону ограничений прав партийных функционеров.

Маленков вскоре был смещен со всех постов и отправлен директором электростанции в Усть-Каменогорск, а в 1961 году исключен из партии и определен на пенсионное довольствие. Карающая десница настигла его от воли такого же злопамятного с палаческими замашками, каким был Хрущев на Украине и в Москве, а потом и в Кремле.

Говоря о работе кадрового аппарата, о чем был осведомлен Евгений Петрович Питовранов, из рассказов очевидцев, документов той эпохи и публицистики следует, что сталинские наркомы жили своим умом, не окружая себя толпами советников. Избегали тратить время на разные тусовки: презентации, форумы, круглые столы и прочие мероприятия.

Они работали сутки напролет, как писал Дмитрий Калюжный в статье «Люди из стали», делали дело, добиваясь в кратчайшие сроки, казалось, недостижимого. Вслед за ними тянулись и подчиненные.

А вот мнение немецкого писателя Фейхтвангера, посетившего СССР в 1937 году: «Я нигде не встречал такого количества неутомимо работающих людей, как в Москве».

А ведь они были такими же чиновниками, как и те, что служили до них и после них. Откуда столь разительное отличие? Дело в том, что их поставили в условия, при которых иначе они жить не могли. А условия… Если впрягся в эту лямку — так тащи. Бездельничаешь? — Уволить! Воруешь? — Под суд!

Не отнимешь у Сталина деловитость. Именно он сумел создать весьма надежный аппарат управления, и уже в 1937 году СССР, как говорилось выше, по объему промышленного производства вышел на второе место в мире. Из рассказов очевидцев сталинские чиновники жили своим умом, не окружая себя толпами советников. Избегали тратить время на разного рода пиаровские кампании.

При других условиях, при попустительстве высшей власти, что и показала дальнейшая история, любой из них вполне мог стать взяточником или просто сибаритом, бездельником на высоком посту.

А сегодня президент страны расписывает майские указы, а

они… не выполняются. И никакого спроса с бездельников. Правительство обещало тому же Президенту подготовить 25 миллионов рабочих мест — их нет до сих пор. И все молчат. Почему не спросит у исполнителей причину неисполнительности? Стесняется — кого и чего?

По поводу работоспособности сталинского чиновничества видный советский ученый, академик Владимир Струминский, командированный в конце 40-х годов в США, Великобританию и Францию для закупок современного научного оборудования писал:

«Незадолго до зарубежной командировки я занимался примерно тем же в нашей стране. Появилась хорошая возможность сравнить работу чиновничьего аппарата за границей и в тогдашнем Советском Союзе. Результат был совершенно неожиданным. Наши аппаратчики на две головы оказались выше своих западных коллег. То, что в Великобритании или Франции занимало две недели, требовало множества разных согласований, у нас решалось за 3–4 часа…

Советские управленцы по сравнению со своими западными коллегами были намного подготовленнее: быстрей соображали, не боялись брать на себя ответственность, работали четко, грамотно и профессионально. Американские, французские и английские чиновники… мало того, что они замедленно и с большим трудом вникали в суть вопросов, но, даже поняв, что от них требуется, обязательно выясняли, как к этому отнесутся выше, стараясь при этом "спихнуть" ответственность на других».

В тот период не столько боролись против бюрократизма, сколько за хорошо работающий аппарат. Проводили чистки, выгоняя из аппарата бездарных, бездеятельных, а взамен выдвигая «снизу» тех, кто в своей конкретной работе смог добиться серьезных перемен к лучшему.

Недавно разбираясь в личной картотеке, я нашел высказывания на эту, сегодня болезненную тему бывшего наркома земледелия СССР Ивана Александровича Бенедиктова, который писал:

«При Сталине продвижение в высшие эшелоны управления осуществлялось только по политическим и деловым качествам… Главным критерием являлось умение человека на деле и в кратчайшие сроки изменить ситуацию к лучшему…»

Именно в это время рос и мужал Евгений Петрович Питовранов, который не раз в разговорах с коллегами утверждал, что в тот период был высокий нравственный уровень людей в подлинно справедливом обществе. Государство заботилось о своих гражданах, находя деньги для социальных нужд. А сегодня

по ТВ слышим и видим, как чиновники, в том числе и высоких уровней, беспардонно заявляют: «Государство вам ничего не должно!» В связи с этим у многих граждан России может возникнуть ответ: «Значит, и мы не должны ничего государству!» А ведь за этим стоят понятия — Родность, Родина, Отчизна! Почему этих чиновников никто не одергивает, не гонит взашей? Или почему государство в стороне и через рекламу на радио и телевидении обращается к народу сброситься на лечение детей за границей через создаваемые благотворительные фонды. А ведь, честно говоря, лечение везде осуществляется примерно на одинаковом качественном уровне, и уровень летальности после вмешательств эскулапов практически одинаков. К фондам нередко прилипают грязные руки дельцов от этого монетарного бизнеса, а к ним липнут и деньги.

Вопросы, вопросы, вопросы…

После начала нового 1953 года Семен Денисович Игнатьев поздравил Евгения Петровича с назначением на высокий и ответственный пост начальника Первого Главного управлении МГБ СССР и сразу представил его руководящему составу Главка.

Конечно, эту встречу ожидал коллектив с неподдельным интересом. Хотелось увидеть вчерашнего заключенного тюрьмы на Лубянке, фаворита Сталина и его узника, услышать от него, не имеющего опыта разведывательной работы, слова о путях реализации своих планов.

Ветераны рассказывали, что выступление его было кратким, но емким: словам — тесно, а мыслям — просторно. Он, во-первых, отвел ожидания и слухи о массовом приводе с получением новой должности «своих»; во-вторых, заверил сотрудников, что в его планы не входит проведение каких-либо радикальных перестановок; в-третьих, предложил подготовиться к обстоятельным индивидуальным беседам, которые он провел с каждым руководителем подразделения Главка. Евгений Петрович, чтобы понять суть деятельности на новом направлении, не ставил перед собой цели научить своих новых подчиненных, а хотел выслушать «зубров», авторитетных профессионалов. Если бы он знал, как опыт работы, приобретенный в этом подразделении, ему пригодится в дальнейшем!

Он рассуждал примерно так: «Если Сталину досталась страна с малокомпетентным чиновничеством, безоглядно доверять которому он опасался, а потому постоянно искал новых людей, то для меня разведка тоже страна, но особенная страна. В ней подавляющее большинство — опытные кадры, у которых есть чему поучиться. А если возникнет кадровый голод, я знаю, кого и где искать». Искать ему не пришлось.

После бесед с ветеранами службы, особенно с Василием Зарубиным, Исхаком Ахметовым, Александром Коротковым и многими другими разведчиками, Евгений Петрович понял, какой большой и ответственный участок работы ему поручил Сталин. Не забывал Евгений Петрович и спорт, считая его значительным подспорьем в любой деятельности, тем более в разведке. Многие сотрудники, будучи молодыми и энергичными, выкраивали время для встреч на теннисных кортах, волейбольных и городошных площадках.

Прошло два десятка дней кипучей познавательной деятельности на новом направлении оперативной работы, как вдруг министру Игнатьеву позвонил секретарь Сталина Поскребышев:

— Семен Денисович, срочно направьте к Сталину товарища Питовранова! Он его ждет на беседу.

Искать долго Евгения Петровича не пришлось — он был на рабочем месте. От Лубянки до Кремля можно было дойти пешком, но генерал вызвал машину — видно, спешил на эту встречу. Вскорости он уже легко открывал массивные дубовые двери и по-военному попытался доложить, переступив порог кабинета, как услышал:

— Ну вот и прибыли… Садитесь, как вам удобно…

Сталин указал на стулья вокруг длинного приставного стола. Питовранов присел на первый поблизости к нему стул. Сталин находился на своем рабочем месте.

— Садитесь поближе, так удобнее беседовать.

Гость повиновался предложению и подсел к «главному столу» поближе.

— Расскажите, как идут дела, с какими трудностями встретились, какие проблемы остались нерешенными от прежнего руководства… Доложите все по порядку, у нас с вами достаточно времени, — проговорил Сталин.

Волнение, с первых минут приема вследствие доброжелательности и почти домашней обстановки, создаваемой светом зеленого абажура настольной лампы огромного кабинета его хозяина, мало-помалу улеглось. Евгений Петрович не боялся вопросов Сталина, так как понимал, что он должен отвечать честно на основании информации, полученной на новом участке деятельности.

Евгений Петрович доложил о первых шагах в новой должности руководителя советской внешней разведки, о знакомстве с коллективом, беседах с руководящим составом отделов и управлений, с ветеранами, о планах некоторой переориентировки деятельности на более важные направления с

учетом новых вызовов времени…

Отвечая на вопросы Сталина, Питовранов поймал себя на мысли, что хотя волнение в целом удалось подавить, но его голос почему-то иногда продолжал предательски дрожать. Он понимал, что перед ним действительно великий человек, победивший вместе со своими братьями и сестрами фашизм в жестокой войне. И, конечно, со своей, ставшей могучей Армией.

Это он сделал страну сверхдержавой с ядерным щитом и мечом.

Это под его руководством обеспечено производство сельскохозяйственной продукции и проведение масштабной индустриализации России.

Это он назван не случайно «отцом народов».

А потом осекся внутренне: конечно, не он один, а люди — солдаты, рабочие и колхозники, которых Сталин сумел организовать для побед на фронте, в цехах и на нивах.

Для него в тот момент на столе лежали стопки документов, папки и книги, напротив располагался сам Всевышний, сам Бог, но в человеческом облике. Потом острой болью ударила мысль: «В этом же кабинете я общался со Сталиным до ареста. Почему же он молчит о недавнем моем заточении на Лубянке? Почему не спросит о моем отношении к той трагедии? Может, не хочет ворошить прошлое? Наверное, прошлое — для таких людей чужая страна… Там все по-другому. Да, ничто не меняется так быстро, как прошлое, превращаясь в настоящее…»

— Товарищ Питовранов, исходя из содержания вашего доклада следует, что вы в основном освоились с порученным вам очень важным и сложным участком службы. Знаете кадры, главные направления работы, механизмы, при помощи которых следует управлять этим секретным кораблем. Я вас понял правильно?

— Так точно, товарищ Сталин! С разведывательными операциями для контрразведывательных целей мне пришлось столкнуться в военные годы. Но это было дома. Дома, как говорится, и стены помогают. Разведке и разведчикам ПГУ приходится работать на чужой территории, и в этом сложность адаптации.

— Вот поэтому я говорю о качественном подборе кадров, — опять вставил кадровую составляющую в разговор вождь.

Питовранов продолжал докладывать, отвечая на конкретные вопросы вождя.

Сталин его слушал внимательно, изредка посасывая свою курительную трубку, табак в которой почему-то никак не хотел раскуриваться. Он ее отложил без огорчения и продолжил беседу:

— В своей работе обратите особое внимание на кадры — качественный подбор сотрудников ведомства, их негласных помощников, от которых зависит успех этого важного для страны дела. Избавляйтесь от нерадивых, болтунов, карьеристов, трусов, слабых характером… Это балласт. Да-да, я говорю о балласте потому, что через него приходят предательство и измены. Они совершаются чаще всего не по обдуманному намерению, а по слабости характера. У вас очень сложный участок работы, устремлен на многие годы вперед, а потому будущее имеет обыкновение жестоко мстить за легковесность, с которой решаются проблемы настоящего…

Питовранов слушал мудрые напутствия человека, с именем которого были связаны и грандиозные победы, и чудовищное беззаконие. Именно последнее выбивало из седел наиболее честных, непримиримых к подлости, смелых, независимых людей, настоящих — неквасных патриотов. А еще в этом быстростареющем человеке от пережитых эпохальных событий и от частого курения он видел тонкого психолога, умеющего находить подходы к любому собеседнику.

Вскоре Сталин нажал кнопку у стола…

Вошел Поскребышев с небольшим подносом, на котором стояли два стакана с искрящимся янтарным чаем и две вазочки с колотым сахаром и сушками. За чаепитием Сталин продолжил опрос нового руководителя внешней разведки, все углубляясь и углубляясь в сердцевину проблем главного добывающего органа страны.

— Вы говорите, что практически освоились с хозяйством? Это хорошо — темпы врастания именно таковыми и должны быть. А теперь скажите, сколько у вас надежных агентов за рубежом? — неожиданно спросил хозяин кабинета.

К ответу на такой вопрос Евгений Петрович был явно не готов. Но он быстро собрался и не очень уверенно ответил:

— Тысячи три, товарищ Сталин… или около этого. Откровенно скажу — еще не посчитал…

— Три тысячи? Что, все это наши с вами достойные люди, — на выдохе с удивлением заметил вождь. — Не спешите, товарищ Питовранов, вспомните… Ведь я говорю не обо всей массе агентурного аппарата. Согласитесь, среди них могут быть и лица с идеями преторианской гвардии. Кстати, она, эта гвардия, не всегда была верна римским императорам. Нам с вами нужны верные нашей идее люди. Если бы вы мне назвали эту цифру без одного нуля, я бы поверил.

— Если строго подходить к оценке работоспособности, дельной отдачи агентурного аппарата, товарищ Сталин, то,

наверное, так и будет — пара или тройка сотен. А вот десяток есть таких, которые на вес золота. Например…

Сталин оборвал генерала:

— Не надо называть их, мне это сейчас не надо. А клички тем более. Не стоит загружать память цифрам, именами и псевдонимами. Важно, чтобы такой «золотой фонд» негласных помощников у вас был в наличии. Вы их должны ценить, беречь, уважать, материально поддерживать, но разумно — не сорить деньгами, они ведь заработаны нашими тружениками. У большевиков никогда не было большого числа агентов. Вот, к примеру, в Баку в 1908 году у нас было всего несколько тайных помощников, но какие это были агенты!!! Добирались до секретов охранного отделения! Мы даже знали, что лежит у их руководителей в сейфах. Вот так надо работать: глубоко, прицельно, целеустремленно.

Видно, воспоминания молодости взволновали его. Он выбил в пепельницу пепел из бриаровой чаши трубки, открыл резную деревянную шкатулку и, сломав несколько папирос «Герцеговина флор» — черно-зеленая пачка лежала на столе, набил свою курительную игрушку, с которой не расставался до последних дней жизни.

Потом, прикусив эбонитовый мундштук, поджог табак в чаше и крепко затянулся. Выпустив клуб сизого дыма, он прошелся, словно наслаждаясь затяжкой, в мягких чувяках из тонкого лайкового хрома по ковровой дорожке. Поравнявшись с гостем, он снова спросил по теме:

— А как относятся к вам мидовские и внешнеторговые «смежники», а также военные разведчики — ватовцы?

— С пониманием, товарищ Сталин! У нас налажено с ними рабочее взаимодействие, — коротко ответил Питовранов…

Это была последняя встреча руководителя внешней разведки со Сталиным…

Нужно сказать, что соратники Е.П. Питовранова по МГБ сделали много для создания эффективной системы защиты отечественных секретов на каналах возможного проникновения к ним вражеской агентуры. Не случайно один из руководителей ЦРУ США со временем признался: «Русским в 40-50-е годы удалось создать эффективную систему защиты своих секретов, и в период холодной войны разведывательная система Соединенных Штатов не добилась сколько-нибудь заметных результатов. Действовавшая агентурная сеть была засорена агентами-двойниками и, по существу, полностью контролировалась МГБ».

Разговор закончился после чаепития.

— Мне приятно сознавать, что я в вас не ошибся. Так и

держите крепко штурвал своего корабля. Желаю вам удачи. Мы еще встретимся с вами и поговорим и о новых достижениях, и о новых возникающих проблемах — без работы над их решением жизнь остановится. Вы свободны!..

Да, не предполагал Евгений Петрович, что с Иосифом Виссарионовичем он встретиться только на его похоронах…

Берлинское испытание

Сладчайшая месть — это прощение.

Исраэл Фридман

Начало весны 1953 года стало переломным не только для Советского Союза, оно повлияло на весь мировой процесс. Именно 1 марта 53-го года, в результате апоплексического удара, Сталин оказался на грани смерти. Объявлено об этом было только 3 марта в такой форме, что можно было специалисту предвидеть смертельный исход вождя. В то же время в прессе и по радио делались успокоительные заверения. В них говорилось, что ради спасения жизни Иосифа Виссарионовича к его лечению подключены самые квалифицированные врачи. Процесс проходит под прямым надзором политических руководителей страны. Агония оказалась слишком продолжительной и тяжелой — окончилась она 5 марта.

Всем тогда казалось, что Сталин — это не человек, а какое-то вечное и бессмертное явление. Когда уходит великий человек, тем более вождь, наступает время борьбы за высокую и авторитетную власть. В Советском Союзе такой процесс тоже не был исключением из правил. Соратники забывают правила приличия вместе с тем, кого еще вчера они обожествляли. Каждый из них выставил к Олимпу свою карьерную лестницу и стал карабкаться по ней к его высотам.

А вот простые советские граждане — работяги онемели. Как писал глубокий исследователь истории Советского Союза итальянец Джузеппе Боффа, те, кто присутствовал при этих событиях, помнят дикое молчание, охватившее страну. В течение 30 лет во всей политической жизни страны доминировала эта личность:

— 30 лет непрерывных переворотов и преобразований без передышки, достижений и провалов. Последние умело затушевывались власть имущими через приданные и преданные им СМИ;

— 30 лет безропотного поклонение личности вождя;

— 30 лет веры ему подданных, что завтра будет лучше;

— 30 лет страха и веры в его справедливость;

— 30 лет…

Чувства народа были сложны и драматичны. Они

соответствовали сложности тех событий и той борьбы, которую народ вел под руководством деятеля, только что сошедшего с державной сцены. И относились эти чувства не столько даже к этому человеку, сколько к пройденному этапу суровой жизни страны.

Многих охватила глубокая и искренняя скорбь. Помнится четко, как отец — машинист паровоза, принес домой газету «Гудок» с портретом Сталина в черной траурной рамке. Заплакала мама. Плакали учителя и в нашем 5 «А» классе школе № 2 в заштатном городе Сарны, что на украинском Полесье, рыдали девчонки. Пацаны стояли оглушенные, не понимая важности события. Знали, что умер вождь, грустили, но и только… В паровозном депо гудели локомотивы и в день смерти, и в момент похорон. В газетах печатали фотоматериалы плачущих людей. И это не было пропагандистским изобретением — все было искренне и сердечно. Из круглой, обтянутой черной бумагой тарелки радиоприемника, что висел на стене в родительской комнате, лились траурные мелодии.

Мать и бабушка шептались: что теперь будет? Холод грусти сковал массы. Но были и такие, кто радовался событию, до этого тая в себе это чувство: политические заключенные в лагерях и принудительно отправленные на поселение. Осужденные по разным статьям — от наказания за сбор колосков пшеницы на колхозном поле и до уголовников, ждали амнистии, которая скоро была объявлена. Итак, эти тысячи граждан радовались кончине Сталина — она их освободила.

А в Москве в течение трех дней непрерывная цепь людей ожидала на морозе своей очереди, чтобы проститься с покойным в Колонном зале Дома Союзов. Наплыв людей был таков, что образовалась давка, в ходе которой, особенно в районе Трубной площади, погибло немало граждан.

Одновременно с уходом из жизни Сталина, или Хозяина, так его стали за глаза называть в народе, заботой сталинских руководителей стала необходимость показать стране и всему миру, что в верхах не возникло вакуума власти и что проблемы наследования были урегулированы немедленно при уважении норм законности. Правда, это было сделать не просто — Сталин занимал многие посты в государстве.

Главой Советского правительства стал второй человек в бывшей партийной элите — Георгий Маленков, который являлся дилетантом в хозяйственных вопросах. А его первыми заместителями оказались Лаврентий Берия, Вячеслав Молотов, Николай Булганин и Лазарь Каганович.

Первым секретарем ЦК КПСС был избран Никита Хрущев.

МГБ и МВД объединили вновь, и снова к руководству спецслужбами пришел Берия. Берия немедленно освободил из мест заключения всех арестованных чекистов и возвратил их на прежние должности, кроме Абакумова.

Конфликтовать из-за него с Маленковым он не рискнул, не то уже было время. А что касается Хрущева, то его начальный период называют «оттепелью»: были выпущены на волю многие политические заключенные, активность репрессий значительно снизилась.

Советский Союз достиг больших успехов в покорении космоса, усовершенствовании ядерных фугасов и средствах доставки оружия — ракетостроении. Вместе с тем с именем нового Хозяина Кремля были связаны такие события, как жесточайшая антирелигиозная кампания, расстрел рабочих в Новочеркасске, вынесение смертных приговоров валютчикам и цеховикам, просчеты в освоении целины, подавление Венгерского восстания 1956 года, травля Бориса Пастернака — лауреата Нобелевской премии и художников-авангардистов, просчеты в сельхозстроительстве…

На почве десталинизации произошел разрыв с коммунистическими режимами Мао Цзэдуна в Китае и Энвера Ходжи в Албании.

Некоторые историки считают, что с началом его правления началось постепенное разрушение основ государственности Советского Союза. Критика правления Хрущева обострилась после его обмана, что в систему реальных коммунистических отношений страна придет в 1980 году. Не случайно Черчилль, оценивая «успехи» сменщика Сталина, отметит: «Хрущев нанес вреда Стране Советов в 1000 раз больше, чем я… Если раньше я думал, что умру от старости, то теперь я знаю, что умру от смеха: довести Россию до импорта хлеба — это гениально».

Сразу же после похорон Сталина и ликвидации МГБ новый министр нового объединенного МВД, куда вошли и подразделения госбезопасности, Лаврентий Берия, заменивший Игнатьева, пригласил к себе Евгения Питовранова.

Первым делом он выразил сочувствие его отсидкой в тюремной камере на Лубянке. Потом обрушился площадной бранью в адрес Михаила Рюмина.

— Слышал, он и тебя оклеветал? — лицемерно заявил министр. — Сейчас он сидит на тех нарах, на которых и ты недавно находился. Мало его расстрелять, этот наглец и подонок своими мерзкими поступками заслуживает четвертования.

«Почему вспомнил Берия о моих мытарствах только сейчас? — подумал Питовранов. — Ведь всю подноготную моего

дела он знал от «А» до «Я». Ну да ладно — человеческие слабости. Лесть, как и сигарета, безвредна, если не слишком затягиваться. Я не затягиваюсь, потому что прекрасно понимаю, что тут какая-то одна из видов лжи: ложь, наглая ложь, статистика или цитирование».

Тут же было все вместе — и лесть, и ложь. Евгений Петрович «раскусил» тон разговора сразу. И он даже почувствовал себя на высоте, понимая, что лгать — значит, признавать превосходство того, на кого направлена ложь. Она была направлена Берией против Питовранова.

— Со смертью Сталина грядут балшие изменения, — продолжил Лаврентий Павлович с кавказским акцентом — Знаю тебя как контрразведчика, так и оставайся им. Серову очень нужны толковые помощники.

Генерал Питовранов понял, что его, только что назначенного Сталиным, хотят убрать из разведки.

— Но ведь недавно у меня была встреча со Сталиным, говорили о серьезной реорганизации ведомства… Намечены планы… Он поручил мне продумать предложения, — пытался перебить генерал маршала.

— Знаю, знаю, — продолжал Берия, — сейчас не время их затевать. Посмотрим, как пойдут дела в дальнейшем… Пойдешь замом к Серову?

— ???

— Что молчишь?

— Пойду, куда меня пошлет партия, — коротко ответил Евгений Петрович. Так тогда отвечали многие коммунисты.

Дело в том, что в объединенном МВД, созданном Берией, было три первых заместителя: по МВД — Сергей Круглов, по МГБ — Иван Серов, по общим вопросам — Богдан Кобулов.

Через несколько дней Питовранов узнал, что на его место в ПГУ назначен совершенно некомпетентный в этих делах человек — Василий Рясной, длительное время работавший с Никитой Хрущевым на Украине. Все было ясно без лишних объяснений…

Но Рясной, «будучи не очень образованным, но прямым и честным человеком», окунувшись в море трудно решаемых на уровне его оперативной подготовленности проблем, сам попросил министра освободить его от этой должности. На его место по рекомендации Питовранова был назначен генерал-майор Александр Михайлович Коротков — профессиональный разведчик, не раз выезжавший в длительные загранкомандировки. Но пробыл он на этой должности всего лишь три месяца из-за разыгравшихся политических цунами.

Незадолго до смерти Сталина Берия, возглавлявший в

течение 15 лет органы внутренних дел и государственной безопасности, был отстранен от их руководства. Все эти годы он не упускал возможности использовать свою власть для сведения личных счетов или для того, чтобы держать в постоянном страхе своих коллег. Жестокий и циничный, он был окружен общей ненавистью, естественно, прятавшейся глубоко в душе каждого, кто с ним соприкасался.

После кончины вождя он стал первым заместителем СМ СССР и, как уже говорилось выше, возглавил мощное МВД страны. 9 марта Берия участвовал в похоронах И.В. Сталина и выступил с трибуны Мавзолея на траурном митинге. Политическая элита понимала — это многозначащий знак на намерение стать лидером страны. Но этого же хотели и законно претендовали на высшую власть еще два интригана — Маленков и Хрущев. Подковерная возня вылилась в то, что Берию обвинили в намерении поставить МВД «над правительством и над партией».

26 июня 1953 года на заседании Политбюро он был арестован с «букетом» типичных для того времени обвинений: предатель Родины, матерый шпион, бывший агент дашнакской и мусаватистской разведок, провокатор и т. д., а в конце — новый «враг народа». По существу, это был очередной дворцовый переворот в нескончаемой борьбе за власть в России. Берия недооценил противников и проиграл, а если бы выиграл — на плаху казни отправились бы его конкуренты.

Но большинство тяжких политических обвинений — это надуманности новых властей. Вместе с тем можно согласиться с такими упреками, как жажда власти, жестокость и моральное разложение.

Как докладывал Абакумову завербованный им один из телохранителей Берии Саркисов, что потом он повторил и на следствии, он лично в бериевский гарем на поругание доставил более двухсот женщин, схваченных на московских улицах.

Некоторые защитники Берии, как писал А.В. Киселев, «склонны прощать ему нравственные преступления либо замалчивать их. Но мне представляется, что попрание моральных устоев, проступки перед Честью и Совестью не менее тяжкие, чем перед Законом и Государством…»

Справедливый или нет суд, но совершился все-таки в декабре 1953 года — карма настигла Берию. Почему-то некоторые ветераны госбезопасности считали, что Питов-ранов в какой-то степени ходил в фаворитах у Сталина и Берии. Но это не совсем так, а скорее, совсем не так. Тому, что Евгению Петровичу в 28 лет было присвоено звание генерала, а в 31 — он его назначили заместителем министра государственной безопасности — это

действия вовсе не кремлевского поршня или лифта, а его личная заслуга за работу и качества, вовремя замеченные Сталиным: хорошая память, гибкий ум, порядочность, старательность и трудолюбие. С Берией у него были чисто деловые отношения, потому что глава НКВД, МВД и первый заместитель председателя СМ СССР занимался большими делами и часто собой. Е.П. Питовранов для него был мелкой сошкой.

Евгения Петровича, в ходе следствия по делу Берии, несколько раз вызывали на допросы в качестве свидетеля, но основания для обвинения в том, что он являлся его приспешником, не находили и не нашли…

В мае 1953 года Е.П. Питовранова с семьей направляют в ГДР, с «пропиской» в пригороде германской столицы Карлсхорсте, входившего в состав берлинского административного округа Лихтенберг. Прибыл он туда в качестве уполномоченного органов госбезопасности СССР при Министерстве государственной безопасности ГДР, заместителя верховного комиссара СССР в ГДР. Исполнял он и обязанности начальника Инспекции по вопросам безопасности при Верховном комиссаре СССР в Германии — старшего советника КГБ при Министерстве госбезопасности ГДР, где он пробыл до 1957 года. Под его непосредственным руководством аппарат уполномоченного провел ряд крупных и высокоэффективных мероприятий по срыву антисоветских планов НАТО. За получение конкретных оперативных результатов в 1956 году ему присвоили очередное воинское звание генерал-лейтенанта.

Аппарат уполномоченного находился за большим забором в трехэтажном здании, где при нацистах размещался немецкий военный госпиталь. Рядом стояло историческое здание военно-инженерного училища, в котором был подписан по требованию Сталина вторично Ант о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил и Германии в ночь с 8 на 9 мая 1945 года (8 мая в 23:01 по центрально-европейскому времени, что соответствовало 9 мая в 01:01 московскому времени. — *Авт.)*. Поэтому даты официального объявления главами государств о подписании капитуляции — 8 мая в странах Европы и 9 мая в СССР — стали отмечаться в соответствующих странах как День Победы.

Итак, генерал-майор Е.П. Питовранов оказался в Берлине — столице нового германского государства — Германской Демократической Республике. Произошло интересное явление: ГДР оказалась страной первых в социалистическом лагере массовых беспорядков.

17 июня 1953 года в ГДР, в частности в Восточном Берлине,

начались экономические выступления рабочих, переросшие в политическую забастовку против республиканского правительства по всей стране. Причинами и предпосылками кризиса, как понимал Е.П. Питовранов, были непродуманные шаги партийного руководства республики. Еще в июле 1952 года на Второй конференции Социалистической единой партии Германии (СЕНГ) ее руководитель Вальтер Ульбрихт провозгласил курс на «планомерное строительство социализма», направленного на последовательную советизацию восточногерманского строя. Удар приходился по мелким собственникам и частной торговле. Он же касался массовой национализации предприятий. От фермеров потребовали вступления в местные кооперативы — прообразы советских колхозов. В промышленности поднятие налогов привело к вытеснению с рынка еще существовавших частных предприятий. Произошло повышение цен на общественный транспорт, одежду, обувь, хлебопродукты, овощи, мясо…

Заметно возросла цифра беженцев из ГДР в ФРГ, из Восточного Берлина в Западный, который, не без помощи американцев, был сделан приманкой в образе «витрины демократии и достатка».

В обстановке холодной войны росли расходы на поддержание государственной безопасности и создание национальной армии. Все эти не до конца продуманные решения руководства ГДР для пополнения бюджета далее вызвали тот социальный взрыв, который вылился в массовые беспорядки.

Предшественник Евгения Питовранова — уполномоченный нового МВД СССР в Германии И. А. Фадейкин, 17 июня 1953 года сообщал в Москву:

«К 7:00 17 июня большие толпы стали собираться в разных частях города и направляться по Сталиналле к центру. Забастовали заводы «Кабельверке», шарикоподшипниковый завод в Лихтенберге и другие.

В 7:30 около 2 тысяч человек собралось на Маркс-Энгельс платц, свыше 2 тысяч человек на Сталиналлее, около 2 тысяч у вагоноремонтного завода в Шеневайде, свыше 500 человек на Унтер-дер-Линден. Всего свыше 8 тысяч человек. Число демонстрантов растет и точно установить невозможно. Полиция не справляется с порядком».

Берия в это время дал, наверное, свое последнее указание по событиям в ГДР перед арестом:

«Сохраняя выдержку и спокойствие, взять под охрану все важные государственные и общественные объекты. Военную силу применять в случае крайнего обострения обстановки».

В ответе Фадейкин сообщил Берии о том, что все важные объекты: радиостанция, почта, телеграф, вокзал и мосты заняты советскими войсками.

16 июня одна из колонн манифестантов, численностью до 10 тысяч человек, преодолев полицейские заграждения, прорвалась к зданию правительства ГДР. Впервые за время забастовки прозвучали угрозы в адрес советских патрулей. Отдельные митингующие выкрикивали: «Оккупанты домой!»

Снимок местного гражданина, замахнувшегося с камнем в руке на советский танк, облетел весь западный мир. Именно эта фотография стала символом событий в ГДР 17 июня 1953 года. Как говорил видный дипломат и политолог Николай Николаевич Платошкин, «удачно снятые фото пишут историю лучше, чем десятки исследователей». Остается только придумать для фотографии удачный слоган.

В отношении июня 1953 года в ГДР он звучал примерно так: рабочее или народное восстание против тоталитаризма, жестоко подавленное советскими войсками.

Однако ведь все это было не совсем так. На смену исторической правде приходят полутона и возникает потребность на Западе иметь пропагандистов с хорошо говорящими головами и лукавыми перьями для переписки истории. И события в СССР в 1991 году, и на Украине в 2014 были хорошо оплачены не столько «печеньками», сколько деньгами, большими деньгами в виде долларов, а затем и пролитой кровью невинных.

Подобной же валютой платили и организаторам беспорядков в ГДР. И все эти штучки — упущенные нашими пастырями шансы на победу добра над злом ради надежд на прекрасное будущее.

Подчас прошлое хочется вытравить из памяти, особенно те моменты, за которые стыдно, поэтому они заставляют напрягать совесть в поисках оправданий греховных проступков. Именно в таких условиях приступил к работе в Германии Е.П. Питовранов.

Он много сил и знаний отдал этой стране становлению разведывательных и контрразведывательных спецслужб МГБ ГДР, в частности «Штази» — тайной полиции. Питовранову приходилось подолгу общаться с оперативниками ГДР в их штаб-квартире, которая располагалась в округе Лихтенберг Восточного Берлина. После июньских событий 1953 года Вальтер Ульбрихт назначил главой МГБ ГДР Эрнста Волльвебера, с которым у Евгения Петровича сложились теплые деловые отношения, как и с начальником разведки Маркусом Вольфом.

Ознакомившись с оперативной обстановкой в спецслужбах ГДР, Питовранов доложил свое видение вопроса в ЦК КПСС, который принял решение укрепить органы госбезопасности ГДР

проверенными членами СЕПГ. После двухсторонних консультаций между партийным руководством СССР и ГДР было принято специальное решение ЦК СЕПГ.

Как говорится, от Питовранова вначале требовался контроль и помощь развивающимся спецслужбам ГДР, а в дальнейшем — организация плотного взаимодействия. Именно благодаря Питовранову внешняя разведка ГДР превратилась в одну из самых эффективных разведок мира, которая предоставляла Советскому Союзу обширную и ценную разведывательную информацию.

Уже 7 августа 1953 года новый начальник аппарата МВД СССР в Германии Е.П. Питовранов сообщил В.М. Молотову и преемнику Берии на посту МВД С.Н. Круглову, что американская программа продовольственной помощи Западной Германии представляет «серьезную угрозу безопасности и стабильности ГДР» из-за ее в первую очередь идеологической направленности.

Масштабная и глубокая оперативная работа проводилась «Штази» по вербовке высокого уровня чиновничества в ФРГ. Генерал-майор Е.П. Питовранов принимал самое непосредственное участие в этих операциях вместе с немецкими коллегами.

Так, 20 июля 1954 года в ГДР перешел доктор Отто Йон, который с конца 1950 года возглавлял Федеральную службу защиты конституции Германии — контрразведку ФРГ. Его переход стал существенным ударом по авторитету специальных органов Западной Германии. Естественно, он не только просто решил перейти на сторону социалистической Германии, а пришел с важнейшей разведывательной информацией. Это был первый крупный успех молодой разведки ГДР. Кстати, потом при помощи агентуры Йона были установлены «жучки» в кабинете первого руководителя разведывательной службы ФРГ «битого» гитлеровского генерала Рейнхарда Гелена, работавшего и на ФРГ, и на США.

Одной из удачных операций «Штази» того времени было внедрение в окружение канцлера Вилли Брандта офицера МГБ Гюнтера Гийома. Он вместе со своей женой Кристель в 1956 году под видом беженца приехал в ФРГ и поселился во Франкфурт-на-Майне. Контактный, симпатичный молодой человек быстро адаптировался в новой среде: вступил в Социал-демократическую партию Германии (СДПГ), выдержал линию поведения и легенду своего нахождения в ФРГ и скоро сделал политическую карьеру. В конце 60-х он приступил к работе в аппарате канцлера, сотрудники которого не знали, что аналитические записки составляются не без помощи лучших умов «Штази», чьим агентом геноссе Гийом состоял с 1950 года.

Кстати, структура «Штази» повторяла советское Министерство госбезопасности. Немецкая спецслужба состояла из трех главных управлений: контрразведки, диверсий и подрывной деятельности.

Много было и других интересных дел. Так в это время массово приобреталась агентура в ФРГ. Активно работали агенты: Феликс, Норма, Ирис, Лидия, Нанте, Тимм и многие другие. Их негласная деятельность помогала не только ГДР, но и частям, соединениям и объединениям Группы советских войск в Германии. В этом была большая заслуга старшего советника КГБ СССР генерал-лейтенанта Евгения Петровича Питовранова, который участвовал в организации и проведении «неводных» (от слова невод. — *Авт.)* операций «Кольцо», «Стрела» и «Весна». В определенный день и час своеобразной сетью накрывались все находящие под подозрением агенты разведки ФРГ, США и Великобритании и арестовывались. Получилась внушительная цифра — более 600 человек.

«В определенной степени, — вспоминал Евгений Петрович, — в работе с немцами пригодился еще военный опыт: тогда мы постоянно сталкивались с агентурой абвера и других немецких разведслужб и хорошо уяснили их специфический “почерк", отражающий в значительной мере национальный характер. Он заключался в следовании всем артикулам, предписаниям, нормам, подчас формального свойства, но обязательных для всех агентов.

Примерно с тем же столкнулись и в ГДР, организуя работу против западных немцев».

Конечно, контрразведывательный опыт, приобретенный в тылах Красной армии по поиску вражеской агентуры, диверсантов и террористов в период войны, когда Е.П. Питовранов руководил областными управлениями Поволжья, оказывал существенную помощь в так называемой «настройке на немецкую волну» в период его службы в ГДР…

В 1952 году решением ЦК СЕПГ 28-летний Маркус Вольф (1923–2006), советник посольства ГДР в Москве, был отозван в Берлин и возглавил разведывательную службу. С ним Питовранов познакомился в 1951 году на приеме в честь Дня Победы в посольстве ГДР в Москве. Вряд ли кто из них мог предположить, что через пару лет они встретятся как боевые друзья на поле тайных битв.

Кстати, Маркус Вольф оставался ее руководителем почти четыре десятилетия, установив своеобразный рекорд среди шефов всех разведок мира. По разведывательным вопросам Питовранов был тесно связан с ним. Пройдет много времени, они останутся

друзьями и ярыми сторонниками и защитниками социалистического строя, положительными сторонами которого руководители обеих стран не смогли в полную силу их использовать. Мешали недальновидность, косность и безрассудность.

Как руководитель разведки «Штази» и глубокий аналитик Маркус Вольф еще в 50-е годы отмечал в беседе с Питоврановым такую тонкость, что оба германских государства утверждали, что высшая цель, к которой стремится каждое из них, — воссоединение. При этом главной задачей Федеративной Республики Германии было обеспечение экономической мощи, а ГДР — отстаивание своей идентичности в рамках восточного блока и решение социальных проблем. Как писал А.В. Киселев:

«Ни один из руководителей спецслужб, кроме Маркуса Вольфа, не может похвастаться тем, что в течение тридцати лет его личность оставалась неизвестной противнику, что никто не знал его в лицо, никто не видел его фотографии, что в ходе многочисленных операций он не оставлял никаких следов. А ведь выполняя разведывательные задания, он довольно часто выезжал за границу под другими, естественно, фамилиями, но всегда со своим настоящим лицом, не применяя никаких средств маскировки».

С таким феноменом в разведке, человеком-легендой взаимодействовал весь свой срок пребывания в Германии генерал-лейтенант Евгений Петрович Питовранов. Приятно отметить в эти же годы работал по линии внешнеторгового представительства, а тесть автора этой книги, участник Великой Отечественной войны, капитан 1 ранга Сипотенко Андрей Тимофеевич, подводник, хорошо знал Евгения Петровича — они жили по соседству в Хамовниках. Сожалею, что мне мало пришлось общаться с ним, а он многое мог бы рассказать о нашем общем знакомом.

Что ж, приходиться соглашаться с правилом «Что имеем, не храним, потерявши — плачем!».

Тонкий аналитический ум Маркуса Вольфа поражал Евгения Петровича своими глубокими обобщениями. Так он однажды заметил, а скорее, высказал философскую идею, что нация не может погибнуть, кроме как от самоубийства: несчастье может быть принесено другими силами, но народ уничтожен может быть только своими собственными деятелями. Все правильно, для нацистской Германии это самоубийство подготовил Гитлер, для СССР — два Герострата — Горбачев и Ельцин.

Вот и сегодня мы являемся свидетелями, как Порошенко готовил самоубийство Украины, которую хотят представить

страной крайне националистической, радикализм в которой с болезненной торопливостью готовится в русофобских шествиях и т. п. Но это тема для отдельного большого разговора…

МГБ ГДР — «Штази» почти треть века наводило животный страх и ужас на недоброжелателей социализма как в Восточной Германии, так и за ее пределами. Для одних граждан действия сотрудников этой разведывательной и контрразведывательной службы стали устрашающими символами тотального контроля над личностью. Для других — они превращались в романтических героев, долгое время водивших за нос лучших агентов ЦРУ.

В Карлсхорсте Евгений Петрович Питовранов не изменял своим привычкам следить за физическим состоянием здоровья. Он всегда был осанист и подтянут, потому что любил нагружать себя физическими упражнениями, увлекаясь теннисом, городками и волейболом. В Москве, в бытность заместителя министра, он неизменно, как и его шеф Виктор Семенович Абакумов, курировал спортобщество «Динамо». Конкурентом его на спортплощадке был сын вождя — Василий Сталин, опекавший ЦСКА, извечный соперник динамовцев. Кстати, Питовранов выступал за сборную команду «Динамо» по волейболу, а ведь она состояла полностью из мастеров спорта.

Огромный пласт прицельной работы, связанной «с землей», по так называемому делу «шпионажа из подземелья» в Берлине, пришлось перевернуть в середине 50-х годов в прямом и переносном смысле генералу Е.П. Питовранову совместно с немецкими друзьями и военными контрразведчиками ГСВГ. Дело в том, в начале 50-х годов была задумана и начала проводиться операция ЦРУ и Британской разведывательной службы МИ-6 соответственно под кодовыми названиями «Золото» и «Операция Секундомер». Финансировалась она исключительно «зеленью» из сметы ЦРУ. Смысл ее заключался в прокладке из Западного Берлина подземного тоннеля на территорию столицы ГДР для получения доступа к телефонным коммуникациям штаба советских войск в Германии.

По указанию директора ЦРУ Аллена Даллеса в целях сохранения секретности к разработке операции был допущен максимально ограниченный круг лиц. Существует версия, что первые сведения о советских телефонных кабелях особого значения, пролегающих на глубине менее двух метров в непосредственной близости к американскому сектору, а затем и о схеме их точного расположения удалось добыть ЦРУ агентурным путем на телефонной станции в Восточном Берлине.

После этого в Лондоне 15, 17 и 18 декабря 1953 года состоялась серия секретных совещаний представителей ЦРУ и

МИ-6. В совещании участвовал заместитель начальника отдела «У» Джордж Блейк — один из самых ценных агентов советской разведки. В 1959 году Блейк был предан польским разведчиком-перебежчиком Михайлом Голеневским, перешедшим на сторону ЦРУ. После разоблачения Блейк был приговорен к 42 годам тюремного заключения, по одному году за каждого из погибших агентов. Проведя пять лет в заключении и понимая, что у него нет никаких шансов выйти на свободу даже через обмен агентами, он организовал в 1965 году свой побег из тюрьмы Урмвуд-Скрабс с помощью заключенных и их друзей на воле. Финансировал побег Блейка известный английский режиссер и пацифист Тони Ричардсон, снабдивший его малогабаритной рацией. Пока его сокамерники вместе с надзирателями смотрели по ТВ футбольный матч, Блейк вышел из камеры через окно и преодолел семиметровый забор по веревочной лестнице.

Другой участник побега Рэндл тайно перевез Блейка через Ла-Манш в тайнике своего фургона, дальше Бельгия и ГДР…

В 1990 году Джордж Блейк опубликовал автобиографичную книгу «Иного выбора нет». До настоящего времени он живет в Москве на пенсию полковника КГБ и остается убежденным сторонником социалистического пути развития общества. На обвинения в предательстве он отвечал, что никогда не чувствовал себя британцем: «Чтобы совершить предательство, нужно сначала чувствовать свою принадлежность. Я никогда не чувствовал своей принадлежности… Мне не в чем оправдываться… Я помогал тем, кто идет в авангарде прогресса!»

Но вернемся к операции.

Скоро большая группа специалистов ЦРУ вылетела в Западный Берлин. При соблюдении строгой секретности, не раскрывая сути и предназначения своей работы, они провели тщательное исследование местности, наметили примерную трассу будущего тоннеля и взяли глубинные пробы грунта.

Многомесячная напряженная работа закончилась обстоятельным устным докладом Даллеса президенту США Эйзенхауэру с подробным изложением обоснований возможности операции, всесторонними расчетами и красочными схемами.

В декабрьские дни 1954 года по команде директора ЦРУ Аллена Даллеса началось строительство подземного тоннеля. В означенное время рядом с границей, начали в спешном порядке монтировать бутафорскую радиолокационную станцию (РЛС) и вокруг нее — ряд административных зданий. Все окружили высоким забором со сторожевыми вышками. Как и планировали, проходку тоннеля начали из просторного подвала РЛС. Мощные буровые машины выкопали широкий колодец, и с глубины

примерно десяти метров приступили к непосредственной прокладке тоннеля.

Глиноземная почва сваливалась тут же, в подвале станции, а затем тайно, преимущественно в ночные часы вывозилась в огромных контейнерах с «невинными» надписями на их стенах. Прорытые участки янки быстро закрепляли бетонными кольцами, надежно армированными из стальной арматуры, чтобы не было обвалов грунта. Работа велась круглые сутки. Главный инженер каждое утро докладывал полномочному представителю ЦРУ результаты проделанной работы за сутки, о которых в тот же день он шифрограммой подробно информировал самого Аллена Даллеса. Так «шахтерами» из ЦРУ был прорыт 600-метровый тоннель двухметрового диаметра. Во избежание неожиданного, случайного обнаружения сотрудниками советского узла связи подкопа в конце тоннеля установили стальную дверь с грозной надписью на русском языке:

«ВХОД ЗАПРЕЩЕН!
По приказу Главнокомандующего
Группы сов. войск в Германии».

Для проведения земляных работ по созданию тоннеля и установки оборудования, обеспечения главного бункера кондиционерами и насосами, бесшумно удалявшими кое-где просачивающуюся грунтовую воду, подключения к кабелю связи разведывательной аппаратуры потребовалось почти полтора года. Расходы на строительство тоннеля составили 6 млн долларов.

11 мая 1955 года ЦРУ приступило к непрерывному прослушиванию переговоров советских военных и восточногерманских министерств. 400 магнитофонов бесшумно «завертели» свои бобины, занося на пленку каждое телефонное слово, произнесенное по телефону.

Один из постов нашего радиоперехвата засек однажды такой подозрительный разговор некого американца, он хвастался другому: «Четыре сотни моих дойных коров уже с аппетитом лакомятся сочным кормом, и я в самое ближайшее время буду иметь честь опробовать их, безусловно, жирную, первосортную сметану!»

Эти данные тут же были доложены по нужному адресу. Как потом удалось выяснить, всего было записано 443 тысячи переговоров, из них 386 тысяч советских и 75 тысяч восточногерманских. Они легли в основу 1750 разведывательных донесений.

Чтобы прикрыть нашего агента, руководство КГБ дало указание в Берлин, что советские органы госбезопасности ничего

не знают об операции западных спецслужб и должны передавать через кабель второстепенную или ложную информацию. Дезинформации янки накушались вдоволь!

Весной 1956 года чекистам стало ясно, что дальнейшее существование тоннеля создает угрозу интересам безопасности СССР. Ночью 22 апреля 1956 года советские связисты, «осуществляя срочный ремонт» телефонного кабеля, обеспечивающего связь между Восточным Берлином и Москвой, «случайно» наткнулись на ответвление — аккуратно сплетенные в пучки отводные провода. Потом нашли лаз, круто уходящий в землю, две стальные двери, двухметровую стальную трубу и тоннель, ведущий в сторону границы, разделяющей советский и американский секторы Берлина. Так закончилась бесславно и позорно для англосаксов наша операция «Тоннель».

В одной из Лондонских газет того времени сообщалось:

«22 апреля 1956 года русские неожиданно обнаружили тоннель на своей территории, Сработала сигнальная система. Русские никого не нашли в тоннеле, но оборудование было на месте. Операторы исчезли так быстро, что русские обнаружили кипящий кофейник в пустом помещении».

Выходит, крысы сбежали…

По другой версии, «гром среди ясного неба» для ЦРУ грянул действительно рано утром 22 мая 1956 года. Накануне вечером четверо специалистов-электронщиков ЦРУ привычно спустились в главный бункер тоннеля и, сменив сослуживцев, заступили на очередное дежурство. Сверив показания приборов, расписались в вахтенном журнале, заняли свои служебные места.

Кондиционеры гнали в бункер чистый воздух, водяные насосы тихо гудели, отсасывая грунтовые воды. Основная оперативная техника принимала и записывала переговоры русских. Спокойствию и безмятежности пришел конец, когда три вооруженных советских связиста — сержант и два солдата (переодетые контрразведчики), отомкнув стальную дверь с грозной надписью *«.ВХОД ВОСПРЕЩЕН!»,* неожиданно появились в бункере. Направленные стволы автоматов на американцев, захваченных врасплох, поставили точку в операции ЦРУ «GOLD» — «ЗОЛОТО». Пленных доставили в военную комендатуру… Среди них было трое американцев и один представитель Туманного Альбиона — англосаксы доверяли друг другу.

Наши специалисты изъяли немало шпионской аппаратуры для ее дальнейшего профессионального изучения.

Вскорости советской стороной была организована пресс-конференция. На ней представители Советского Союза обвинили американцев в возмутительном вторжении на территорию

советского сектора в Берлине и заявили решительный протест, а собравшихся журналистов пригласили на «экскурсию» в тоннель.

Правда, униженные янки из ЦРУ через своего пресс-секретаря заявили о блестящем успехе своего ведомства:

«…В результате замечательной по своей смелости и изобретательности операции ЦРУ более года держало руку на советском пульсе, дабы своевременно предупредить нашего президента и правительство о готовящемся нападении Советского Союза».

Но это был холостой выстрел и только… Для англичан операция «Секундомер» тоже завершилась конфузом с причитанием: «Мальбрук в поход собрался!» А похода настоящего так и не получилось.

Практическая реализация полученных от нашей агентуры сведений была успешно завершена Аппаратом уполномоченного КГБ СССР в ГДР и военными контрразведчиками ГСВГ при личном участии Евгения Петровича Питовранова.

Но был и для Евгения Петровича один курьез. О результатах проведенной операции он доложил Главнокомандующему ГСВГ Маршалу Советского Союза Андрею Антоновичу Гречко, который отдал все необходимые распоряжения. Как только за Питоврановым захлопнулась дверь, Гречко сообщил интересную информацию министру обороны Жукову. Тот сразу же побежал к Хрущеву. Об успехе проведенной операции Питовранов доложил в Москву.

— Спасибо за службу — молодцы! — коротко ответил председатель КГБ Иван Александрович Серов (1905–1990). Однако через несколько минут раздался встречный звонок Питовранову от Серова.

— Ты что, захотел работать через голову… Сам лезешь к Хрущеву, меня в дураках оставляешь… Выслужиться захотел таким образом… Никита Сергеевич сказал мне, что ему все известно. Откуда у него информация, как не от тебя? Ты, наверное, поделился с военными? Сам рассказал Гречко? Ну и дурак! Работаешь хорошо, а язык держать не умеешь! — закипевший председатель КГБ бросил трубку, — послышалась череда коротких гудков.

Евгений Петрович спокойно положил трубку и про себя подумал: «А ведь по другому я поступить не мог, действовал по уставу и совести — Главнокомандующий группой войск должен был знать первым о результатах этой операции. А в целом — много шуму из ничего. Главное дело государственной важности сделано. Может, мой стакан невелик, но я пью из своего стакана. Так будет и впредь. Ох, эти российские карачки, подобострастие и

шептуны…».

И он, как в прошлом железнодорожник, вспомнил рассказ преподавателя института, как в день открытия Николаевской железной дороги произошел конфуз. Один царский чиновник, желая выслужиться перед начальством, приказал выкрасить рельсы белой масляной краской. Попав на участок со свежевыкрашенными рельсами, колеса паровоза начали буксовать и поезд остановился. Пришлось «виновникам» бежать впереди паровоза и посыпать рельсы песком…

Этот звонок из Лубянки показал одну жизненную истину: пока талант пробьется, бездарность, нередко злопамятная и завистливая, жаждет успеть выслужиться. Со слов участников-ветеранов той операции все исполнители были поощрены правительственными наградами — орденами и медалями, и только главный ее дирижер — генерал-лейтенант Питовранов остался с незаслуженным телефонным выговором от председателя КГБ Ивана Серова, которого вскоре переведут на должность начальника ГРУ Генштаба ВС СССР, а оттуда уволят с понижением в должности с генерала армии до генерал-майора за нечистоплотные промахи в работе, в том числе связанные с делами о предательстве офицеров ГРУ подполковника Попова и полковника Пеньковского и другие неблагозвучные дела, связанные с поездкой жены и дочери в Великобританию…

Предпоследний год пребывания Е.П. Питовранова в Германии ознаменовался тяжелым для его понимания выступлением Хрущева после XX съезда КПСС, проходившем в Москве в Большом Кремлевском дворце с 14 по 25 февраля 1956 года. Поскольку доклад Хрущева на съезде был плодом скорее коллективной, чем личной работы, что отличало Сталина в своих выступлениях на партийных форумах от других, он не был лишен противоречий. Доклад, плод разных авторов, не являлся последовательным. Чувствовалось в нем какая-то недоговоренность, словно выстраивался трамплин для гигантского прыжка в будущее, с разрывом с недавним прошлым. И этот «прыжок» Хрущев осуществил в последний день съезда.

24 февраля — это была пятница, поэтому Хрущев попросил делегатов не разъезжаться, а остаться еще на один день. Некоторые собирались уже покинуть гостиницу, чтобы уехать или улететь домой, но их предупредили и попросили остаться еще на сутки.

25 февраля на секретном заседании Хрущев прочел свой секретный доклад «О культе личности и его последствиях», взяв за основу результаты комиссии Поспелова и Аристова, но пересыпав его своими личными суждениями и импровизациями.

Он поставил под сомнение стратегическое руководство Сталиным военными операциями в годы Великой Отечественной войны и в саркастической форме высмеял его старческий деспотизм.

Содержание секретного доклада Хрущева Питовранов узнал несколько позже, когда столкнулся с его последствиями. Доклад явился своеобразной хитростью, осуществленной без ведома других руководителей страны. Не случайно он встретил решительное сопротивление Ворошилова, Молотова, Кагановича и ряда других.

На этот ропот Хрущев пригрозил обратиться прямо к съезду и партийными взысканиями в дальнейшем…

Даже через шестьдесят с лишним лет после обвинительной знаменательной речи Никиты Хрущева на XX съезде партии о культе личности Иосифа Сталина страсти не утихают. Слова, сказанные против человека, которого одни боготворили, а другие ругали, раскалывают до сих пор сознание общества на два противоположных лагеря.

Бытует мнение среди историков, что до сих пор власти почему-то держат в секрете полный текст выступления Никиты Хрущева. Общедоступна его лишь усеченная часть. Одни говорят, что ответственность за расстрелы должны нести все члены Политбюро, в том числе и Хрущев, который проявил трусливое коварство и нанес по репрессиям удар первым, развенчав культ личности. А сколько этих «культиков» было потом, начиная с самого Хрущева. И все же было что-то такое, что заставило руководителя компартии Испании Долорес Ибаррури сказать: «Советские руководители раскрыли нам глаза на горькую и грустную действительность, которую мы не знали. Она произвела на нас такое тяжелое впечатление, что лучше было бы жить в заблуждении». И в этом есть тоже своя правда.

Служба Питовранова в ГДР еще больше подняла его авторитет среди руководителей Лубянки. Почувствовали его прицельные удары по противнику с мертвой хваткой и спецслужбы Западной Германии — БНД.

Скоро он был отозван в Москву для продолжения дальнейшей службы.

Триумф и трагедия вождя

Стоит признать, что Верховный Главнокомандующий Сталин накануне Великой Отечественной войны и в самом ее начале совершил немало ошибок.

Однако сильные стороны главы государства все же не позволили реализоваться немецкому блицкригу…

Сергей Воронцов

Пребывание в ГДР позволило Е.П. Питовранову познать лицо Германии, ее историю — древнюю, недавнюю и новейшую. Главное, что именно здесь он лишний раз утвердился во мнении, с какой военной и экономически мощной машиной Третьего рейха и ее приводными ремнями в виде промышленного потенциала сателлитов пришлось встретиться советскому народу, его армии и органами госбезопасности на полях огненных сражений и невидимых фронтах. А еще он убедился в правильности личных оценок в деятельности Сталина в предвоенные и военные годы. Путь и действия вождя вкладывались в рамки фразы древнеримского писателя Теренция: «Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо».

Сталин как правитель СССР, как Верховный Главнокомандующий был живым человеком с присущими ему плюсами и минусами, сильными и слабыми чертами характера, взлетами и падениями, благородством и жестокостью, добротой и мстительностью…

У Сталина были первоклассные управленцы. Их называли люди из стали! Именно этот аппарат управления к концу 30-х годов по объему промышленного производства вывел Советский Союз на второе место в мире. За этот небольшой промежуток времени существенно поднялись показатели в областях культуры, образования, науки и здравоохранения…

Сегодня разработана наука об управлении на основе анализа конкретных результатов деятельности многих великих правителей по трем критериям:

— обладание экономической властью, поскольку управление без власти невозможно — именно жесткая борьба за власть

характеризует великих управленцев;

— существование высочайшего индекса управленческой мысли не может быть без умения анализировать, сопоставлять, делать выводы, принимать единственно правильные решения, удивительно и интуитивно определять стратегию и тактику событий, грамотно организовывать реализацию принятых решений;

— достижение великих целей и, естественно результатов, которые оставили исторический след в развитии страны, нации, человечества.

Вот по таким критериям мы должны оценивать руководителя любой страны — слабой, сильной. Имеющей или имевшей когда-то историческое значение. Именно этот шаблон применим и к оценке деятельности И.В. Сталина.

На животрепещущий сегодня вопрос «Почему при Сталине снижалась коррупция, а у нас сегодня растет?» есть ответ. Объективно говоря, и при Сталине были и бюрократы, и воры. Как и сегодня, чиновники брали взятки, «пилили» бюджет и грешили кумовством. Но главное — эти негативные проявления из года в год снижались.

Говорят, взяток не брали от страха… Могли расстрелять. Да, и из-за этого тоже. Но существовал стержневой ответ на этот вопрос: была отлажена целая система слежки за жизнью, действиями и поведением чиновничества. Работали прожекторы разного уровня: профсоюз, КПСС, общественные организации, средства массовой информации с хлесткими, ныне забытыми фельетонами, высвечивающие эти темные углы в деятельности чиновничества. Через головную организацию — Госконтроль и другие подобные институты шло наблюдение за власть имущими. За отступления от норм приличия и нарушение статей УК беспощадно наказывали и нарами, и конфискациями, и ВМН. За такие прегрешения не щадили ни генералов, ни маршалов — Георгия Жукова, ни артистов — Лидию Русланову вместе с мужем генералом, ни героев науки и труда — Ивана Папанина…

Родственники многих членов Политбюро, даже Сталина, сидели в лагерях за делишки, которые сегодня кажутся чепухой.

Вождь выстроил систему, которая сама заставляла чиновников вникать в происходящее, а не просто «проводить в жизнь» генеральную линию. Важнейшие стройки сталинские наркомы курировали лично и отвечали за них головой. Знаменитую Магнитку построили за два года: начали в 1930 году, а в 1932-м гигантский комбинат уже дал стране первый чугун.

Эксперты в области государственного строительства утверждают, что создатель и архитектор «сингапурского

экономического чуда» премьер-министр Сингапура Ли Куан Ю многое в борьбе с коррупцией взял от Сталина. Он жесточайшей рукой корчевал ее, наводя порядок в небольшом островном государстве без природных ископаемых, ставшем мировым эталоном порядка, процветания и высокого уровня жизни. Изменения были понятны и приняты обществом, которое согласилось, что созданные Ли Куан Ю институты обеспечивают порядок в стране, отсутствие коррупции и экономический рост. Он даже своих родственников за небольшие преступления отправлял на нары, за крупные — безжалостно расстреливал. Достаточно сказать, за брошенный окурок мимо урны полагался штраф в… 500 долларов. Безопасность и благоденствие Сингапура любыми возможными средствами были основными жизненными и политическими целями премьер-министра Ли на протяжении всей его жизни. Ли Куан Ю покинул мир в 92-летнем возрасте, в 2015 году, но страна продолжает «цвести и пахнуть», идя по начертанному им пути.

Как человек с аналитическим складом ума Евгений Петрович объективно раскладывал по полочкам в памяти свои оценки происходивших в прошлом событий. Знал он, что его некоторые завистники называли фаворитом Сталина. В ответ на такие «обвинения», даже в Хрущевский период оголтелой десталинизации, он не отказывался от истины, понимая, что в ней ценно лишь то, в чем можно сомневаться.

Он, как никто другой, знал, что уважение к нему со стороны Сталина пришло без наушничества, ябедничанья, кляузничества и доносительства. Питовранов по природе не мог быть шептуном. Он просто в нужное время оказался в нужном месте. Не постоянно рядом, а периодически близко к вождю. Генерал ярче других своих сослуживцев случайно засвечивался перед вождем в понимании поиска горячих ответов и находил их, хотя был моложе возрастом и ниже в звании и должности своих начальников. И эти ответы на вопросы вождя он не раз, причем неожиданно для своего руководства, находил и, самое главное, мог членораздельно доложить Сталину как Верховному Главнокомандующему в годы войны, так и руководителю партии и правительства.

В то же время Евгений Петрович, пройдя «оперативные университеты» в областных управления госбезопасности, а после войны возглавляя советскую контрразведку и разведку, был осведомлен как никто другой об ошибках и успехах «отца народов».

Из той информации, которую получил автор в разных вариантах от коллег Евгения Петровича Питовранова по Высшей

школе — от фронтовиков-контрразведчиков генерал-лейтенанта Николая Ивановича Железникова, полковников Николая Андреевича Воробьева, Андрея Кузьмича Соловьева и других, можно четко установить, что «фаворит» был объективен в оценке деятельности вождя за периоды предвоенных лет и в годину испытаний Великой Отечественной войной. Он обычно коротко говорил: «Сталин — живой человек. Такой как все — мог ошибаться и заблуждаться. И все же в масштабе — это глыба!»

«Построил ли Сталин то государство, которое хотел? — вопрошает наш соотечественник, глубокий писатель и патриот Николай Стариков. — Скорее всего реальность у него разошлась с планами. Он полагал, что быстро удастся создать новое общество, отменить деньги, эксплуатацию и прочие вредные атрибуты капиталистического прошлого. Но началась гражданская бойня. Нужно было действовать жестко. А потом, чтобы построить мощную державу, надо было воссоздать промышленность. Чтобы это осуществить, надо было опять же, мягко говоря, «поэксплуатировать» крестьянство. Деньги, технологии взять было неоткуда, единственным источником оказалось зерно. Здесь, кстати, кроются и причины голода 20-30-х годов по всей Советской России, а не только на Украине, как об этом талдычат местные радикалы националистического лагеря. Этот голод не был организован властью искусственно, он был порожден множеством обстоятельств. В том числе и природными аномалиями — засухой. Хотя в некоторых районах, там, где поголовно уничтожили скот, чтобы не сдавать его в колхозы, по инициативе Льва Троцкого, были приняты ответные меры государства не оказывать помощь населению этих районов».

Многие забывают, что незадолго до этого Запад запретил Советскому Союзу расплачиваться золотом, а потом нефтью и лесом, что составляло страшную по последствиям блокаду. Единственным платежным мерилом оставалось только зерно. Думается, это делалось Западом умышленно — для создания в стране хаоса и возмущения. А дальше, как известно, началась война 1941–1945 годов, в ходе которой надо было побеждать, а не думать о каком-либо строительстве.

Потом стали восстанавливать стены разрушенной войной Державы. На это ушло полдесятка лет. Так что Сталин мог начать думать о большом строительстве только в конце 40-х — начале 50-х годов. А в 1953 году его неожиданно не стало, так что времени у него не было повторить исторический спурт в экономике образца 30-х годов.

Взгляды Сталина со временем менялись. Прожил он долгую жизнь и пережил множество предательств со стороны самых

близких людей, устраивающих заговоры против него, раскрытые и тайные до сих пор, в лице Троцкого, Тухачевского, Блюхера, Рыкова, Бухарина, Хрущева, Берии и Маленкова и других, спрятавшихся за ширмами архивной секретности.

Думается здесь уместно привести высказывание из трудов итальянского политического мыслителя, писателя Николо Макиавелли об интеллектуальных возможностях советников Сталина в разное время — до войны, во время Великой Отечественной и перед смертью:

«Многие полагают, что кое-кто из государей, слывущих мудрыми, славой своей обязаны не себе самим, а добрым советам своих приближенных, но мнение это ошибочно, Ибо правило, не знающее исключения, гласит: государю, если он сам не обладает мудростью, бесполезно давать благие советы».

И вот эти близкие люди, соратники планировали его то бескровное свержение, то физическое устранение. Некоторые говорят, что он был влюблен во власть. Да грезил ею. Но для чего ему нужна была власть? Он что, набивал карманы? Строил виллы? Заводил гаремы с наложницами? Обедал языками павлинов?..

Жил он скромно. А когда умер, от него не осталось ничего, кроме пары мягких кавказских сапог, аккуратно заштопанных носков экономкой Валечкой Истоминой, шинели и сберкнижки, куда перечислялась его зарплата. Он хотел сделать сильной страну. С предателями безжалостно расправлялся. Думающих только о деле людей ценил, продвигал и награждал.

Сегодня популярность сталинизма и его идей объясняется еще одним фактором — большой несправедливостью в обществе, где олигархи богатея, буквально жиреют, а простые граждане беднеют по разным причинам, зависимым только от правительства, которое надеется исключительно на сырье, налоги, тарифы и штрафы.

А еще Сталин своей главной кадровой задачей считал периодически очищать государственный корабль от ракушек-прилипал и балласта в лице вконец зажиревших и разленившихся соратников. В этой ипостаси он выступал как бульдозер, который большой чисткой сметал «политический мусор» с исторической арены. Он хотел очередной юбилей советской власти встретить в обновленном составе, избавившись от тех, для которых государство не становилось Родиной.

Но Берия и Маленков, действуя на «опережение», быстро «зачищали» пространство вокруг «старика», как его называл Лаврентий Павлович в своей среде, обставляя вождя своими соглядатаями. Сталин не успел «зачистить» их, зато они

«зачистили» его в марте 53-го.

Нет, Е.П. Питовранов не написал мемуаров с оценкой деятельности Сталина, как это сделали те, кто фактически далеки были от него. С одной стороны, Эдвар Радзинский («Сталин») и Олег Хлевнюк («Сталин. Жизнь одного вождя»), а с другой — Игорь Пыхалов («Великий оболганный Вождь. Ложь и правда о Сталине») и Владимир Карпов («Генералиссимус»), показывающие его роль в истории с диаметрально противоположных позиций по сравнению с оценками двух первых. Всего разной категории серьезности и объективности исследований на тему «Сталиниада» в последнее время написано, как утверждают историки, 125 книг. Думается, что больше. И есть уверенность, что интерес к личности советского вождя будет продолжать расти и писать о нем будут другие поколения граждан как в России, так и за рубежом, оценивая без идеологических штампов плюсы и минусы его как живого человека. А чего больше — знает только Бог, а как известно власть Бога, вера в него — не в церкви, а в голове у человека. Во все времена людям хотелось перемен к лучшему, поэтому древние индусы утверждали, что царь — это дерево, возле которого подданные находят тень счастья. Так должно быть! Но…

После Великой Победы 1945 года над фашистской Германией многие генералы и маршалы стремились попасть в политику. Одни становились депутатами Советов областей, союзных республик и даже Верховного Совета СССР. Другие метили выше — имели на это право своими военными заслугами, патриотизмом, жизненным опытом и знаниями. Ведь, правда, некоторые высокие правительственные чиновники были слабее их по упомянутым выше параметрам. Сталин эти тонкие тенденции улавливал и следил за поведением пампасных «дрожжей», особенно после проработки трактатов Никколо Макиавелли об авторитете победных полководцев. Это ему приписывают неординарную мысль:

«Генерал, чье искусство принесло успех и победу государю, приобретает настолько высокое уважение у солдат, народа и противника, что государь должен не просто быть благодарен за победы. Государь должен сам защититься от своего генерала, сторониться его или развенчать его славу».

В справедливости этих слов убеждают судьбы репрессированных и расстрелянных по указанию Сталина перед войной и во время войны советских маршалов. А разве не этими понятиями руководствовались Сталин, Хрущев и в несколько меньшей мере Брежнев по отношению к Георгию Жукову, попавшему в опалу после войны. Правда, Брежнев его уже не

сильно боялся из-за возраста полководца. А первые двое и использовали его в своих целях, и терзали из-за боязни прихода его к вершинам власти.

Таких примеров в истории много. Сюда же можно отнести и судьбу немецкого фельдмаршала Эрвина Роммеля, обстоятельства смерти которого остаются тайной вот уже более 70 лет. Хотя версий много. Приведем одну из них.

Гестапо стало известно о косвенной причастности Роммеля к заговору против Гитлера 20 июля 1944 года. 14 сентября в доме фельдмаршала, окруженном эсэсовцами, появились начальник управления кадрами вермахта, а с 1944 года главный адъютант Гитлера генерал-лейтенант Вильгельм Бургдорф и его заместитель генерал-майор Эрнст Майзель. Они предложили «Лису пустыни» (данное прозвище Роммель получил за победы в Северной Африке) выбор — самоубийство или Народный трибунал.

— Суд!.. — закричал полководец.

— Тогда вся ваша семья предстанет перед судом с конфискацией имущества и проклятьем нацией, — с ухмылкой ответил Бургдорф и продолжил. — Однако, если вы предпочтете самоубийство, вам будут положены пышные государственные похороны плюс безопасность и пенсия жене и сыну. Ради семьи Роммель выбрал смерть. Жене Люси он тихо сказал: «Через четверть часа меня не станет».

Генералы доставили его в госпиталь, где он был отравлен. Официальная причина смерти — кровоизлияние в мозг с остановкой сердца. Гитлер сдержал данное им обещание. Нацисты Роммелю устроили пышные похороны, семью не тронули. Его тело было тут же кремировано, чтобы замести следы убийства. Прах 52-летнего фельдмаршала был предан земле в уголке кладбища деревенской кирхи в Херлингене.

Сталин со временем все подробности убийства Роммеля узнал и запомнил…

Сегодня мы живем в мире более опасном для государства и ее народов, чем в прежние годы, из-за глобального ожесточения, слабости и расчеловечивания общественных начал. Процесс дегуманизации показывает, что цивилизация, израсходовавшая духовность, уничтожает себя в силу появления зла. Оно выражено в погоне за «зеленой» американской бумажкой и материальными благами с любой окраской их получения, вплоть до кровавой. А ведь зло — это наше несовершенство. Лишь доброта и уважительность вместе с отпором зарвавшемуся врагу, когда появляется самый властный зов — зов крови, — это и есть духовная гигиена. Именно ее, к великому сожалению, так не

хватает некоторым нашим некоторым соотечественникам. Она нам сейчас позарез нужна для единства народа, который разрушается длительным цунами, пришедшим в Россию с принципами дикого капитализма: богатеют богатые, беднеют бедные…

Ни за какие деньги в мире нельзя купить жизнь человеческую. И никакими деньгами нельзя искупить дурно проведенную жизнь. Деньги не способны украсить, наполнить и выпрямить жизнь человеческую. Они воюют с душевностью. Душа создана не только для вечных мечтаний. Подобно телу, она должна работать и бороться со злом.

А пока плачь людской — этот звенящий вопль скорби — слышится на всем постсоветском пространстве, особенно на Украине, власть которой англосаксы пытаются использовать в клинче с Россией непозволительными, запрещенными, варварскими приемами. Но некоторые правители не понимают, что они уже давно банкроты.

Да, хорошо быть сильным и иметь власть. Еще лучше отказаться от власти, если знаешь, что это принесет пользу, а не вред стране и ее народу. Но пасторы, когтями вцепившись в политические троны, продолжают размышлять с видом убежденных в божественной непогрешимости своих решений оракулов…

Дальше так продолжаться не должно!

Есть смысл пройтись по «Сталиниаде», которую глубоко знал Евгений Петрович Питовранов, но скромно молчал о многоликом вожде. Какие же были непростительные ошибки у Сталина?

Прежде всего, это массированный удар репрессиями по командному составу, переоценка мощи РККА, уверенность в алогичности Гитлера начать войну под осень, ошибочность тактики, провал под Харьковом, который можно смело поделить между вождем и Тимошенко с Хрущевым. Когда человек становится стар, он думает о земных делах, в том числе и государственных, совсем не так, как в молодые годы. Сталин в годы войны был уже немолодым…

Вопрос о репрессиях является болезненным для нашего общества. В период хрущевского «насморка» псевдоисторики поиздевались над цифрами политических потерь в РККА. Они считали, что репрессии в армии начались с мая 1937 года и продолжались по октябрь 1938-го. За этот короткий по историческим меркам период в армии подверглись репрессиям около 47 тысяч человек, на флоте более трех тысяч. Понятно, что не всех расстреляли или отправили на лесоповал в лагеря. Многие прошли унизительные процедуры разжалования, а потом

безжалостного увольнения из рядов вооруженных сил. Поэтому РККА практически за полтора года жестоко обезглавили. А возрождения из пепла — дело Фениксов, а не павших людей. Понятно, расстрелянных не воскресить. Когда же началась война, разжалованных командиров записывали в рядовые и спешно отправляли на фронт.

В результате «зачисток» в период 1937–1940 год сменились все командующие округов, глубоко освоившие театры возможных боевых действий будущих фронтов, в которые превращались военные округа. На 90 % произошло обновление начальников штабов округов и заместителей командующих. На 80 % обновился командный состав корпусов и дивизий. Видный антисталинист А.Н. Яковлев называл цифру расстрелянных командиров в 70 тысяч, а такие обличители «антиармейского террора» как В.Н. Рапопорт и Ю.А. Геллер подняли его планку до 100 тысяч.

В.С. Коваль пишет, что был уничтожен весь советский офицерский корпус: «Без войны в застенках и лагерях НКВД погиб почти весь великолепный офицерский корпус — становой хребет Красной армии».

Все эти данные ввел в широкий оборот любимец Ельцина, военно-партийный адепт, заслуженный политработник генерал-полковник Д.А. Волкогонов, который при «гаранте Конституции», втершись к нему в доверие, пробрался к важным государственным архивам советской истории. За период работы в архивах у Дмитрия Антоновича, мягко говоря, скопилось большое количество документов по новейшей истории СССР. После смерти Волкогонова его дочь Ольга в 1996 году передала архив отца в Библиотеку Конгресса США, в том числе документы 1967–1995 годов, срок рассекречивания которых не истек. Это был ельцинский беспредел…

Но вернемся к репрессиям.

И возникает вопросы: кто же воевал, оказывая яростное сопротивление врагу? кто организовывал контратаки и даже контрнаступления? кто надломил хребет вермахту уже зимой 1941 года под Москвой? Вопросы, на которые надо отвечать правдиво. То, что репрессии были, сомневаться не приходиться, но не в тех масштабах, какие даются нашими некоторыми «знатоками» истории из стана государственных недоброжелателей.

По рассказам фронтовиков СМЕРШа они фиксировали, когда на место высоких профессионалов командовать частями и даже соединениями прибывали кандидаты из среднего командного состава или гражданские лица, прошедшие краткосрочные курсы переподготовки. (Прочтите книгу фронтовика, военного

контрразведчика Л.Г. Иванова «Правда о СМЕРШе». Там не только его — человеческая правда о военных контрразведчиках, а истина в последней инстанции о военном лихолетий. — *Авт.)*

Репрессии выражались в увольнениях по политическим мотивам, в арестах и вынесении приговоров по сфабрикованным делам. Подавляющее большинство командиров, начальников и политработников, обвиненных в «военно-фашистском заговоре», приговаривались к высшей мере наказания — расстрелу.

Конечно, репрессии ударили прежде всего по верхушке армии, выбили высший руководящий состав. Следует отметить, что сходные процессы «кадрового оздоровления» имели место и в германской армии — вермахте. Достаточно вспомнить «Дело Бломберга — Фрича». И таких дел с такой же кровью было в Третьем рейхе немало.

Второй ошибкой Сталина в отношении Красной армии, которая, как пелось в строевой песне: «От тайги до британских морей Красная армия всех сильней», была переоценка своих сил. Советско-финляндская кампания показала наличие шапкозакидательства у некоторых военных высокого уровня, что влияло и повлияло не только на Кремль, но и на умонастроения Гитлера. После докладов абвера он решил, что РККА не справится с мощью вермахта. Трезвомыслящие командиры из этой категории предупреждали Сталина об опасности такого подхода к войне с «маленьким» северным соседом.

Но в то время большой популярностью пользовались взгляды «рубак и их кавалерийских наскоков»: Ворошилова, Буденного, Кулика, Щаденко и других. В войсках действовал полевой устав 1939 года, требовавший вести войну «наступательно, перенеся ее на территорию противника» и путем достижения «решительной победы малой кровью». Возможно, повлияли и внешнеполитические просчеты советского руководства. У Советского Союза перед нацистской Германией было очень мало союзников — разве что Монголия и несколько стран аналогичного уровня экономического развития.

Когда же Тимошенко и Жуков докладывали о концентрации немецких войск, в том числе пехотных соединений на границе с СССР, танковые были они переброшены за несколько дней и часов перед наступлением, Сталин отмахнулся, заявив:

— У нас дивизий больше, чем у Гитлера.

— Но, товарищ Сталин, по данным нашей разведки, их дивизии укомплектованы и развернуты по штатам военного времени, — заметил Тимошенко.

— Кроме того, каждое соединение вермахта почти вдвое превосходит нашу дивизию по численности, — добавил Жуков.

— Не во всем надо и можно верить разведке, — рубанул Сталин, сверкнув от негодования желтыми прищуренными глазами.

А ведь «разведка доложила точно»: враг по-звериному присел на лапы и приготовился к прыжку. Закордонные разведчики докладывали:

«Военное выступление Германии против СССР является уже решенным вопросом. По мнению германского командования, Красная армия будет в состоянии оказывать сопротивление в течение первых восьми дней, после чего будет полностью разгромлена. Оккупацией Украины немцы предполагают лишить Советский Союз его основной промышленной базы. Затем немцы продвинутся на восток и отторгнут Кавказ от СССР…»

Даже тогда, когда на стол Сталину легло донесение непосредственно от наркома госбезопасности В.Н. Меркулова с приложением агентурного сообщения от офицера люфтваффе обер-лейтенанта Харро Шульце-Бойзен — агента Старшины, о конкретной дате начала войны, вождь взорвался: «Это не источник… Пошлите его к е… матери. Это дезинформация».

В другой раз он повторил Жукову ту же самую мысль иными словами: «Германия по уши увязла в войне на Западе, и, верю, Гитлер не рискнет создавать для себя второй фронт, напав на Советский Союз. Гитлер не такой дурак, чтобы не понять, что Советский Союз — это не Польша, это не Франция и что это даже не Англия и все они вместе взятые…»

Надо учесть такой негатив к разведке у Сталина возник в период с 1936 по 1941 год, когда пять начальников Главного разведывательного управления Генштаба ВС СССР репрессировали и расстреляли: Семен Урицкий, Ян Берзин, Семен Гендин, Иван Проскуров и Александр Орлов. Это обстоятельство серьезно повлияло как на качество разведданных, так и на недоверие к ним со стороны Сталина.

Когда Тимошенко и Жуков в 5:45 утра доложили вождю обстановку, он привстал и недоуменно спросил:

— Не провокация ли это немецких генералов?

— Немцы бомбят наши города на Украине, в Белоруссии и Прибалтике. Какая это провокация? — ответил Тимошенко.

— Если нужно организовать провокацию, то немецкие генералы отбомбят и свои города, — нахмурился Сталин и продолжил: — Гитлер наверняка не знает об этом.

Лишь после формального объявления войны немецким послом Вернером фон дер Шуленбургом его мнение несколько изменилось. Даже на просьбу дать войскам приказ немедленно организовать ответные действия и нанести контрудары по

противнику, он ответил:

— Подождем возвращения Молотова…

Через некоторое время в кабинет быстрой походкой вошел Молотов и с горькой миной на лице скороговоркой произнес:

— Германское правительство объявило нам войну…

Сталин, до этого стоявший с трубкой в руке, молча опустился на стул и глубоко задумался. Все четверо молчали в наступившей длительной, тягостной паузе… Вот почему Директива № 1 СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 года партийным и советским организациям прифронтовых областей о мобилизации всех сил и средств на разгром фашистских захватчиков, исполненная в приказном тоне, требовала обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в тех районах, где они нарушили границу. Однако уже в первые часы войны, несмотря на мужество пограничников, действительно, дравшихся, как львы, было установлено, что части Красной армии просто не готовы к оборонительным действиям.

Результат был ужасен. К полудню 22 июня советская авиация потеряла около 1200 самолетов разной модификации, преимущественно стоящих на полевых аэродромах нередко с не заправленными топливными баками. А в течение первых трех недель западные военные округа лишились до 90 % танков. В июне — сентябре 1941 года Красная армия потеряла более 3 миллионов человек убитыми и пленными. Увы, ушедшие в небытие не возвращаются. Мы их только вспоминаем и то не всех поименно… Правда, сегодня появился «Бессмертный полк», и это здорово для Памяти народной!

Черчилль, получив материалы, потом напишет:

«Сталин и его комиссары показали себя в тот момент Второй мировой войны полностью растяпами».

В данном случае можно согласиться с британским русофобом.

Если в стратегии Сталин оказался силен, то закавык в тактике он обрел немало. Вот одна, которая потянула за собой цепь негативных событий. Она касается стремления Верховного Главнокомандующего до последней возможности удерживать Киев. Когда под Москвой была практически разгромлена группа армий «Центр» под руководством опытного германского военного стратега, командующего генерал-фельдмаршала Федора фон Бока с провалом главного плана Гитлера «Тайфуна» — взятия Белокаменной, у Сталина в «зобу дыханье сперло». Он почувствовал «головокружение от успехов», как при коллективизации.

Под угрозой репрессий и расстрелов он требовал от военачальников Юго-Западного фронта генерал-полковника М.П.

Кирпоноса и его начальника штаба генерал-майора В.И. Туликова «держаться до последнего патрона, до последней капли крови» и отступление считать предательством. Руководителей Юго-Западного направления С.К. Тимошенко и Н.С. Хрущева он тоже не пожелал слушать. А ведь они, правда, с опозданием, докладывали о возможности попадания войск всего фронта в котел.

Так и случилось: противник обошел украинскую столицу и взял оставшиеся войска в клещи. Приказ об отступлении из-за недостатка сил и средств оказался запоздалым. В результате весь Юго-Западный фронт к началу обороны Киева имел в своем составе 667 тысяч человек. После его окружения в сентябре 1941 года на восток вышло всего лишь 150 тысяч военнослужащих…

Недавно автору удалось посмотреть германскую кинохронику по Уманскому котлу, созданному под Уманью в конце июля — начале августа 1941 года, в ходе наступления группы армий «Юг» вермахта на Украине. Это сражение привело к окружению и последующей гибели войск 6-й и 12-й армий Юго-Западного фронта и отдельных частей Южного фронта РККА.

Когда смотришь на широкий многотысячный поток бредущих с поднятыми руками красноармейцев и их командиров, делается не по себе. Вглядываясь в почерневшие лица от лёса пыльных дорог и оружейной копоти наших воинов, понимаешь — не все они возвратятся домой. Многие погибнут в плену, находясь в нечеловеческих условиях. Наверное, среди них были и такие, кто попали в строй по мобилизации без оружия. Все это просчеты и политического, и военного руководства Ставки и командующих 6-й и 12-й армий РККА Юго-Западного фронта.

Съемки фильма ведутся у какой-то украинской деревни, и к нашим солдатам бегут в основном опечаленные смелые женщины. Наверное, они спрашивали у советских бойцов: «На кого вы нас оставляете?» Видно в кинохронике, как некоторые бросают в толпу военнопленных продукты — по всей вероятности, хлеб да картошку в мундирах.

Сколько было еще подобных котлов!!!

Потом в такие же котлы стали все чаще и чаще попадать немцы. Русские медленно запрягают, но зато быстро едут. Эти слова Железного канцлера Германии Отто фон Бисмарка почему-то не дошли до немецких генералов.

Недооценкой сил противника явился и приказ Сталина о наступлении в Крыму. По оценке Ставки и современных экспертов, операция была плохо подготовлена. Несмотря на существенное превосходство Крымского фронта перед гитлеровцами наши войска потерпели крупное поражение. 8 мая

1942 года 11 — я немецкая армия под командованием генерал-полковника Эриха фон Манштейна на Керченском полуострове перешла в наступление и через неделю овладела Керчью. В результате войска Крымского фронта вынуждены был эвакуироваться на Таманский полуостров.

Некоторые соединения не смогли покинуть Крым, заняли Аджимушкайские каменоломни и до конца октября 42-го года вели борьбу с противником, не имея достаточных запасов пищи, воды, медикаментов, оружия и боеприпасов. Общие потери РККА за время десантной операции составили более 300 тысяч человек. Потом пал и Севастополь. За взятие Города советских моряков Гитлер 1 июля 1942 года произвел Манштейна в чин генерала-фельдмаршала.

Когда представитель Ставки на Крымском фронте Лев Захарович Мехлис стал докладывать обстоятельства поражения советских войск, Сталин в сердцах высказался: «Будьте вы прокляты…»

По рассказам бывшего министра здравоохранения СССР Е.И. Смирнова в 1949 году он предложил поставить Мехлиса во главе одной из правительственных комиссий.

Сталин ответил: «Да разве Мехлиса можно назначать на созидательные дела? Вот что-нибудь разрушить, разгромить, уничтожить — для него это подходит».

Но Сталин Мехлиса держал при себе. Большая загадка? — Да!

Стратегическим провалом явилось весеннее наступление 1942 года войск РККА на Харьков. Заверения Тимошенко и Хрущева о том, что они готовы силами Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов в ходе Харьковской наступательной операции освободить вторую столицу Украины и погнать врага на запад, обернулись нашей катастрофой. В приказе Верховного Главнокомандующего № 130 от 1 мая 1942 года говорилось:

«Приказываю всей Красной армии добиться того, чтобы 1942 год стал годом окончательного разгрома немецко-фашистских войск и освобождения советской земли от гитлеровских мерзавцев».

Против советских трех фронтов противостояли войска группы армий «Юг» под общим командованием фельдмаршала Федора фон Бока в составе: 6-я полевая армия — Паулюса, 17-я — Гота и 1-я танковая армия — Клейста. Анализ обстановки показывал, что перевес в силах был на стороне немцев. Сталину докладывали о неготовности широкомасштабного контрнаступлении начальник Генштаба Василевский и командующий фронтом Жуков. Руководитель Госплана Вознесенский отмечал отсутствие для такой крупной наступательной операции материально-

технических средств. Но из-за упрямства Сталина войска РККА все же двинулись в наступление. При отсутствии резервов и неправильного расположения войск операция провалилась. В результате около 20 дивизий попало в окружение вместе с боевой техникой и вооружением. В конце концов фронт под Харьковом был прорван, и оттуда на Сталинград хлынула 6-я армия Паулюса, создав критическое положение для безопасности страны.

Правда, волей и мужеством солдат и командиров Сталинград был удержан. Войска вермахта пришли к волжской твердыни, чтобы через несколько месяцев попасть в окружение советских фронтов и погибнуть. Это тоже был котел, но теперь только для немцев.

Именно после разгрома нашей группировки под Харьковом был издан знаменитый приказ № 227 «О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций. Он еще известен фронтовикам как приказ под названием «Ни шагу назад!». После этого грозного рескрипта появились штрафные батальоны в составе фронтов, штрафные роты в составе армий, а также заградительные отряды.

Сталинградское сражение в ходе проведения операций «Уран» и «Кольцо» с участием войск Сталинградского и Донского и других вспомогательных фронтов завершилось исторической победой, переломившей весь ход войны. Теперь войска медленно, но упрямо стали двигаться на запад по мере оборонительного сопротивления противника…

Как известно, в результате разгрома фашистской Германии, на обломках Третьего рейха были созданы четыре оккупационные зоны, которые контролировали страны-победительницы — СССР, США, Великобритания и Франция. Берлин как столица государства был наделен особым политическим статусом. И именно здесь в марте 1948 года схлестнулись два мира, две социально противоположных системы, два грозных вала зарождающейся холодной войны. Союзники, особенно янки, предлагали разные проекты переустройства послевоенной Германии, вплоть до кастрации населения. Так, министр финансов США Генри Моргентау еще в августе 1944 года предложил план разделения Германии на части с существенным сокращением населения. Президент Рузвельт, приветствуя эти предложения, заявил: *«Нам следует быть жесткими с Германией — я имею в виду немецкий народ. А не только нацистов. Нужно либо кастрировать немцев, либо обращаться с ними так, чтобы они не могли воспроизводить потомство, которое захочет вести*

себя так, как они вели себя в прошлом».

На этом фоне Советский Союз смотрелся наиболее цивилизованней.

Самой проблемной зоной был Западный Берлин — анклав на территории советской зоны оккупации. Весной 1948 года союзники решили провести в Западном Берлине денежную реформ при игнорировании интересов СССР. Границы зон в городе не были государственными и жители свободно перемещались в любую сторону. Понимая, что реформа — грабеж, немцы начали тратить свои сбережения там, где старые деньги еще действовали — в советской зоне Берлина. Таким образом через некоторое время в Восточном Берлине наступил хаос. Жители западной части города сметали с полок магазинов все, что на них лежало. Для Советского Союза это грозило катастрофой. Сталин приказал блокировать, оградить Берлин.

Американский президент Гарри Трумэн заявил, что США не покинут Западный Берлин. И теперь вместо бомб янки решили сбрасывать с самолетов тюки с продовольствием для немцев западной части города. Чем не реклама заботы о людях?! Больше того, они приватизировали в Западном Берлине склады с двухмесячными запасами провизии и кормили ими немцев, не афишируя, что «сало они русское едят». Для детей они сбрасывали сладости. Пролетающие такие самолеты немцы называли «изюмными бомбардировщиками».

Русский солдат, недавно кормивший немцев из полевых кухней борщами и кашей, теперь предстал в образе душителя свободы, жаждущий уморить город голодом. Кремль пошел на попятную. Стали массово завозить продукты, уголь, дрова. Детям стали выдавать молоко. Но пресса Запада и германские газеты называли эту помощь блефом. 12 мая 1949 года СССР прекратил блокаду Берлина. Благородная задача советской стороны была подмочена. Потерпел Сталин неудачу и на пропагандистском фронте, а престиж США вырос. Миллионы немцев теперь воспринимали Америку как защитницу от советской экспансии. Вот так и пошло гулять по миру — «Сталин потерпел поражение после победы».

Это все ляпы, допущенные и партийно-политической элитой, и полководцами РККА, и самим Сталиным свидетельствовали о торопливости и спешке в больших и важных делах.

Чем же Сталин выделился?

Почему он засиял на фоне войны, хотя и не был великим полководцем? Ответ один — он был личностью! Организаторский талант и незаурядное упорство, помноженное на стойкость, преодолевали все трудности и преграды. Он был харизматической

личностью, которую Хрущев назовет «культом личности». А вот самолюбование властелина страшнее культа, к сожалению, не убиенное до сих пор. Это удел не личностей, а толпы, делающей из посредственности королей. Великая личность заявляет о себе масштабностью планов и их четкой реализацией, то есть результатом. Слабая — самолюбованием.

Главной особенностью Сталина в роли Вождя и Верховного Главнокомандующего было то, что он сплотил советский народ в годы тяжелейшей войны и поднял его на борьбу с немецко-фашистскими поработителями. Его выступление по радио 3 июля 1941 года практически оформило реакцию граждан Советской России на факт начала войны с агрессивной Германией в конструктивном ключе. Речь наметила новые ориентиры пропагандистской и агитационной работы в годы военного лихолетья. Именно после того обращения в оборот вошло словосочетание «Великая Отечественная война».

Сталин, несмотря на всю его достаточно жесткую, если не сказать жестокую политику в отношении религии, церкви и священников обратился:

«Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!..»

В этих словах заложен огромный смысл, так как они обращены к сердцу народа, людской душе, истории и корням страны с показом трагизма положения и необходимости мобилизационных начал. Стойкость его заключалась в том, что он не поддался панике и не эвакуировался в Куйбышев. Он оставался в Москве и даже 7 ноября 1941 года провел парад на Красной площади. На алтарь победы принес личную жертву — своего сына Якова Джугашвили. Его фраза: «Я солдата на фельдмаршалов не меняю», — крайне жестка и даже жестока в родительском понимании, но у народа лишний раз вызывала уважение к Верховному Главнокомандующему. Была ли эта фраза или нет, знает только Лета, куда она унеслась. Говорят, была — поверим и мы!

Поэтому сегодняшние либералы лукавят, что солдаты и командиры не поднимались в атаку с криком «Ура! За Родину, за Сталина!». — Поднимались! Об этом свидетельствуют ветераны войны, далекие от политики…

Сталин слыл прекрасным управленцем. Его организаторский талант замечали многие руководители других стран, в первую очередь союзнических — США, Англии и Франции. Особенно удивлялся президент США Рузвельт, впервые встретившись с ним в Тегеране в 1943 году на Международной конференции глав «Большой тройки». Возглавив Государственный комитет обороны

(ГКО) на второй месяц после начала воины, он взвалил на свои плечи всю массу проблематики войны и оборонной промышленности. Система руководства страной в форс-мажорной обстановке работала по нарастающей четко и продуктивно.

Когда возникла критическая ситуация под Москвой и враг, приблизившись в некоторых местах до 30 километров, сверлил советскую столицу окулярами биноклей с хваленной цейсовской оптикой, Сталин взял на себя организацию отпора врагу и порядка в Москве. С Дальнего Востока перебрасывались резервы с живой силой, так называемые «сибирские дивизии». С Урала нескончаемым потоком шли эшелоны с новой боевой техникой, вооружением и боеприпасами. А в обратном направлении текли составы с ранеными, которых надо было размещать в госпиталях, лечить и восстанавливать для дальнейшего труда или снова ратного дела. Фронты отправляли на заводы подбитую технику для ее быстрого восстановления и повторного использования в боях с противником.

Многие ветераны отмечали: складывалось впечатление, что во время войны государственная система работала на порядок лучше, чем сейчас, в мирное время. Наверное, так должно и быть, но только при думающем и смелом организаторе дел государственных.

Оперативное перемещение с мест возможного захвата противников и даже прифронтовых зон промышленных объектов — заводов, фабрик и других промышленных предприятий и передислокация их в Поволжье, на Урал и в Сибирь. Сегодня для нас этот процесс выглядит как настоящая фантастика. Отмечались случаи, когда почти из-под носа у врага, уходили эшелоны с демонтированным промышленным оборудованием. Приходится только диву даваться, как быстро разворачивались, нередко под открытым небом, заводские цеха, возобновляющие производство оборонной продукции. При этом создавались новые образцы, разработка которых конструкторами возникала чуть ли не в теплушках. Замечено, что интересные идеи рождаются быстрее «в сложных бытовых условиях».

Только с июля по декабрь 1941 года на восток было эвакуировано 2593 предприятий, в том числе 1523 крупных.

А за период 1942–1943 годов в восточных районах Советского Союза было вновь построено 2250 заводов и восстановлено на освобожденных территориях свыше 6000 промышленных предприятий. Масштабы! И какие!!!

Один из гитлеровских генералов признавался, что начиная с 1943 года Красная армия их задавила танками, и это при страшных потерях своей бронетехники: за годы войны РККА

потеряла около 100 тысяч танков.

Сталин понимал, что экономика, промышленное производство — это мотор войны и вообще цивилизованного государства, руководители которого обязаны именно таким образом заботиться о благосостоянии и безопасности своего народа: экономика превыше всего!..

Надо было спешить, потому что на Гитлера работала почти вся промышленность Европы, да и Германия была мировым производственным флагманом в то время.

Интересная деталь: Гитлер начал войну станковым парком в 3500 единиц. Красная армия закончила ее с фантастической цифрой — 35 000 броневых машин. Это ли не потенциальные возможности Советской России в дни трагедии и триумфа?! Как нам сегодня не хватает того сталинского драйва…

Наверное, вертикаль власти хороша только при мудром и здоровом человеке, а когда он исчезает — все мы смертны, и на смену ему может прийти человек трусливый, амбиционный, алчный… В таких условиях государство не выдержит, и вертикаль ломается. Горбачев и Ельцин тому доказательство. Гении в России не стояли в очередь.

После октябрьских событий 1917 года на Советскую Россию обрушился вал идеологической неприязни со стороны англосаксов — США и Великобритании. Во время нападения нацистской Германии на СССР эти страны стали союзниками и организовали антигитлеровскую коалицию.

На встречах «Большой тройки» в период проведения международных Тегеранской и Ялтинской конференций Сталин показал себя как твердый и жесткий дипломат. По мнению А.И. Микояна, огромная заслуга Сталина состоит в организации системы ленд-лиза — налаживании экономической, социальной и военной помощи со стороны США.

Соглашение с Советским Союзом о поставках по ленд-лизу США подписали официально 11 июня 1942 года, а фактически поставки осуществлялись с ноября 1941 года.

Автор помнит, как отец, паровозный машинист, сразу после войны приносил картонные коробки с продовольствием. В них были — запечалились в памяти и лежат там до сих пор: рыбные консервы, тушенка, галеты и искусственный в баночках мед. Получается, даже работникам железнодорожного депо городка Сарны, затерявшегося в глухомани украинского Полесья, власть не забывала отправлять продукты, приходящие из США по ленд-лизу.

На Тегеранской конференции Верховный Главнокомандующий Красной армии буквально своим

авторитетом заставил союзников открыть второй фронт, хотя Черчилль и противился это делать — все еще надеялся, кого надо будет добивать в клинче Германия — СССР.

Именно с планом Сталина о послевоенном разделении Европы были вынуждены согласиться западные лидеры. На международных встречах, в присутствии Сталина, были заложены основы биполярного мирового устройства, которое было разрушено в 80-е и 90-е годы прошлого века.

Из уважения к Сталину и в сложившейся сложной оперативной обстановке по рекомендации советского лидера Рузвельт обосновался на территории советского, а не английского посольства в Тегеране. Его чистосердечные признания уже в США подчеркивали высочайшие параметры личности советского руководителя.

Черчилль тоже признавал силу личности Сталина: *«Меня, аристократа, как пружина поднимала из кресла, когда в зал заходил Сталин. Мало того, я вставал навытяжку, как ученик, и держал руки по швам».*

Где можно сегодня найти в мире такого авторитетного руководителя страны, чтобы при его появлении вставал лидер другой страны? Его нет — мельчает народ…

Хрущев, оценивая полководческий опыт Сталина в годы войны, издевательски замечал, что «вождь воевал по глобусу». Но есть другие мнения, более объективные и правдоподобные.

8 августа 1941 года Иосиф Виссарионович Сталин был назначен Верховным Главнокомандующим Вооруженными силами СССР. По оценке маршалов Советского Союза А.М. Василевского и Г.К. Жукова, Сталину понадобилось около полутора лет, чтобы овладеть принципами организации фронтовых операций. Многие военачальники отмечали, что эти способности Верховного Главнокомандующего раскрылись в ходе проведения Сталинградской битвы. После этого РККА гнала гитлеровцев до самого Берлина и заставила их капитулировать. Десять сталинских ударов, развенчанных Хрущевым, наверное, хоть в каком-то соотношении имеют право на существование? Думается — ДА!

А.М. Василевский писал, что в планировании всех победных операций — Курской битвы, форсировании Днепра, освобождении Киева и Украины, Крыма, Белоруссии и Польши и, наконец, взятии Берлина — Сталин принимал самое непосредственное участие. Он мог при обсуждении планов командования находить ту золотую середину, которая определяла верную стратегию, приводившую к победе. Тактику он оставлял командирам разных уровней.

А еще он проявлял способность доверять профессионалам, специалистам, крупным знатокам своего дела, а не полагаться на свое «единственно верное» мнение.

Вернемся еще раз к русофобу Черчиллю:

«Большим счастьем было для России, что в годы тяжелейших испытаний страну возглавил гений и непоколебимый полководец Сталин.

Он был самой выдающейся личностью, импонирующей нашему изменчивому и жестокому времени того периода, в котором проходила вся его жизнь».

А Герберт Уэллс заметил: *«…Я никогда не встречал человека более искреннего, порядочного и честного; в нем нет ничего темного и зловещего, и именно этими его качествами следует объяснить его огромную власть в России».*

Об этих взлетах и падениях, сильных и слабых сторонах живого харизматичного Сталина по определению мог знать, а больше есть уверенность, что наверняка знал и Евгений Петрович Питовранов.

Как говорится, жизнь — это вопрос времени. А еще «жизнь — вещь грубая, — как писал Сенека. — Ты вышел в долгий путь, — значит, где-нибудь и поскользнешься, и получишь пинок, и упадешь, и устанешь, и воскликнешь “умереть бы!" — и, стало быть, солжешь». Сталин не хотел уходить ни с высокого поста вождя сверхдержавы, ни из жизни. Он за страну боролся. Как? Ответы в этой главе и в голове каждого читателя.

Но случилось то, что случилось: саркофаг с мумией второго советского вождя стоял у мавзолея 9 марта 1953 года.

На мавзолее толпились, перешептываясь, экзальтированные полярными впечатлениями, желавшие уже несколько последних лет его скорейшего ухода с политического подиума. Толпились его еще живые соратники: Маленков — в ушанке, Хрущев — в папахе пирожком, Берия — в широкополой шляпе, надвинутой почти до носа так, что пенсне можно было увидеть только тогда, когда он поднимал голову. Они лихорадочно думали о новых прыжках во власть и славили без глубокого соболезнования убиенного бога. Только они знали о том, как он ушел из жизни.

Во время похорон отца генерал-лейтенант авиации Василий Сталин уже не был командующим ВВС Московского военного округа, а являлся слушателем Академии Генерального штаба. Туда его отправил учиться отец. Так вот Василий был не в себе, плакал навзрыд и упорно твердил, что отца отравили.

После похорон вождя «соратники» отца установили «жучки» в квартире его сына — Василия Сталина. Через три недели после смерти отца генерал-лейтенант авиации Василий Сталин был

уволен из армии без права ношения военной формы. Еще через месяц его арестовали. Из тюрьмы он вышел в 1961 году совершенно больным и высохшим. Вышел, чтобы тоже в марте — 19 марта 1962 года умереть. Но это уже другая история…

Снова четвертое…

В искусстве превзойти великих
можно только с их помощью.

Федор Абрамов

В 1957 году генерал И.А. Серов, фаворит Никиты Хрущева по совместной работе на Украине и первый председатель КГБ при СМ СССР, отзывает генерал-лейтенанта Евгения Петровича Питовранова в Москву.

С 1957 по 1960 год он снова руководит деятельностью Четвертого Управления КГБ при СМ СССР, которое занималось организацией борьбы с антисоветскими элементами. По рассказам ветеранов Лубянки его поставили на этот участок с пониманием личности кандидата, что именно он в достаточно щепетильном деле не наломает дров в силу своего опыта, выдержки, образованности, воспитанности и законопослушности.

Но есть и другая версия: его недоброжелатели со Старой площади и некоторые высокие завистники Лубянки решили, что он непременно споткнется на этом неблагодарном и исторически скользком поприще. Так было или не так, знают лишь очевидцы. Как говаривал наш гений А.С. Пушкин: «Иных уж нет; а те далече…»

Но он не споткнулся — выдержал экзамен временем, которое было крайне суровым к оперативным работникам. Именно их постепенно присваивала себе совсем не партия, их подтягивали к себе партийные функционеры.

А скажите, мои коллеги, когда оно, время этой самой борьбы на незримых фронтах, было для чекистов-коммунистов, ставших «вооруженным отрядом партии», иным? Оно всегда сопровождало оперативников сложностями разного уровня и содержания.

Надо отметить, что задачи управления наполовину сузились по сравнению с теми, которые были определены приказом КГБ № 0036 от 30 марта 1954 года. Тогда в управлении функционировало десять оперативных отделов. В 1959 году их осталось всего шесть, и они занимались проблемами борьбы с антисоветским подпольем, буржуазными националистами, духовенством, антисоветскими листовками и анонимками, Четвертым управлением Минздрава СССР и кураторством территориальных органов по всем этим вопросам.

В год приема очередной должности Е.П. Питоврановым

произошел ряд знаменательных событий в Советском Союзе и в мире. Началось освоение космического пространства. 4 октября 1957 года в СССР был произведен запуск первого в мире искусственного спутника Земли — Советский Союз опередил тогда США. В этом же году правительство повысило зарплаты низкооплачиваемым категориям трудящихся, отменило налоги со стипендий и с минимальных зарплат.

17 января на Кубе повстанцы во главе с Фиделем Кастро совершили первую после высадки с яхты «Гранма» боевую операцию против правительственной армии. Произошло нападение на казарму в Ла-Плате, положившее основу Кубинской революции. Она пришла на Кубу только 1 января 1959 года.

29 июня 1957 года завершился пленум ЦК КПСС, принявший решение о смещении с партийных и государственных постов «антипартийной группы Маленкова, Кагановича, Молотова и примкнувшего к ним Шепилова», которые пытались устроить внутрипартийный переворот, сместив Н.С. Хрущева с должности Первого секретаря ЦК КПСС. Хрущева обвиняли в непоследовательности, волюнтаризме, хаосе в промышленности и сельском хозяйстве. К этому времени высшее советское руководство было уже на грани раскола.

Маленков на заседании Президиума ЦК КПСС 18 июня 1957 года прямо высказался по поводу сторонников Хрущева: «Если мы их не уберем сейчас, тогда они уберут нас». Но на стороне Хрущева оказались Кириченко, Микоян, Суслов и другие.

Председатель КГБ Серов выделил самолеты для доставки в Москву на пленум секретарей обкомов, лояльных Хрущеву. На сторону Хрущева встал и Жуков, зачитавший документ о том, что Молотов, Каганович и Маленков были «главными виновниками арестов и расстрелов партийных и советских кадров».

Каганович вспылил и, обращаясь к Хрущеву, со злостью спросил: «Говорить надо обо всех членах Политбюро, а вы разве не подписывали бумаг о расстреле на Украине?»

Последний, весь покрасневший до ушей, ушел от ответа, ибо отрицать было глупо и опасно на таком высоком сборе.

Таким образом, на пленуме были выведены из состава ЦК КПСС Молотов, Каганович, Маленков, Ворошилов, Булганин, Первухин, Сабуров и примкнувший к ним Шепилов. В 1962 году их всех исключили из партии.

Однако борьба против неудачного экспериментатора и прожектера продолжалась до 1964 года, когда, наконец-то, он был отстранен от штурвала державного, посадившего корабль под названием «Советский Союз» на такую мель, что затрещали внутри громадного судна трюмные и палубные перегородки.

Е.П. Питовранову пришлось заниматься с нашумевшим делом — чрезвычайным происшествием в городе Подольске Московской области. 10–11 июня 1957 года группа пьяных хулиганов распространила провокационные слухи о том, что работники милиции якобы убили задержанного шофера за совершенное им какое-то незначительное правонарушение. Слухи быстро распространялись, собрав трехтысячную толпу поверивших им возбужденных граждан.

По данным источников Четвертого управления, Е.П. Питовранов быстро установил зачинщиков. В докладной записке председателю КГБ СССР фигурировало девять подстрекателей. После следствия по суду они были приговорены к разным срокам уголовного наказания.

Аналогичных событий на территории СССР, которыми надо было заниматься этим управлением, в тот период было немало — народ в глубинке бунтовал по разным причинам, в основном социального порядка.

Служба Е.П. Питовранова по руководству Четвертым Управлением совпала с принятием семилетнего плана развития народного хозяйства. За семь лет СССР должен был произвести столько же, сколько за предшествующие сорок лет. В этот размах верил, наверное, только сам фантазер и его приспешники.

В конце 1962 года Хрущев объявил, что всего за четыре года под его руководством создан промышленный потенциал, превышающий все, что было построено за предвоенные пятилетки. Это был элементарный блеф слабого и недалекого политика. Преемник Никиты Хрущева Леонид Брежнев заметил, что это были хвастовство и обман народа, отражение волюнтаризма и гигантомании его предшественника: «ставились цели, которые превосходили возможности страны».

Суждение Леонида Брежнева сурово, но оно основано на более точном анализе, который провели объективные экономисты. Не впервые не только цели плана, но и его реализация оказывались преувеличенными. Вранье со времен фаворита Екатерины Великой Потемкина не изжито до сих пор. Вранье, как и ворье, крепко вцепилось в чиновничьи пиджаки.

Кстати, один иностранный наблюдатель проницательно заметил: «Хрущев — человек большой интуиции, и он так ясно видит свои способности, что порой переоценивает их». Так и случилось…

Стоило ему стать новым хозяином Кремля, как «культовая» болезнь появилась и у него. Причем развивалась с такой быстротой, что он стал небезопасным для государства и мог пойти на жестокие меры по подавлению недовольства отдельных

граждан жизнью. Что такое репрессии, он знал не понаслышке и поднаторел в их организации…

Страна стонала от произвола волюнтариста. Никита Сергеевич очень гордился своим крестьянским происхождением и тем, что с малых лет он трудился на шахте и на заводе. Однако среди высшего руководства СССР ходили слухи, что Хрущев на самом деле происходит из класса эксплуататоров и имеет польские корни. В 1938–1939 годах глава НКВД Берия проводил зачистку партийного и силового аппарата от людей, которых поддерживал репрессированный Ежов. Под «прицел» всесильного наркома попало и высшее руководство УССР, где первым секретарем был Никита Сергеевич Хрущев.

Для разработки Хрущева и других партийных руководителей Берия отправил группу оперативников на его родину в село Калиновка Курской области. Оказалось, что своего земляка местные жители называют не сыном бедного крестьянина, а незаконнорожденным ребенком польского помещика Александра Гасвицкого. Мать Никиты Сергеевича работала у него домработницей, а сам поляк от своего ребенка не отказывался. В 1914 году Гасвицкий откупил сына от армии и отправил с рекомендательным письмом в Юзовку (Донецк) к своему старому другу немецкому промышленнику Киршу. Хрущев утверждал, что работал шахтером. Однако, как следует из известной записки Молотова о том, что им так и не удалось разыскать шахту, в которой тот трудился. На самом деле, будущий руководитель СССР работал у Кирша управляющим поместья и к рабочему классу отношения не имел.

Бывший работник КГБ СССР Н.А. Зенькович утверждал, что Сталин знал об истинном происхождении Хрущева, который всю жизнь притворялся «деревенским дурачком». О польском происхождении Никиты Сергеевича также знали Ежов и председатель Совета Министров Г.М. Маленков.

Выходит только Сталин честно изложил свою автобиографию, у остальных правителей Советского Союза и России обнаруживались отдельные недомолвки, иногда существенные, что вызывало к ним недоверие.

А еще в воспоминаниях матери вождя Екатерины Джугашвили, записанные в 1935 году, можно, пожалуй, считать самыми достоверными сведениями о сыне. В одном из них она писала:

«Помню, во время приезда на Рождество он привез мне горсть сахара из своего семинарского пайка. В первые приезды сын оставался таким же ласковым и внимательным, как и в детстве. Но спустя какое-то время… начал сторониться меня. Вокруг меня

шептались, ничего не договаривая конкретно, но в конце концов сказали: "Сосо стал бунтовщиком". Я пришла в ужас. Я тайно верила, что мой сын будет епископом. Быстро собралась и выехала в Тбилиси. Сын встретил меня сердито. Тебя, мол, не касается, что я делаю. Это была первая грубость, которую он позволил по отношению ко мне».

Что ж, человека лепит среда, в которую он попадает. Она, как вихрь, подхватывает «гомо сапиенса» и делает из него совсем не похожего на того, каким он был в детстве при родителях или каким хотел стать с детства.

А еще годы пребывания Е.П. Питовранова в руководстве Четвертого управления были обозначены показатели выполнения заданий Шестого пятилетнего плана (1956–1960). Согласно отчетам тех лет, национальный доход вырос почти в полтора раза, количество сельскохозяйственной продукции увеличился на 32 %, а промышленной — на 64 %. Кроме того, были введены в рабочую эксплуатацию Куйбышевская, Горьковская, Волгоградская и Иркутская ГЭС, а в Иваново заработало самое крупное в Европе предприятие легкой промышленности — Камвольный комбинат. Но все эти достижения стояли на фундаменте сталинской эпохи. Парадигмой же всех этих удач и идей в промышленном строительстве была экономика предвоенных лет, работающая еще продуктивно и слаженно даже в те годы. Действительно, стены новостроек ставились на сваях конца 40-х — начала 50-х годов.

Знаковым событием в СССР 1957 года стало открытие VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов, проходившего в Москве с 28 июля по 11 августа. Его символом решено было сделать Голубя мира, которого придумал художник Пабло Пикассо.

Чем больше Евгений Петрович врастал в обстановку и понимал характер нового руководства страны, тем глубже убеждался в разности стиля не только разговоров, но и действий двух хозяев Кремля. Сталин и Хрущев в его понимании были явными антиподами. Эти две личности, как писал Джузеппе Боффа, были очень разными: Хрущев не приобрел черт харизматического вождя, никогда не окружал себя тем ореолом таинства и легенды, которые так необходимы тем, кто стремится к подобной роли.

Стране, привыкшей к немногословному вождю, роняющему с заоблачной высоты точно отмеренными дозами откровения, он предложил противоположный, повергающий в смущение стиль поведения: вкус к резкой полемике, ведению борьбы в рукопашную, прямым столкновением с людьми. Он выступал с

импровизированными речами в народном стиле, вдохновляясь порывистой горячностью и не пренебрегая выверенными и точно рассчитанными шутовскими приемами. В этом весь смысл правления Хрущева.

Скоро, в 1958 году, Серов возглавил Главное разведывательное управление Генштаба ВС СССР. Вместо Ивана Александровича Серова Никита Хрущев назначил амбициозного в прошлом комсомольского функционера Александра Николаевича Шелепина. Надо признать, что более далекого от чекистской практики человека представить любому сотруднику органов госбезопасности было трудно.

Он, прозванный Железным Шуриком, безголово, безграмотно, чохом снова стал шерстить разведывательные и контрразведывательные органы государства, находившегося уже тогда в удушающих объятиях холодной войны. Шелепин с беспощадной непродуманностью сокращал и понижал статусную структуру этих подразделений. Из управлений делал отделы, отделы превращались в отделения. Генеральские должности понижал до полковничьих.

Многие ветераны той поры говорили так: «наломал он дровишек в области той профессии, в которой не разбирался, являясь круглым дилетантом». Вскоре бразды правления он передал своему соратнику по боевому комсомолу товарищу Владимиру Ефимовичу Семичастному, который руководил КГБ СССР с 1961 по 1967 год. К нему у коллег автора тоже в разные годы его правления возникали вопросы, на которые высшее партийное руководство не реагировало.

Помнится, уважаемый в коллективе начальник отделения 1-го отдела 3-го Главка подполковник Николай Петрович Петриченко резко, примерно так высказался по поводу Семичастного: «Как могло случиться, что восемнадцатилетний юноша увильнул от службы в армии и отправил себя не на пылающий фронт, в окопы, на передовую драться с опаснейшим врагом Отчизны, как это делали многие юноши и девушки по призыву и добровольно. Многие делали себя старше, приписывая годы, чтобы военкомат мог направить их на фронт в действующую армию. А он легко укатил в эвакуацию. Сначала выехал в Махачкалу, а потом в Астрахань, Челябинск, Кемерово, где руководил комсомолией разных уровней…» Спустя много лет автору удалось найти его дальнейшие следы.

После освобождения Донбасса в 1943 году, когда война была в высшей точке кипения, Владимир Ефимович становится завотделом, вторым и первым секретарем Сталинского (Донецкого) обкома комсомола. И вот Хрущев в борьбе с

органами и, боясь разглашения его недавней бурной деятельности на почве борьбы с «врагами народа», решил в очередной раз «окомсомолить» органы госбезопасности, которые были основными держателями тайн в области репрессий. Продолжалась борьба с прошлым исключительно через процесс десталинизации с проведением одновременно жестоких ударов по инакомыслию. Но прошлое — это чужая страна, там все по-другому, но которое изменить невозможно. Оно всегда было застывшим слепком времени. И в этом былом существовали события, в которых участвовал человек или нет.

Хрущев и новый председатель КГБ СССР вещали, что ржавое наследие прошлого надо вычищать: убивать на корню, корчевать, уничтожать. И уничтожали не прошлое, а убирали свои росчерки пера под расстрельными списками, эпизоды действий, оставшиеся на бумаге, из-за которых стыдно и страшно. Метод один — чистка своих архивов за время работы в партийных организациях Украины и Москвы. Об этих фактах писалось много и метко в статьях и книгах знающими людьми этих поводырей. Эти материалы можно найти в Интернете.

У главного комсомольца страны Семичастного, перед его назначением на высокий чекистский пост, был тоже ряд сомнительных в порядочности «достижений». Так, 30 октября 1958 года будущий «полководец» госбезопасности, а пока «румяный комсомольский вождь» Семичастный в докладе на пленуме ЦК ВЛКСМ выступил с речью, в которой сравнил признанного поэта, писателя и переводчика, лауреата Нобелевской премии Бориса Леонидовича Пастернака со свиньей: *«Иногда мы, кстати, совершенно незаслуженно, говорим о свинье, что она такая, сякая и прочее. Я должен вам сказать, что это наветы на свинью. Свинья — все люди, которые имеют дело с этими животными, знают особенности свиньи, — она никогда не гадит там, где кушает, никогда не гадит там, где спит. Поэтому если сравнить Пастернака со свиньей, то свинья не сделает того, что он сделал».*

Это был период, когда после смерти Сталина, с появлением ядерного оружия в СССР и стремительного научного разбега в сторону прыжка к высотам построения ракетных носителей для атомных зарядов, менялся миропорядок. Хотя США и считали себя единственной сверхдержавой, способной одной диктовать волю другим государствам, Советский Союз уже был не тем, каким вышел из войны — обгорелым, обессиленным, голодным и холодным.

Природа словно издевалась: помнятся автору суровые зимы конца 40-х роковых и начала 50-х, когда люди ждали обещанную

лучшую жизнь, — морозы шпарили под сорок градусов и выше. В школы ученики, под общее ликование, не ходили, зато с удовольствием занимались своими делами: и на коньках бегали, и на лыжах ходили, и так бродили по заснеженному бездорожью.

Взаимоотношения с американцами, особенно в политике через нашу дипломатию, несмотря на активизацию деятельности ЦРУ, постепенно выправлялись. Надежды народов всего мира лежали на понимании мощи двух держав с противоположными политико-экономическими системами. Именно в это время новый министр иностранных дел СССР А.А. Громыко отметил важность двусторонних переговоров: *«Ведь если бы эти две державы объединили свои усилия в деле обеспечения мира, то кто бы посмел… нарушить его? Ничто. В мире нет больше подобной силы».*

Он был стопроцентно прав. Но англосаксонским пуританам мешали не столько социализм и возможность его бурного развития и такого же распространения, сколько богатая природными ресурсами страна. Она им нужна была без людей. Это потом, с приходом маразматических и амбициозных, но недалеких политиканов Горбачева и Ельцина и их команд, в которых прижилась и стайка мракобесов, уверовавших, что они смогут либеральной демократией, гласностью, свободами, конкуренцией поднять авторитет и экономику страны. Но все эти призывы оказались миражами, мнимыми горизонтами. Вместо всего лукаво обещанного они разрушили промышленное производство, нанесли непоправимый урон Армии и Флоту и, в конце концов, развалили под «добрые советы» Дяди Сэма огромную страну, разорвав ее на кровоточащие до сих пор куски.

Появились вороватые чиновники, откровенные бандиты, жадные капиталисты переходного периода в России из категории «новых русских», ставших со временем жадными олигархами. Саввы Морозова в плане меценатства из них практически не получилось — грустно констатировать, у нищего, но сердобольного народа просят деньги на лечение детей за границей.

Стратегия продажи на Запад энергоресурсов привела к обогащению отечественных торгашей, обнищанию рабочего класса и развалу промышленной составляющей — основы любого цивилизованного государства. Мы перестали производить отечественные машины и станки, качественные автомобили и пассажирские самолеты, бытовую технику и даже саморезы, которые поставляют нам сегодня из Китая и Таиланда. А у сырьевых отечественных дырок-скважин появились в качестве акционеров иностранцы, которые ополовинивали прибыль,

обирая доходы России, которые могли быть использованы для затыкания социальных дыр.

Забросили процесс развития отечественной электроники, сельское хозяйство, машиностроение и стали все покупать за границей, в том числе медикаменты и продовольствие. Это явление окрестили люди наличием «дикого капитализма» в России. И люди стали вымирать по миллиону в год явно из-за подрыва продовольственной и фармацевтической безопасности.

Однако пока вернемся к концу 50-х.

В сентябре 1959 года в развитие этих тенденций состоялся визит Хрущева в США. Янки были потрясены масштабами и бурным развитием в Советском Союзе ядерных испытаний, появлением объектов на основе использования атомной энергетики, запуском искусственного спутника Земли. В Америке пробивало дорогу понимание, что к советскому противнику надо подходить несколько по-другому, потому что он уже не тот, что был в конце сороковых. Военные бицепсы просматривались рельефно накачанными. И все же Хрущев и советская делегация встретили вполне корректный, но не сердечный прием. Думается, на теплый прием россиян они не способны, потому что главное для них — прибыль в денежном выражении, а не порядочность и дружба. Ведь недавно были союзниками — все забылось в одно мгновение после 45-го победного года.

И, действительно, иллюзиям от визита в США неожиданно положил конец инцидент со сбитым над Уралом 1 мая 1960 года американским самолетом-разведчиком типа «"Локхид" У-2». Он летел на недоступной тогда для наших истребителей высоте с целью фотографирования советских военных объектов и был сбит отечественной ракетой, стоящей на вооружении в одной из частей ПВО на Урале. Пилот был захвачен живым. В руки технических служб органов Комитета госбезопасности СССР попала секретная бортовая аппаратура, ее расшифровка позволила ознакомиться с фотосъемками наших секретных объектов, имеющих на вооружении атомное оружие, города закрытые для посещения иностранцев и т. п.

С американским пилотом Фрэнсисом Гэри Пауэрсом работали контрразведчики Второго Главного управления КГБ СССР под руководством преемника Евгения Петровича Питовранова генерал-лейтенанта Олега Михайловича Грибанова…

19 августа 1960 года Пауэрс был приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР по статье 2 УК СССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления» к 10 годам лишения свободы, с отбыванием первых трех лет в

тюрьме.

10 февраля 1962 года в Берлине, на мосту Глинике Пауэрса обменяли на советского разведчика Вильяма Фишера (он же Рудольф Абель).

Наверное, Пауэрс избрал для себя не ту профессию, чтобы жить спокойно. Он погиб 1 августа 1977 года в катастрофе во время пилотирования им вертолета вместе с оператором телекомпании, возвращаясь со съемок тушения пожара в окрестностях города Санта-Барбара, что расположен неподалеку от Лос-Анджелеса.

В период правления Шелепина Питовранов вновь попадает под политические жернова. Шептуны и при председателе КГБ СССР и на Старой площади вопрошают: как же так — в Центре, на Лубянке, недалеко от Кремля, продолжает служить фаворит Сталина, отделавшийся испугом в 1951 году? Он опасен в Москве. Его следует задвинуть куда-нибудь подальше.

После 5 февраля 1960 года, когда ЦК КПСС и Совет министров СССР приняли Постановление «О внесении изменений в структуру Комитета государственной безопасности при Совете министров СССР и его органов на местах и сокращении их численности», Четвертое Управление КГБ СССР было включено в состав Второго Главного управления КГБ при СМ СССР. Работой против «враждебных элементов» в контрразведке руководил теперь заместитель начальника Второго Главка Филипп Денисович Бобков, впоследствии первый заместитель председателя КГБ СССР. На этой должности он получил звание генерала армии.

А Питовранов 20 февраля 1960 года был освобожден от должности и переведен в распоряжение Управления кадров КГБ СССР. Кстати, его кандидатура ранее обсуждалась для назначения на посты начальника военной разведки. Об этом перед министром обороны СССР маршалом Советского Союза Р.Я. Малиновским ходатайствовал даже председатель КГБ СССР генерал армии И.А. Серов. Но неожиданно, как уже писалось выше, в декабре 1958 года он сам был назначен руководить хлопотным хозяйством, каким являлось ГРУ Генштаба ВС СССР.

Генерал-лейтенанта Е.П. Питовранова 5 марта 1960 года направили, а скорее, «задвинули» — в Китай, отношения с руководством которого были, мягко говоря, не стабильными, если не сказать напряженные.

Командировка в Поднебесную

Если тебе плюют в спину —
Значит, ты впереди,

Конфуций

С 1960 по 1962 год генерал-лейтенанта Е.П. Питовранова отправляют в Поднебесную. Надо сказать, что к этому времени Никита Хрущев сумел до предела обострить отношения с большим юго-восточным соседом, каким являлся Китай. Кадровики посчитали, что опытный и сдержанный генерал идет впереди своего времени, поэтому и направили его на острый участок. Но есть и другое мнение о причине расформирования Четвертого Управления и направления генерала в Пекин — месть и зависть. Но в жизни случается так, что многие начинают мстить раньше, чем их успели обидеть. А вот зависть всегда долговечнее чужого счастья, которому мы завидуем, порой совсем не понимая, каким потом, умом и лишениями оно достигалось. А может, это и не было счастьем, а было долгом или чем-то другим благородным, духовно-возвышенным действом?!

Вообще история, как мясной фарш или паштет, лучше не вникать, как он приготовляется. Хотя, как сказать: есть история, и есть псевдоистория. И в ней следует копаться — этого требует истина, а она вещь капризная!

После смерти Сталина среди советских руководителей происходили дискуссии, о которых до сегодняшних дней россияне не знают ничего или знают очень мало. С появлением Варшавского договора, утвержденного 14 мая 1955 года, этот оборонный союз приобрел статус субъекта международного права. При его подписании присутствовал и министр обороны Китая Пэн Дэхуай. Де-факто он не присоединился к Договору, но в то время гарантировал поддержку своего правительства. Это был многозначительный жест, свидетельствующий о высокоподнятом престиже Китая и его лидера Мао Цзэдуна, завоеванный благодаря победе их революции и действиям на фронтах корейской войны.

В 1953 году Китай начал свою первую пятилетку, разработанную вместе с советскими специалистами и экспертами Пока был жив И.В. Сталин, вождь китайских коммунистов Мао Цзэдун считал себя его младшим, но ближайшим товарищем и коллегой. Строя новый Китай, Мао сознательно старался брать

пример с северного соседа. Советский Союз периода 1930–1940 годов он принимал за образец, но внешнюю политику оба вождя понимали по-разному.

Сталин видел в Китае послушного союзника, помогая Поднебесной материально и специалистами. Мао же руководствовался соображениями, что Китай должен стать лидером всего коммунистического мира, но он не может достичь этой цели без бескорыстной помощи СССР, которую не только охотно принимал, но и настойчиво требовал. После смерти Сталина Мао посчитал себя преемником ушедшего в мир иной советского руководителя.

С появлением Хрущева, и особенно после того как он оклеветал Сталина на XX съезде КПСС, Мао пошел на обострение отношений: сначала он навязывал поучения руководству СССР, а потом пошел на разрыв добрососедских контактов. Несмотря на растущее раздражение в Кремле своим амбициозным партнером на Дальнем Востоке, советское руководство продолжало оказывать помощь Пекину. СССР помог Китаю создать современную армию, обучив в советских военных училищах и академиях более девяти тысяч кадровых офицеров для Народно-освободительной армии Китая (НОАК). Советская помощь шла и шла…

Когда к Мао подступила старость и он не мог уже наносить визиты в Москву, то советские правители сами зачастили в Пекин. Мао принимал это как должное исходя из традиций и постулатов Конфуция — как приезды «варваров» на поклон к «сыну Неба».

Когда летом 1958 года Хрущев прилетел в Пекин, между ним и Мао состоялся неприятный, но интересный в смысле понимания разногласий разговор.

— Вы можете предъявлять претензии по поводу недомыслия наших специалистов, ведь ваши специалисты у нас отсутствуют, — пытался уколоть Хрущев хозяина приема.

— Претензии по этому поводу предъявляйте истории, — ответил с философским подтекстом уже давно кормчий Мао.

— А ответ должны держать мы? — с вопросом на ответ проговорил Никита Хрущев.

— Вы первыми сделали революцию.

— И нас надо винить в этом?

— Именно поэтому вы должны были прислать специалистов…

В 1959 году у Хрущева произошла последняя попытка примирения, однако она встретила шквал претензий за установление Советским Союзом добрососедских отношений с

Индией и нежелание дать Китаю в руки атомное оружие для борьбы с международным империализмом.

Тем не менее по требованию Мао в 1960 году СССР предоставил Китаю очередные транши. В 1964 году Китай испытал атомную бомбу и выдвинул территориальные претензии на советский Дальний Восток. Однако вооруженный конфликт случился позже.

Мстительный и авантюрно-взрывной по характеру преемник Сталина и его неуемный критикан Хрущев, несмотря на отсутствие улик в совершении преступлений со стороны Е.П. Питовранова, все-таки «покусывал» бывшего заместителя Абакумова вплоть до ухода его из власти. Одно упоминание, что в сталинский период он работал под руководством Берии и Абакумова, вызывало в нем приступ необдуманной ярости в отношении любого человека такого плана. Ну а сам-то он разве не сотрудничал с той властью? Он ею и был! Разве не он прогибался и унижался перед Сталиным?! Десятки примеров можно привести по этому поводу, но книга не о нем…

Одного из руководителей советской внешней разведки и острых операций за рубежами нашей Родины, гения оперативных игр в годы Великой Отечественной войны генерал-лейтенанта Павла Судоплатова он упек на 15 лет во Владимирский централ. По его приказу, данному генпрокурору Руденко, армейского чекиста, героя СМЕРШа, министра госбезопасности генерал-полковника Виктора Семеновича Абакумова казнили, после диких пыток в тюремном изоляторе, в годовщину рождения военной контрразведки — 19 декабря 1954 года.

Около 15 тысяч советских профессионалов из числа оперативников по линии разведки и контрразведки были уволены, осуждены, а некоторые расстреляны. Страна лишилась — нет! — не палачей, а набранных после ежовского «кровопускания» в ходе репрессий «проклятого 37-го», в 1938–1939 годах, лучших из выпускников военных академий, педагогических и инженерных вузов кандидатов для работы в правоохранительных органах, в том числе и по линии госбезопасности. Вот и получается: не важно, против кого направлены жестокости, они всегда несправедливы.

Но вернемся к нашему герою.

Е.П. Питовранов знал, что китайский лидер Мао Цзэдун в декабре 1949 года впервые приезжал в СССР. Сталин принял его у себя на Ближней даче в Кунцево. Но Евгений Петрович не ведал о некоторых тонкостях приема гостя вождем. Со временем ему станут известны подробности этой встречи от переводчика Николая Федоренко.

Вожди один на один проводили долгие беседы, переходившие далеко за полночь. Естественно приходилось обедать с любимым блюдом хозяина дачи — борщом под грузинские вина — водку на ночных бдениях не употребляли. Мао заметил, что Сталин мешает красное и белое вино и поинтересовался причиной такой манипуляции.

— Это, видите ли, моя давняя привычка. Каждое вино, грузинское в особенности, обладает своим вкусом и ароматом. Соединением красного с белым я как бы обогащаю вкус, а главное — создаю букет, как из пахучих степных цветов, — пояснил хозяин правительственной дачи китайскому вождю.

Есть мнение, что из этой сталинской фразы и родился китайский лозунг: «Пусть расцветает сто цветов!» Мао предложил свободу мнений, разрешив критику и плюрализм в партии. А что потом? Потом, со временем, по примеру советского «учителя» уничтожил и бросил в тюрьмы всех тех, кто выразил несогласие с его мнением.

В рамках проводимой десталинизации не только в системе органов государственной безопасности, других правоохранительных органов, но и всей политики страны отношения с руководством КНР стали не просто ломаться, они — рушились. Песенный призыв: «Русский с китайцем, братья навек!..» стал насмешкой. Все советники по линии органов госбезопасности были отозваны.

И только старший советник КГБ СССР по вопросам, а теперь уже по проблемам безопасности при Министерстве общественной безопасности КНР Евгений Петрович Питовранов не только просто оставался в Китае, но и сохранял с китайскими коллегами нормальные личностные и деловые отношения.

Его добропорядочность, коммуникабельность, уважительное отношение к людям позволили без труда установить нормальные отношения с коллегами из китайских спецслужб, особенно из «старой гвардии», переживших ренессанс советско-китайских отношений. Они оказались в числе искренних друзей Советского Союза. Именно эти люди помогли Евгению Петровичу четче ориентироваться в непростых межпартийных и межгосударственных отношениях с КНР.

Наверное, соседи понимали, что СССР — это не Хрущев и что со временем наладится межгосударственный диалог. Что же получается? Поступки человека определяют его место в жизни, работе, службе? Надо признать факт потрясающей способности сына священника и учительницы везде быть нужным, везде быть к месту. Судьба? Воспитание? Знания? Может быть… Нет! Наверняка именно так и было. А может, он исповедовал завет из

Евангелия, который передала ему мать — жена священника: «Будьте мудры, как змии, и просты, как голуби» (Мт. 10:16, — *Авт.*) Похоже, он шел по жизни этой тропой.

Евгений Петрович Питовранов делал и сделал все что мог в Китае для отдаления того опаснейшего взрыва, который произошел намного позже в районе острова Даманский. Советско-китайский пограничный конфликт при правлении Л.И. Брежнева — вооруженное столкновение между СССР и КНР, проходившее в период со 2 по 15 марта 1969 года на реке Уссури в 230 км южнее Хабаровска и 35 км западнее райцентра Лучегорск. Это был самый крупный советско-китайский конфликт в современной истории России и Китая. Его подробности — это другая тема исследования.

Итак, через два года работы в КНР 48-летнего генерала Питовранова отозвали в Москву. К тому времени Железный Шурик — Александр Шелепин ушел на повышение. После себя, с согласия высших партийных органов, он назначил руководить КГБ СССР своего ставленника из комсомола Владимира Семичастного, о котором говорилось выше. Оставил такого же далекого от проблем разведки и контрразведки партийного функционера, каким был сам. Теперь в КГБ председательствовал его последователь. Зато амбиций у них, вчерашних комсомольцев, зашкаливало.

Автору довелось услышать единодушное мнение коллег Е.П. Питовранова о его службе в период правления Семичастного. Когда председатель-дилетант говорил на профессиональные темы, как правило, молол чушь, самое умное, что приходило на ум оперативникам, смотреть в окно и думать о разном. Оба «комсомольца» — Шелепин и Семичастный — боялись профессионализма Е.П. Питовранова и ему подобных.

В то время у чекистов Евгений Петрович стал человеком-легендой. К нему приходили советоваться и действующие работники, и ветераны. Обсуждали разные темы, в том числе и о дилетантах-руководителях в ЧК, что, наверное, не осталось незамеченным для партийной и чекистской элиты. Но правда остается правдой, а ложь остается историей.

Еще будучи в Китае, прочтя трактаты Конфуция и считая себя вполне нормальным человеком, способным приспособится к новым условиям работы, он знал, что лишь самые умные и самые глупые не могут измениться, а он середняк. Конечно, Евгений Петрович немного лукавил… — он выделялся из среды своих коллег.

Пройдет много времени и опытнейший контрразведчик, аналитик и практик, участник Великой Отечественной войны

генерал-майор Вадим Николаевич Удилов, с которым автору довелось встречаться по работе на Лубянке в центральном аппарате КГБ СССР, особенно при работе по шпиону Чернову, много чего прояснит и расскажет. В 1994 году он подарил автору свою книгу «Записки контрразведчика», в которой генерал Удилов с такой же смелостью, как герой настоящей книги Евгений Питовра-нов и его коллега генерал Вячеслав Широков, в которой рассказал о возникших проблемах и путях их решений.

Каждая строчка удиловской книги звенит колоколом — правдой и исповедью. За плечами В.Н. Удилова десятки успешно завершенных оперативных дел, хитроумных операций, о которых широкая общественность если и знала, то только из коротких сообщений ТАСС либо из официальных нот МИДа:

«Обстановка в госбезопасности не изменилась даже во времена "хрущевской оттепели". Наоборот! Партийная элита решила покрепче привязать к себе этот грозный орган. На руководящие посты, теперь уже КГБ, назначались видные партийные и комсомольские деятели: Шелепин, Семичастный, Андропов, Чебриков, Крючков. За ними тянулись десятки партийных и комсомольских работников рангом пониже на должности заместителей или начальников управлений: Пирожков, Агеев, Гоцеридзе, Цинев, Волков, Алидин, Карпещенко, Светличный, Тупченко, Лаптев…

Они создавали угодный партийной верхушке режим и, в конце концов, добились того, что в положении об органах государственной безопасности говорилось: "КГБ — это инструмент КПСС"».

Во времена Брежнева вместо подбора кадров по деловым качествам возобладали родственные связи или привлекались люди по принципу личной преданности. Видимо, так было надежней! А то, не дай бог, вновь возникнет антипартийная группа, как в 1957 году, или неуправляемые лидеры типа Горбачева, Ельцина…

В правоохранительные органы направлялись личные друзья Брежнева. В КГБ — Цвигун и Цинев, в МВД — Щелоков и зять — Чурбанов. Кстати, во внешней торговле хозяйствовал вовсю сын — Юрий Брежнев, в черной металлургии — брат Яков Брежнев и другие.

Тех, кто критически оценивал обстановку и имел свое собственное мнение, под различными предлогами, подчас надуманными, увольняли с работы. Именно так были убраны из КГБ СССР Евгений Петрович и Олег Михайлович, возглавлявшие контрразведку нашей страны в особо критическое время…»

Генерал-майор В.Н. Удилов имел в виду двух начальников Второго Главного управления КГБ СССР — Евгения Петровича

Питовранова и Олега Михайловича Грибанова.

В бытность руководства страной М.С. Горбачева председателем КГБ СССР был назначен «факир на час», в прошлом обкомовский начальник В.В. Бакатин, который за короткое время пребывания на Лубянке наделал столько, мягко говоря, нелепостей, что удивляло даже не профессионалов. А одна из них тянет на государственную измену: Бакатин передал послу США в Москве Роберту Страусу документацию о закладке подслушивающих устройств в новом посольском здании, которое янки строили своими силами. Передал он также и образец такой закладки. Стройматериалы американцы доставляли по воздуху и воде.

Для того чтобы заложить в них «жучки», нужно было за границей найти своих помощников — агентов, преданных СССР людей. Бакатин одним «широким жестом» во имя демократии «бестолкового типа» раскрыл перед противником наши возможности, чего американцы никогда бы себе не позволили. Не с той ли поры эти исторические, в англосаксонской закваске, недоброжелатели стали «партнерами», которые никогда не прощали, не прощают и не простят наших глупостей и ошибок?

К великому сожалению, ничего не изменилось до сих пор в подборе и удержанию «светлых голов» в «Российском королевстве».

Именно с этими перечисленными выше бывшими партийными идеологами и «верными ленинцами» в том числе русские люди потеряли рухнувшую за считанные дни Красную Империю. Любое государство стоит на сваях — вековых монолитных фундаментов не бывает. И если в подполье размножаются крысы — они способны уничтожить основу, на которой держатся стены любого дома.

Если бы не случилось предательства своих, то не появилась бы сегодня 900-страничная книга Михаила Зыгаря «Империя должна умереть», которая производит впечатление тягостной и утомительной избыточности. Как писала критика, автору этого «кирпича» совершенно не интересна описываемая эпоха как таковая, и он не любит своих героев.

Героев даже отрицательных писатель должен любить по-своему — без них не было бы ни истории, ни литературного произведения, ни самой жизни…

Создается впечатление, что она им писалась в угоду заокеанским «партнерам», а не ради нашего просвещения.

Высшая школа

Кто стремится к высокой цели,
уже не должен думать о себе.

Иван Тургенев

С 1962 по 1965 год Евгений Петрович возглавлял административный, педагогический и слушательский состав Высшей школы КГБ СССР при СМ СССР — так она тогда называлась. После возвращения из Китая он намеревался продолжить службу в действующем аппарате разведки или контрразведки. Но в это время радикально менялась обстановка в органах госбезопасности. Госаппарат, в том числе спецслужбы, подверглись основательной пертурбации. В конце 50-х — начале 60-х прокатилась вторая волна сокращений и в КГБ СССР. Увольнялись, особенно из контрразведки, старые кадры, занимавшие высокие посты, так или иначе причастные к нарушениям социалистической законности или просто служившие во времена правления Сталина. На их место принимались люди из числа партийных функционеров и протеже, в том числе родственники новых партийных генералов со Старой площади.

Нет, Питовранову не предъявили обвинений в подобных правонарушениях, но его прежняя должность в руководстве КГБ СССР оказалась также сокращенной. Ему «выделили» равноценную, тоже генерал-лейтенантскую должность, но несколько иную по характеру.

Председатель Комитета госбезопасности В.Е. Семичастный предложил генералу Е.П. Питовранову должность начальника Высшей школы КГБ СССР при СМ СССР. Таким образом, профессионал с огромным опытом оперативной работы в разведке и контрразведке, в том числе и за рубежами Родины, оказался за пределами практических дел. Сказать, что он не переживал, — значит, ничего не сказать. Кто-то в подобной ситуации, впал бы в отчаянье. Однако Евгений Петрович поступил разумно, понимая, что учение без размышления бесполезно, но и размышление без учения опасно.

Итак, Евгений Петрович спокойно принял должность руководителя «кузницы чекистских кадров». У него всегда в жизни и службе была высокая цель — служение тому Делу, которому посвятил себя и куда его определили высокие

начальники. А такие индивиды часто не думают о себе. Они, эти люди, державные, они всегда готовы Отчизне посвятить «…души прекрасные порывы!».

В новой ипостаси он видел перспективы дальнейшего развития своего кругозора: именно тут учился и размышлял, размышлял и учился, но больше учил молодых слушателей Высшей школы (ВШ) (сегодня это Академия ФСБ РФ. — *Авт.)* чекистскому ремеслу и искусству вместе взятых. Ему удалось внести в учебный процесс Высшей школы дух новаторства, тесно увязывая теорию с практикой. Когда Питовранов возглавил главную чекистскую альма-матер, она стала крупным многопрофильным научным учреждением. В ней появились новые факультеты: технический, иностранных языков, военный. Именно с его приходом в 1962 году произошел первый набор отслуживших воинов срочную службу на 1-й курс Первого факультета — военной контрразведки. Автор поступил в ВШ в 1963 год. При Е.П. Питовранове Школе было присвоено имя Феликса Эдмундовича Дзержинского.

Личность Питовранова была разносторонней: он понимал музыку, знал литературу, увлекался почти на профессиональном уровне волейболом, теннисом и городками. Но главное достоинство генерала — его огромный оперативный опыт, которым он делился и с педагогами, и со слушателями. К нему, в чекистский вуз, за советами приезжали ветераны и действующие сотрудники. И всем он помогал, чем мог. Быстро пробежало четыре года работы в этом специальном учебном заведении.

Помнится, на одном из своих выступлений в 1964 году перед слушателями Первого факультета он заметил, что профессия контрразведчика настолько широко плановая, особенно при общении с людьми, что требует обширных знаний для формирования общекультурного кругозора. Он рекомендовал больше читать художественной литературы как отечественной, так и иностранной. Таким образом, по его инициативе редакторским отделом и типографией Школы была издана небольшого формата брошюра в серой тонкой обложке на газетной бумаге со списком рекомендованной для будущих оперативников художественной литературы — отечественной и зарубежной классики. Мы все тогда отправились в библиотеки. Читали много. Кроме того, любили и посещали вечера выступлений поэтов и писателей, в том числе фронтовиков: Эдуарда Асадова, Юлии Друниной, Константина Симонова, Виктора Бокова, Сергея Наровчатова, Михаила Дудина, Константина Ваншенкина и многих других. Все перечисленные выше авторы выступали и в нашем учебном заведении, к

сожалению, автор по разным причинам не смог посетить выступления некоторых их них.

В 1965 году руководство Школы организовало творческий вечер-встречу с фронтовичкой поэтессой Юлией Друниной в честь 20-летия Великой Победы. После вручения памятных медалей был организован творческий вечер. В числе других стихов, как подсказала автору до сих пор сохранившая с тех лет записная книжка, она прочла «За утратою — утрата…»:

За утратою — утрата,
Гаснут сверстники мои.
Бьет по нашему квадрату,
Хоть давно прошли бои.

Что же делать? —
Вжавшись в землю,
Тело бренное беречь?
Нет, такого не приемлю,

Не об этом вовсе речь.
Кто осилил сорок первый,
Будет драться до конца.
Ах обугленные нервы,
Обожженные сердца!

На этом творческом вечере присутствовал и Евгений Петрович Питовранов.

В этом же юбилейном году был организован концерт с участием преподавателей и слушателей, исполнивших песни, стихи, музыкальные произведения на гитарах и гармошках. Участвовал в нем и автор книги: читал свои стихи, в том числе уже затерянное стихотворение «Ринг». Каково же было удивление, когда его привез в Москву из Тулы через 50 лет армейский сослуживец автора Юрий Строганов. Вспомнилось, ожило то незабываемое время. В этом стихотворении описан бой за канатами ринга между опытным бойцом, «балованным зрителем», и неизвестным молодым боксером. Опыт теснил молодость. И вот эта «молодость и неопытность» была повержена в нокдаун. Но молодой боксер после отсчета «девять» снова встал в стойку и продолжил бой, который закончился нокаутом для чемпиона. Выиграл единоборство на ринге молодой боксер.

Евгений Петрович Питовранов после вечера всех «артистов»

наградил ценными подарками. Мне досталась большая книга «Третьяковская галерея», с его приветствием и подписью, при этом он заметил примерно так: «Сражаться, как ваш герой, надо и по жизни, особенно в вашей будущей работе. Как говорится, когда человек слаб — он никому не враг».

Альбом с лучшими фотокопиями музея хранится до сих пор в личной библиотеке.

Начальник Школы часто посещал финальные соревнования по многим видам спорта: волейболу, самбо, спортивной гимнастике. Запомнился такой случай. Автор руководил секцией сборной Школы по спортивной гимнастике и часто выступал на соревнованиях, некоторое время даже являлся чемпионом 25-го коллектива «Динамо» по этому виду спорта. Помню, перед подходом к перекладине в спортивный зал зашел начальник Школы. Слушатели стали расступаться перед ним, пропуская его в первый ряд. Но Евгений Петрович остановил их старания тем, что с его ростом видно и из проема двери. Именно в это время судья вызвал спортсмена к снаряду. Появление высокого и уважаемого руководителя вызвало такую собранность, что я без ошибок прошел всю комбинацию элементов, и, открутив вместо двух больших оборотов — «солнце» — три, скрутил сальто и вонзился ногами в жесткие по тем временам маты, как вкопанный. Приятно было ощущать, что вместе с другими зрителями Питовранов наградил рукоплесканием и меня. До сих пор остались фотографии тех спортивных баталий в белом шерстяном спортивном трико, запечатленном на разных спортивных снарядах гимнастического шестиборья.

Осталась и фотография, запечатлевшая приезд Е.П. Питовранова в Голицыно на строевой смотр.

Часто приглашали на вечера участников революционных событий, Гражданской и Великой Отечественной войн. По инициативе начальника Школы Е.П. Питовранова в 1965 году была приглашена жена Ф.Э. Дзержинского — Софья Сигизмундовна (1882–1968). Тогда нам, молодым людям, посвятившим жизнь делу госбезопасности, казалось, что перед нами в рассказах супруги Железного Феликса протекала сама История и страны, и ВЧК.

Из ее рассказа мы узнали, что в 1905 году она, будучи членом РСДРП(б) с партийным псевдонимом Чара, познакомилась с будущим мужем — Ф.Э. Дзержинским. Через год Софья была арестована и заключена в варшавскую тюрьму. Ее не раз отпускали из заточения и снова арестовывали. В 1910 году она сменила девичью фамилию Мушкат, выйдя замуж за Ф.Э. Дзержинского. Сына Яна родила в 1911 году в женской тюрьме

«Сербия». В своем выступлении рассказывала автобиографию. На вопрос, чем она занималась в годы Великой Отечественной войны, Софья Сигизмундовна ответила: «До войны работала в аппарате Исполкома Коминтерна. А всю войну, начиная с 41-го являлась руководителем польско-язычных передач на радиостанции имени Костюшко. С 1946 года — на пенсии. Жила в Кремле до 1961 года». После окончания встречи подарила Школе свою книгу «В годы великих боев», которую с благодарностью принял Евгений Петрович Питовранов.

Интересная деталь: Софья Сигизмундовна Дзержинская пережила мужа на 42 года и сына Яна на 8 лет.

Умерла в 85-летнем возрасте в Москве в 1968 году. Похоронена на Новодевичьем кладбище.

Примерно в это же время происходила встреча с военачальниками. Время из памяти стерло многие имена, но сохранило самую колоритную фигуру среди них — маршала Советского Союза Семена Михайловича Буденного. Он запомнился, прежде всего, кавалерийским жестом. Когда в своем выступлении военачальник затронул агрессивные поползновения против Советского Союза военщины США, полководец привстал и рассек воздух рукой со словами: «Мы их ракетно-ядерным ударом рубанем так, что ничего от американцев не останется». Присутствующие в зале после этих слов встали и устроили командарму Первой конной бурную овацию.

Запомнилась встреча, организованная Е.П. Питоврановым с космическим первопроходцем Юрием Алексеевичем Гагариным. С каким нетерпением мы ждали этой встречи. Актовый зал был полон. В первых рядах сидели преподаватели, а дальше — слушатели разных курсов. И вот по красной дорожке в зал входит генерал-лейтенант Евгений Петрович Питовранов рядом с полковником Юрием Алексеевичем Гагариным. За ними потянулась небольшая группа из числа руководителей Школы. Питовранов был в форме, но почему-то в мягких хромовых сапогах. Потом нам пояснили, что любовь к такой обуви у него сохранилась с войны.

Гагарин рассказывал и отвечал на вопросы, снова рассказывал и снова отвечал. В зале стояла звенящая тишина, только был слышан мягкий, но звонкий голос космонавта.

— А Бога вы не встретили на орбите? — под смешок спросил кто-то из молодой поросли будущих чекистов.

— Нет, — улыбнулся лучезарной улыбкой космонавт и добавил. — Когда поднимемся выше, может и увидим!

О начитанности, мудрости и спокойствии Евгения Петровича не только ходили легенды, но автор сам был свидетелем его

интересных нравоучений. Как-то он пришел в группу на занятие по подведению итогов — решали по специальной дисциплине в течение некоторого времени оперативную задачу. Он заслушал варианты ответов всех слушателей, отметил несколько, на его взгляд, реальных, жизнеспособных решений словами: «Я бы поступил именно так, но это не говорит, что другие сценарии ответов неверны. Все зависит от обстановки».

Сказал мягко, но убедительно, никого не обидев. Двоечников среди нас не оказалось благодаря тактичности и мудрости оперативного профессионала. Это занятие долго обсуждалось в группе и осталось в памяти на долгие годы.

Жизнь человеческую он называл почему-то «вселенной». А потому не раз утверждал, что в этой «вселенной» все имеет свои разумные пределы и выход за них становится пагубным.

В студенческую пору мы понимали ничтожность своих знаний и узость личного кругозора, поэтому всегда готовы были поймать необычную тонкую мысль, удачный словесный оборот, яркую иронию или проницательный добрый совет. Приходилось запоминать эти почти афористические перлы, а потом перекладывать их на бумагу в кондуит.

В записной книжке тех времен я нашел записи с некоторыми словами-напутствиями или настоящие россыпи мудрости, замеченные в выступлениях главного «школьного» авторитета и отдельных преподавателей на занятиях, собраниях, экзаменах и лекциях. Приведу некоторые из них:

• «Благодаря согласию растут малые государства, а вот из-за раздоров гибнут великие державы».

• «Человек вне общества или Бог, или зверь».

• «Кто-то очень правильно сказал: “Первую половину жизни я работаю на имя, а вторую половину имя работает на меня!”».

• «Успех дает новых друзей».

• «Войну выигрывают не генералы, а школьные учителя».

• «Зависть — самая искренняя форма лести».

• «Смутно пишут о том, что смутно себе представляют».

• «Опыт-учитель, очень дорого берущий за уроки, но зато никто не научает лучше его. Однако для этого нужно глубоко осознать опыт».

• «Делай, как я, и у тебя все получится».

• «Терпение — опора слабости, нетерпение — гибель силы».

• «Хорошая мысль, откуда бы она ни была взята, гораздо лучше, чем собственная глупая, — не в обиду будь сказано тем, что находят все в себе самих, не прибегая ни к кому».

• «Сила духа не должна зависеть от личных проблем».

• «Хороший царь — это дерево, возле которого поданные

находят тень счастья».

• «Только крепкая империя способна выжить, но все империи создавались, развивались и гибли».

Это были своеобразные афоризмы, так сказать, с философским подтекстом. А вот то, что Евгений Петрович рекомендовал по чисто профессиональной тематике, запало прочно, и осталось надолго в голове, и пригодилось автору на практике при оперативном обслуживании воинских частей в Союзе и за границей, а в дальнейшем подразделений ГРУ Генштаба ВС СССР, где не раз приходилось встречать в прекрасных профессиональных коллективах настоящих патриотов-разведчиков, а также оборотней в погонах, но их были единицы — таких настигала карма контрразведки. Наставления Евгения Петровича помогали их разоблачать и отдавать под суд. Он советовал будущим оперативникам не разменяться на мелочи, а смотреть в корень решаемого вопроса. Главное — понимать, для чего контрразведчик поставлен на объект оперативного обслуживания. Главное в контрразведке — обеспечить безопасность нашего государства, наших военных, научных, промышленных и других секретов. Выявлять, предупреждать и пресекать устремления вражеских спецслужб и разведок, направленных на подрыв независимости и целостности нашей Родины, независимо оттого, какими политическими и личными амбициями наделены пришедшие к власти руководители страны и их аппарат.

Он призывал быть твердым в постоянном отстаивании этих основополагающих принципов при обеспечении государственной безопасности и не уходить «на обочину с большака» под надуманными предлогами или при неадекватном давлении сверху. Вот таким он запомнился мне с тех далеких уже 60-х годов прошлого столетия…

А еще осталось в памяти одно его историческое высказывание. Евгений Петрович утверждал, что победа в Сталинградском сражении Красной армии, а может, и во всей войне была обеспечена другим выдающим, почему-то забытым сражением — бой в районе Смоленска летом 1941 года, почему-то позабытым. Именно там войска 16-й армии генерал-лейтенанта М.Ф. Лукина задержали на два месяца (!!!) наступление немцев на Москву. Главное в этом — остановили гитлеровцев в летнем обмундировании накануне суровой зимы перед судьбоносной битвой за советскую столицу. Евгений Петрович считал, что Смоленск был первым Сталинградом для фашистов, а вторым был непосредственно сам город на Волге. А ведь за два месяца гитлеровцы захватили половину европейской

части нашей страны…

При выходе из окружения 14 октября 1941 года командарм М.Ф. Лукин был тяжело ранен и без сознания попал в плен, где ему ампутировали ногу. После освобождения из плена он прошел благополучно фильтрацию органами МГБ. Однако К.Е. Ворошилов посчитал его чуть ли не преступником. Сталин категорически возразил бывшему наркому обороны и вызвал генерала на беседу. Вождь предложил ему продолжить служить в армии на любой должности, вплоть до преподавателя Академии Генерального штаба, но генерал поблагодарил Сталина за оказанное ему доверие и отказался от предложения, сославшись на состояние здоровья…

С тех пор я считаю, что оборонительные бои РККА под Смоленском и Вязьмой для гитлеровцев были «Ахиллесовой пятой», позволившей одержать нашим воинам две главные победы — под Москвой и Сталинградом, решившие исход всей Великой Отечественной войны.

Человек познается в коллективе. Те, кто знали Н.П. Питовранова, соприкасались с ними на службе или по работе, делились воспоминаниями.

• Генерал-полковник Иван Алексеевич Маркелов:

«На службе я почти 40 лет, да и вообще на свете прожито уже немало. Но такого человека, как Евгений Петрович, больше не встречал. Он — уникален».

• Генерал-лейтенант Николай Иванович Железников:

«Мне довелось с Евгением Петровичем Питоврановым общаться еще до Школы, при решении контрразведывательных задач в системе НКГБ, ГУКР СМЕРШ НКО и МГБ СССР. В начале 60-х мы с ним вместе оказались в Высшей школе: он — руководитель, я — начальник Первого факультета. Скажу прямо — легко с ним работалось. Я понимал его с полуслова. Контактный, коммуникабельный, интересный собеседник и опытный оперативный работник — практик высшего разряда.

Требовательность к подчиненным сопровождалась таким же качеством и к себе. Он никогда не позволял опоздать ни на минуту на совещание или на лекцию. Был аккуратен в выражениях при общении даже с резким собеседником, никогда не повышал голос на провинившегося. Но в то же время Питовранов мог так хлопнуть дверью, что никто этого не слышал. Он знал себе цену, но был не гордый».

• Генерал-майор Михаил Александрович Козичев:

«Евгений Петрович Питовранов, как и всякий умный и подготовленный человек, сумел быстро адаптироваться в обстановку новой работы — теперь в чекистском вузе.

Назначенный сверху опытнейший оперативный сотрудник, прошедший высокие должности в системе контрразведки и разведки страны, сразу же нашел себя в Высшей школе. Наблюдая за его деятельностью в коллективе, я заметил, что он на первое место ставит людей, ведь по большому счету именно от труда конкретного преподавателя, сотрудника или слушателя зависит результат работы Школы.

Процесс «врастания» в новую среду проходит для всех очень непросто. Евгений Петрович влился в коллектив как-то сразу. Сказался опыт руководства большими коллективами. Он знал, что будет делать с утра и до конца рабочего дня, так как планировал всю свою работу.

Так вот, успешные руководители не просто планируют и контролируют учебный процесс, они учитывают цели своего учреждения. А цели — подготовить высококвалифицированного специалиста, профессионала-оперативника для одной из важнейших функций страны — обеспечения ее государственной безопасности. Как это делать — он знал на практике, которую “переплавлял” в доступную для слушателей теорию…»

• Генерал-майор Александр Викторович Киселев:

«На долю Питовранова выпал тяжелейший период контрразведывательной и антитеррористической работы во всем их практическом диапазоне. Конец 40-х годов памятен чекистам как продолжение войны, но более коварными, скрытными, близкими к партизанским методами. Это была тяжелейшая, с неизбежными людскими потерями борьба с националистическими бандитскими формированиями на территориях, ранее оккупированных немцами. Особой остроты она достигала на Западной Украине и в Прибалтике. Тут очень пригодился недавний опыт, приобретенный в ходе ликвидации диверсионно-террористических групп и другой немецкой агентуры, забрасывавшейся в наш тыл в годы Великой Отечественной войны.

Десятки выездов “на передовую”, непосредственно в районы боевых столкновений с бандитами, совершил начальник контрразведки МГБ СССР. Лично провел несколько удачных вербовок среди лидеров бандитских групп, склонив их к прекращению борьбы и сотрудничеству с чекистами».

• Генерал-майор Юрий Андреевич Гуща:

«У нас было и осталось три гения в системе обеспечения госбезопасности страны. В разведке — это генерал-лейтенант Павел Анатольевич Судоплатов, в контрразведке — генерал-лейтенант Евгений Петрович Питов-ранов, в военной контрразведке — генерал-полковник Виктор Семенович

Абакумов. Е.П. Питовранов был мой настоящий гуру в годы учебы в Высшей школе КГБ СССР в период с 1963 по 1967 год».

• Полковник Андрей Кузьмич Соловьев:

«Я преподавал в Высшей школе КГБ специальные дисциплины, имея солидный опыт работы в органах военной контрразведки в годы войны и послевоенный период. Работал и системе особых отделов и подразделений СМЕРШ с 1943 года. С Евгением Петровичем было приятно служить, но не прислуживаться. Он уважал в человеке человеческое. Никогда не опускался до разносов, хотя хозяйство, особенно по административно-хозяйственной части, ему досталось хлопотное. Как человек он был порядочной личностью, так как свое право измерял своим долгом. А долг у него был один — искренне служить Отечеству. Он был нечувствителен к похвале и почестям, хотя любил награждать отличившихся.

Специальные дисциплины — это был его конек. Помогал составлять сложные оперативные задачи для решения слушателями. Часто присутствовал на зачетах и экзаменах по этим дисциплинам. Сказывался его опыт — высочайшего уровня практик!».

• Полковник Николай Андреевич Воробьев:

«Евгений Петрович Питовранов, несмотря на то что всю основную службу в системе госбезопасности провел в территориальных органах, хорошо знал не только особенности работы военных контрразведчиков, но и высоко ценил этот тяжелейший труд армейских чекистов, особенно в годы Великой Отечественной войны. С сотрудниками контрразведки СМЕРШ ему приходилось взаимодействовать в лесах Поволжья и Приуралья по обезвреживанию разведывательно-диверсионных и террористических групп, забрасываемых немцами в глубокий тыл Красной армии.

Это по его инициативе при Высшей школе в 1962 году был открыт Первый факультет, который начал готовить военных контрразведчиков из военнослужащих после окончания срочной службы. Его идея живуча до сих пор в Академии ФСБ России».

• Генерал-лейтенант Леонид Андреевич Постников:

«Для себя Питовранов определил: чекист — профессия особая. В тот период времени от выпускника школы требовались: высокая идейная убежденность, нравственность и моральная чистота. От слушателя требовалась активная жизненная позиция, боевой чекистский характер. Поэтому основу профессионального мастерства будущих чекистов закладывали специальные дисциплины. И Питовранов лично принимал участие в разработке характера специальных знаний, уровня теоретической разработки

оперативных проблем, помогал определять их прикладное значение для конкретных факультетов. Для этого активно приглашал оперативных руководителей центрального аппарата КГБ участвовать в учебном процессе.

Он требовал от руководителей специальных кафедр разрабатывать новые специальные курсы по созданию необходимых учебных материалов и подготовке профессорско-преподавательского состава. Лично осуществлял контроль и помощь, вникал в детали и своим отношением вдохновлял коллектив.

Большое внимание Питовранов уделял повышению качества языковой подготовки. Ему удалось значительно расширить возможности прохождения слушателями языковой практики, укрепить кафедры иностранных языков опытными кадрами.

Успешно решал вопросы комплектования Высшей школы переменным и постоянным составом, лично беседовал с каждым кандидатом. При его непосредственном участии в 60-е годы фонд библиотеки Высшей школы пополнился литературой из Военного института иностранных языков…

Принято считать, что главной фигурой в учебном заведении является Учитель. И это правильно. Питовра-нов добивался от всех сотрудников школы участвовать в процессе воспитания слушателей. Труд коллектива Высшей школы КГБ СССР в его время положительно оценивается руководством Комитетом госбезопасности, Советским правительством и Президиумом Верховного Совета СССР».

Увольнение в запас

Наши добрые качества больше вредят нам в жизни, чем дурные.

Лев Толстой

На одном из музыкальных вечеров в Школе выступал Юрий Визбор. Так вот поэт-песенник и музыкант-гитарист исполнил песню, написанную на свои стихи под названием «Наполним музыкой сердца». Слушая ее, защемило сердце, когда в голове зашевелились воспоминания о жизни, по существу, моего педагога и воспитателя генерал-лейтенанта Е.П. Питовранова. Эти слова задели за живое. Приведу несколько строк:

Наполним музыкой сердца,
Устроим праздники из буден,
Своих мучителей забудем.
Вот сквер — пройдемся же до конца.
Найдем любимейшую дверь,
За ней — ряд кресел золоченых,
Куда, с восторгом увлеченных,
Внесем мы тихий груз своих потерь,
Внесем мы тихий груз своих потерь…

«Тихий груз своих потерь…»

50-летний отрезок жизни Е.П. Питовранова автор, по возрасту годящийся ему в сыновья, имел право сравнивать по состоянию здравого ума и твердой памяти со своим таким же юбилеем в лихие 90-е годы. Сил было еще достаточно, но по приказу «нового Семичастного» в КГБ СССР — Бакатина автор 1 февраля 1992 года был уволен тоже почти в 50-летнем возрасте, но по собственному рапорту. Уходили в то «препоганое время», как его называл любимец М.А. Шолохова, поэт и редактор журнала «Россияне» В.И. Фирсов во время интервью автору, многие профессионалы и по желанию, и без оного. Обрывалась внезапно связь времен. Ломался строй идей. Менялась власть, отрицающая все, что было в прошлом. Людей моего поколения, готовых активно трудиться на благо Родины, далеко не «среднего» возраста, их выталкивали

из общества, и они постепенно уплывали, утекали в Лету. А потом о них забывали те, кто прогнулся, приспособился, увлекся идеями новых хозяев жизни. Говорят, это закономерно, когда новое порывает со старым.

Однако на спирали бытия упрямо повторялись аналогичные картины прошлого. Приход новых реформаторов на смену Горбачева не сулил ничего хорошего. Ельцин стране оставил столько проблем, что до сих пор она не можем поставить локомотив российской государственности на рельсы. Пока его только приподняли, а поэтому он не едет вперед, а стоит на месте. Не дай бог, если локомотив России не удержат легковесные краны, и он снова завалиться на бок.

Россия и ее люди хотят не бисмарковского предупреждения, что россияне медленно запрягают, зато быстро ездят. Они желают *сегодня* рабочих мест, а не *завтра* и движения вперед, потому что народы восточной ветви и страны — славяне по алфавиту — Белоруссии, России и Украины — в принципе «…рождены, чтоб сказку сделать былью». И они ее обязательно сделают, но уже с новыми поводырями, которые будут смелее, рачительнее и умнее. Двумя словами, без мягкотелых либеральных интеллигентов. Любые проблемы решаются тогда, когда их хотят решать. Слабовольные, бесхарактерные, при отсутствии твердых убеждений и трусливые правители расписываются в собственной беспомощности.

Евгений Петрович был не из этой категории людей — он делал все, чтобы советский локомотив быстро ехал к высокой цели.

Ставил на рельсы и мчался на нем…

14 декабря 1965 года решением Секретариата ЦК КПСС Питовранов был освобожден от работы в органах КГБ и 1 февраля 1966 года уволен в запас по статье 59 пункту «в» — «сокращение штатов». Для многих его сослуживцев — начальников и подчиненных — причины такого решения были не совсем ясны. Возможно, такой кадровый ход связан был в тот период с борьбой различных группировок в руководстве на Лубянке, а больше всего на Старой площади.

50-летний юбилей в 1965 году генерал-лейтенанта Евгения Петровича Питовранова мне запомнился — его скромно отметили в Высшей школе.

И вдруг в феврале 66-го, после того как недавно отзвучали скромные приветствия юбиляру, последовал звонок с Лубянки: его приглашал на беседу к себе председатель КГБ В.Е. Семичастный. «Что за торопливость такая после юбилея? — подумал Евгений Петрович. — Может, снова куда-то

понадобился?»

Владимир Ефимович поздравил генерал-лейтенанта с юбилеем и после некоторых дежурных фраз предложил Евгению Петровичу написать рапорт на увольнение. Объяснил он свое решение понятным и всепогодным обстоятельством: надо, мол, уступать дорогу молодым. А потом бывший шеф комсомола отделался привычно-холодной фразой: «Если возникнут проблемы с работой — обращайтесь».

Сказал — «не помогу», а «поможем».

Дальше Семичастный сделал паузу, показывая этим самым, что разговор окончен. Дико, внезапно, бестактно! Понятно было, что по своей инициативе председатель КГБ не мог отдать приказ об увольнении зрелого, подготовленного, опытного профессионала, способного еще потрудиться во благо Отечества. Тем более в звании генерал-лейтенанта. Чего тут было больше личной инициативы или «есть, Ваше Высокоблагородие»? Субординация — да! Но не так же бездушно и казенно! Именно такие люди, пришедшие «на ловлю счастья и чинов», бывают крайне равнодушны к судьбам подчиненных и часто предают своих начальников.

Семичастный, у которого тоже была «не по Сеньке шапка», много сделал в организации заговора против Хрущева за два года до этого — он предал своего хозяина. Именно Семичастный сообщил первому секретарю ЦК КПСС о том, что он отстранен от власти «по указанию Политбюро», когда Никита Сергеевич вернулся в Москву из отпуска, отдохнув на Черном море. Председатель КГБ ждал его в аэропорту с группой оперативных работников. Семичастный теперь уже смело рассказал Хрущеву о его смещении со всех постов руководства партии и советского правительства.

— Что-о-о? — округлил рот теперь уже отставник.

— Никита Сергеевич, советую вам не сопротивляться коллективному решению, — заявил шеф госбезопасности.

«”Ах, и ты, Брут, тут…” — “боевой комсомолец, ставший во главе госбезопасности?” — могло пронестись что-то подобное в голове Хрущева. — И ты оказался в стане моих предателей? Наверное, не обошлось без влияния твоего наставника Шелепина? Как я ошибался в вас, мальчики, использованные сейчас заговорщиками для государственного переворота…»

Здесь он попал в точку — в самую десятку. Это был теперь уже для бывшего руководителя Советского Союза момент истины.

В подтверждение сложностей характеристики того времени я решил обратиться к немецкому другу Евгения Петровича Питовранова генерал-полковнику Маркусу Вольфу, который в

своей книге «Игра на чужом поле» написал:

«Серова на его посту сменил властный и амбициозный Шелепин, который продержался только три суровых года. Его преемником стал Владимир Семичастный. Это был доброжелательный и дружелюбный руководитель. Но за внешней приветливостью скрывался умный, расчетливый, идеологически жестокий человек, который сделал стремительную карьеру в КГБ, сумев занять правильную позицию и перейти на нужную сторону, когда в 1964 году Хрущев был смещен со своего поста и его пост занял Леонид Брежнев. Семичастного мало интересовала внешняя разведка, которую он целиком доверил Александру Сахаровскому, глубоко уважаемому как своими коллегами, так и мной. Впрочем, ко мне лично Сахаровский относился как к сыну, что соответствовало и разнице в возрасте».

Думается, Е.П. Питовранов и Маркус Вольф были солидарны в оценке деятельности Семичастного на самом высоком посту в системе госбезопасности.

Новый Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев в начале 1966 года получил от Светланы Аллилуевой ПИСЬМО:

«Уважаемый Леонид Ильич!

31-го октября после продолжительной болезни скончался мой муж, член компартии Индии Браджеш Сингх. Прошу Вас помочь мне выполнить мой последний долг перед ним — я должна отвезти прах покойного его родным в Индию. Таковы национальные традиции…

Поездка займет 7-10 дней, не более. Мне нужно также проехать в местечко Калланкар на Ганге, где живет брат мужа и где прах будет брошен в реку…

Я заверяю Вас, что ничего предосудительного с политической точки зрения не случится…»

Надо отметить, что к этому времени дочь Сталина написала книгу «Двадцать писем к другу». Оно прошла цензуру. Ничего крамольного в ней КГБ не обнаружил. И все же эта личная просьба Светланы поставила в тупик советское руководство. И Политбюро 4 ноября 1966 года принимает решение:

«Поручить тов. Семичастному выделить двух работников для поездки с ней в Индию. Тов. Бенедиктову (посол СССР в Индии. — *Авт.) оказать помощь во время пребывания их в Индии».*

С местом проживания посол справился: для Светланы и оперативников нашли место в дипломатической миссии. А операция сопровождения мадам провалилась — она везде и всюду ходила без «сторожей».

Уже она захоронила прах мужа, уже был просрочен срок ее

пребывания за границей, но никто почему-то не торопился ее отправить назад в Союз. А «принцессе» вдруг захотелось пожить в родовой деревне Калланкар умершего супруга. Уехала туда на несколько дней и… пропала. Потом она вернулась в Дели и стала «готовиться» к поездке в Москву.

Но, по данным резидента советской внешней разведки в Дели Радомира Богданова, у Светланы созревали эмигрантские настроения. Возможно, и от чрезмерного употребления спиртного. Руководство посольства содержанию этой информации не поверило. А через несколько дней, выйдя на очередную прогулку, она оказалась в посольстве США. Воздух «свободы» и обещание опубликовать ее книгу в Америке под большой гонорар вскружили ей голову.

И вскоре, действительно, на книжных полках американских городов появилась книга Светланы Аллилуевой «Двадцать писем к другу». Она вызвала немало шума. Рукопись сильно отличалась оттого варианта, который просматривали эксперты из Комитета госбезопасности. Функционеров партийного ареопага возмутило утверждение Светланы, что в ошибках СССР виновен не только Сталин, а все его окружение, а поэтому и вся партия: и в раскулачивании, и в строительстве ГУЛАГа, и в расстреле цвета нации, и в низком уровне жизни населения…

Политологи из ЦРУ, спланировавшие и осуществившие побег Аллилуевой за границу, четко определили эффект от измены Родине и от публикации книги. Брежнева это задело за живое, и он принял решение в отношении председателя КГБ СССР. Вот так Семичастный 18 мая 1967 года «загремел под фанфары» с выражением на лице открытого рта почти что в жанре мунковского крика «За что-о-о???», когда Брежнев, безразлично посмотрев в его сторону, сообщил об отстранении его от должности председателя Комитета госбезопасности. Ему будет скупо объяснено, что поводом для увольнения стали недоработки его ведомства — «неспособность предотвратить бегство дочери Сталина Светланы Аллилуевой на Запад…» и «недостатки в работе с негласным аппаратом в современных условиях». Контрдоводов Семичастного слушать никто не стал.

После этого, по воспоминаниям Петра Ефимовича Шелеста, бывшего Первого секретаря Компартии УССР, он был практически выставлен за дверь, но не унижен. Партия свои кадры берегла. Его назначили заместителем главы правительства Украинской ССР, где он проработал с 1967 по 1982 год.

На смену Семичастному пришел Юрий Владимирович Андропов, эпоха которого в Комитете госбезопасности продлится чуть более 15 лет — с 18 мая 1967 года по 26 мая 1982 года. Его

деятельность была отмечена относительной стабильностью в работе КГБ. Авторитетность председателя Комитета госбезопасности до сих жива в умах его сослуживцев, хотя были взлеты и падения, победы и поражения, достоинства и унижения. Жизнь, она такая, как есть, — ровная и с оврагами. Еще вчера зрелый человек летал и улыбался, а сегодня — колени в кровь, и он плачет, как в детстве.

После того как Брежнев объявил Семичастному об увольнении, куда девались напыщенность и высокомерие бывшего комсомольского вожака, случайно занесенного ветром партийных перетасовок на олимп союзного ведомства госбезопасности. Недаром говорится: «Тот, кто пустил в свою натуру ветер высокомерия, поставил свою свечу на сквозняке». Вот этот сквозняк и задул Семичастного.

Но вернемся к Питовранову.

Думается, у опешившего Евгения Петровича зародились вопросы: почему?., за что?., кто хочет меня убрать? Здоровье есть, опыта — не занимать, в прегрешениях не замечен. А за то, что работал во времена Абакумова и Сталина, отсидел незаслуженно и вышел достойно, доказав палачам свою невиновность.

Разговор в кабинете в прошлом комсомольского вожака был короток. Всем своим видом председатель КГБ давал знать, что вопрос решен окончательно, с явным намеком на очень высокий уровень.

Еще совсем недавно не унимался мстительный Хрущев, расправляясь с теми, кто умудрился родиться в то время, когда судьба толкнула их на службу в бушующее море страстей при таких руководителях страны как Сталин, Маленков и Хрущев и ведомства госбезопасности — как Берия, Абакумов и Серов.

Покинув кабинет шефа, несколько побледневший и удрученный происходящим теперь уже генерал-лейтенант запаса Евгений Петрович Питовранов задал себе краткий, но емкий почти по М.В. Исаковскому вопрос: «Куда ж теперь идти солдату, кому нести печаль свою?..» Конечно же, первоначально в семью, которая искренне и утешит, и посоветует. В то же время оказаться добычей беспредельного одиночества он не хотел. Ему претило безделье, потому что в его голове клокотал гейзер идей, мыслей, вариантов, предложений по совершенствованию деятельности в некоторых звеньях госбезопасности.

А потом поплыли рассуждения:

«В МИИТе на инженера не доучился… — забрали в органы госбезопасности. Профессия токаря… — но какой из меня специалист у станка с таким зрением. Конечно, могу закончить еще педагогический вуз и работу, вплоть до учителя, найду…

Может, возьмут в какой-нибудь юридический вуз в качестве преподавателя?»

Отрицательно окрашенные эмоции запеленали, скрутили по рукам и ногам его только на несколько часов. Потом туман опустошенности стал постепенно рассеиваться с воспоминаниями строки из «Песни о веселом ветре»: «Кто ищет — тот всегда найдет!».

Он еще гонял мысли по кругу о будущем трудоустройстве, как расстроенного Питовранова поддержали его ученики. И Филипп Бобков, работавший тогда заместителем начальника контрразведки, и Борис Иванов, заместитель начальника Первого Главного управления КГБ СССР — внешней разведки. Они предложили должность заместителя председателя Торгово-промышленной палаты (ТПП).

Как со временем о том периоде напишет соратник Питовранова по разведке и службе в ТПП А.В. Киселев:

«Итак, отставка в 50 лет! Это тот самый возраст, когда любой профессионал, тернистыми тропами одолевший пик своих возможностей, трудится уверенно и в высшей степени результативно, когда он работает главным образом “на отдачу". Логика, однако, часто уступает напору «политической целесообразности, а еще чаще — банальной человеческой зависти. Только благополучные чиновники, никогда не рисковавшие, а потому и не падавшие с высот, этого не поймут — такое надо пережить».

Именно в тот момент Евгений Петрович скажет себе:

Тогда впервые в жизни я почувствовал, как сильно может болеть сердце. Трудно было скрывать от друзей опустошающее и в чем-то схожее с тюремным заключением чувство безысходности».

Пройдет немного времени, и он утвердится во мнении, что каждый новый мир — это возможность. Второй шанс на осуществление мечты. А ведь его главным профессиональным стержнем был лозунг: «Ни минуты без умственной работы во имя безопасности страны». В этом новом мире он почувствовал, что сумеет развернуться в нужном для государства направлении.

Стал размышлять. В голову приходили мысли и свои, и чужие. Он понимал, что лучшая месть — это забвение того, кто мстит, оно похоронит врага. А что счастье? Оно капризно и непредсказуемо, как бабочка: когда ты пытаешься его поймать, оно ускользает от тебя, но стоит отвлечься, и оно само спустится прямо в твои ладони и скажет понятным языком: бери меня и иди со мной по жизни. Он не пытался искать тех, кто ему мстит, считая это пустой затеей, потому что не знал, что такое мстительность.

Евгений Петрович понимал, что его опорой должны быть в этот нерадостный час родственники и близкие друзья. Те, кто остывал к нему, это уже были неблизкие, мнимые, ненадежные люди. Они выпадали из обоймы под названием «друзья», потому что держали нос по ветру. Скольких таких он встречал на своем пути, когда принимал за доброту — эгоизм, за дружбу — привязанность.

«Но мягкотелого интеллигента из меня не получится, — рассуждал Евгений Петрович, — я должен найти себя. Впереди еще может быть, дай Бог, добрая половина жизни. Нет — это много. Во всяком случае на три десятка лет рассчитываю. Здоровье позволяет делать такие прогнозы. Память есть, мысли живучи, ноги ходят, планы роятся включиться в родную стихию, ее надо только найти».

Торгово-промышленная палата СССР и «Фирма»

Нужда есть меньший позор, чем глупость.

Томас Гоббс

Время соткано из неожиданностей и парадоксов. Пришел час сравнительно молодого чекиста стать пенсионером. Этот период совпал с приходом руководителем КГБ СССР Юрия Владимировича Андропова. Евгений Петрович Питовранов после увольнения не скис, не поник в желании трудиться на благо Родины. Понимал: пенсия не зарплата. Нуждался в чем-то — да! На плечах все же многодетная семья. Но такое состояние он считал явлением непозорным — пенсию заработал честным трудом.

Глупостей, а тем более преступлений не совершал, никого не предавал и не продавал, никого не обидел, за исключением немецкой агентуры, завербованной из числа советских военнопленных. Он имел в виду тех, кто при попадании на нашу территорию, в тыл РККА, не пришли в органы госбезопасности с повинной. Поэтому они были предателями Отчизны и ее народа. Они спускались с небес на парашютах, выпрыгнув из вражеских самолетов, или пешкодралом воровски преодолевали тайно линию фронта для того, чтобы шпионить и убивать соотечественников, подрывая в прямом и переносном смысле наши производственные мощности, склады вооружения, воинские эшелоны, партийных и советских руководителей.

Они стреляли в него, и он им отвечал тем же и в годы Большой войны, и на войне после войны в борьбе с бандитами разного происхождения от бандеровцев на Западной Украине и до «лесных братьев» в Прибалтике.

В нем ни на грамм не было той каратаевщины, того кротко-незлобивого отношения к конкретному злу, о которой когда-то писал Л.Н. Толстой в романе «Война и мир». В отставнике бурлила энергия искать, придумывать новые формы работы во благо разведки и контрразведки советского государства. У него всегда жили интересные идеи совершенствования негласной работы как в разведке, так и в контрразведке. Это был действительно кладезь оперативного ума.

И когда Евгений Петрович, находясь в самом расцвете сил и возможностей, оказался практически не у дел, настоящие друзья не отвернулись, не покинули его. Это были люди военной и послевоенной закалки. В числе наиболее близких друзей, обретенных Евгением Петровичем в годы службы в системе госбезопасности и оказавших ему самую действенную помощь в трудную годину внезапного увольнения, был генерал-лейтенант Борис Семенович Иванов.

Их судьбы неоднократно переплетались. Они были почти одногодки: Питовранов родился в 1915 году, Иванов — в 1916-м. Так получалось по жизни, что в тягостные минуты они были рядом, оказывая не только знаки внимания, но и конкретно помогая друг другу в решении служебных вопросов. Они оба понимали одну непреложную истину: настоящий друг тот, кто может, как на духу, поведать обо всех своих бедах, но не делает этого. Беды друг у друга Питовранов и Иванов познавали интуитивно, по наитию и подсказке внутреннего голоса. Разница в званиях, должностях, погонах не имела никакого значения. Это и есть квинтэссенция понятия дружбы.

Они познакомились зимой в далеком 1942 году, когда немцы, облюбовав вологодские непроходимые леса, массово забрасывали туда свою агентуру и диверсионные группы. Абверовцев привлекали эти места глухоманью, но одновременно и развитостью транспортных коммуникаций. По железной дороге, даже на товарняках, можно было оперативно выбраться из этих мест и оказаться или в столице, или в промышленных центрах Приволжья, Поволжья, Приуралья и даже Сибири. А там уже творить свои темные или совсем черные дела.

Е.П. Питовранов руководил Кировским областным управлением НКВД, но как сотрудник оперативной группы при Главном штабе обороны оказывал помощь и вологодским соседям. Питовранов — комиссар госбезопасности, что приравнивалось в армии к званию генерал-майора, заметил в то время деловые качества вологодского оперативного работника майора Иванова.

Закончилась Победою война. Генерал-майор Е.П. Питовранов был назначен начальником Второго Главного управления МГБ СССР, а затем и заместителем министра. Он практически руководил всеми территориальными органами — республиканскими министерствами и областными управлениями госбезопасности. Евгений Петрович, находясь на очень высокой должности в системе МГБ, принял за правило раз в два-три месяца приглашать периферийных руководителей и даже оперативных сотрудников из самых отдаленных мест на

собеседование для анализа о проделанной за конкретный срок работе. Такая методика общения давала ему возможность держать руку на пульсе контрразведывательного процесса огромной страны, глубоко вникая в особенности оперативной обстановки на местах — в далекой от Лубянки глубинки.

В 1948 году он принимал сотрудников Вологодского областного управления МГБ. Расставаясь с ними, неожиданно для других оперативников попросил задержаться начальника отделения майора Иванова. После череды воспоминаний о «странствиях» по вологодским лесам и разговора о житейской проблематике Питовранов предложил ему должность в Москве.

— Борис Семенович, мне кажется, ты засиделся в Вологде. С твоим опытом надо покорять иные вершины. Я предлагаю тебе Москву и должность начальника отделения американского отдела Второго главка МГБ. Там сегодня вакансия. Согласен?

— Посчитаю за высокое доверие, — правильно с кадровых позиций ответил майор Иванов.

С той поры их отношения, как писал младший их коллега генерал-майор А.В. Киселев, можно принять за эталон искренней, бескорыстной, верной дружбы. Совершенно разные по складу характеров: широкий, удалой, немного шумливый, с громким голосом и заразительным смехом Питовранов и спокойный, всегда невозмутимый, с тихой тональностью при разговорах и немного стеснительной улыбкой Иванов, они в чем-то дополняли друг друга и в то же время во многом были удивительно схожи: вдумчивы, любознательны, скромны, глубоко интеллигентны.

Работа в контрразведке по американской линии для Иванова стала тем историческим примером, который позволял ему продолжать успешно работать в разведке, куда он перешел в 1953 году по приглашению Питовранова, возглавлявшего в то время это ведомство. Вскоре Борис Семенович уже руководил американским отделом. Потом он вспоминал: *«Приобретенный в контрразведке опыт оказался очень ценным и для последующей работы во внешней разведке, потому что прояснил особенности “почерка” американских разведчиков, их сильные и слабые стороны как объективные составные части национального характера, позволил “почувствовать” их в конкретных оперативных ситуациях. Для меня эти наблюдения оказались чрезвычайно важными».*

Американским отделом он руководил в ПГУ КГБ до 1962 года — до отъезда в Нью-Йорк для руководства там резидентурой советской внешней разведки. И в Штатах Борис Семенович проявил себя как человек со спокойным и уравновешенным характером и аналитическим складом ума. Умение строить

принципиальные и вместе с тем добрые товарищеские отношения позволили ему профессионально быстро расти без всяких «кадровых лифтов» и «телефонного права».

Со временем генерал-лейтенант Борис Семенович Иванов станет одним из руководителей разведки, а в 1965 году — первым заместителем начальника ПГУ КГБ при СМ СССР и главным консультантом по разведке Группы консультантов при председателях КГБ Ю.В. Андропове и В.М. Чебрикове. С 17 марта 1979 года он отправится в долгосрочную и опасную командировку в Афганистан в качестве руководителя Оперативной группы КГБ СССР и возглавит по линии КГБ СССР проведение двух важных операций — «Байкал-79» и «Шторм-333».

Но вернемся в середину 60-х годов.

Это было как раз то время, когда Семичастный уже готовил план увольнения Евгения Петровича Питовранова из органов госбезопасности…

На выручку своему боевому товарищу бросился его друг Б.С. Иванов — он вместе с Е.П. Питоврановым составляли своеобразный чекистско-творческий союз. Именно по протекции Бориса Семеновича Евгению Петровичу Питовранову в год увольнения со службы предложили работу в Торгово-промышленной палате (ТПП)

СССР, и он согласился. Молодой отставник быстро нашел себя в новой обстановке и со временем как новатор предложил Иванову схему ведения разведки с позиций ТПП. Он считал, что для каждого нового предложения обязательно нужна новая строка. И он ее нашел…

В 1966 году Е.П. Питовранова избирают на общем собрании заместителем председателя Президиума Торгово-промышленной палаты СССР. В течение пяти лет, с 1983 по 1988 год он возглавлял ее. В последние годы жизни Евгений Петрович работал консультантом представительства Итало-российской торговой палаты в Москве. Однако вернемся назад, в годы «становления» ветерана на новом участке работы и негласной службы, которую он не забыл, постоянно думая о ее совершенствовании.

На должности заместителя руководителя ТПП Е.П. Питовранов ожил, почувствовал тонкость оперативной обстановки, появились присущие ему решительность и инициативность. Куда девались первоначально появившийся грех небольшой растерянности. Теперь он окунулся в атмосферу, где можно было найти новую конкретику в разведывательной работе. Он открыл здесь пласт новых возможностей для Комитета госбезопасности, особенно в разведывательной деятельности, с

позиций внешнеторговых связей. Ничтоже сумняшеся, он понял, что любой успех заставляет людей быть более бдительными, и потому что удачи и победы часто воруют человеческие добродетели. Он знал цену зависти, предательства и коварства, поэтому хорошо разбирался в сослуживцах.

Стал трудоустраивать способных ветеранов — бывших коллег, в силу разных обстоятельств оставшихся не у дел. То время ломало людские судьбы. Вскоре, когда стал руководителем ТПП, глубже стал представлять перспективы для легальной разведки с использованием западных предпринимателей, бизнесменов и банкиров.

Так, по сути, были заложены основы разведывательной организации нового типа. Постепенно, пока на бумаге и в голове формировались контуры нового добывающего органа, чем-то напоминающего службу внешней разведки в миниатюре, параллельно разрабатывались задачи и направления деятельности.

Условно он с коллегами назвали свое подразделение «Фирма». В Первом главном управлении КГБ эту идею поддержал Борис Семенович Иванов и его руководитель генерал-полковник Александр Михайлович Сахаровский (1909–1983), который был направлен в органы госбезопасности еще в 1939 году с должности секретаря парткома Балтийского государственного морского пароходства. Его скоро назначили заместителем начальника отделения Второго отдела транспортного управления НКВД СССР по Ленинградской области.

В 1940 году он более семи месяцев находился в загранкомандировке с разведывательными целями. Войну встретил заместителем начальника Первого (разведывательного. — *Авт.)* отдела Ленинградского Управления НКВД. В 1943 году стал начальником этого отдела. Он не покидал Ленинграда в течение всей блокады города. При его участии было создано и переправлено за линию фронта более 40 разведывательно-диверсионных групп. Он участник и один из руководителей операции по ликвидации немецкой резидентуры СД в Ленинградской области и разведгруппы из «абверкоманды-104». На его счету была и разоблаченная вражеская агентура.

С сентября 1946 года Александр Михайлович — в Москве, в центральном аппарате МГБ СССР. С 1950 по 1952 год находился в загранкомандировке в Румынии. В мае 1956 года его утвердили в должности начальника ПГУ КГБ СССР (внешняя разведка. — *Авт.)*. Это пост он занимал более 15 лет, больше чем кто-либо другой за всю историю внешней разведки СССР и Российской

Федерации. С 1959 года — член Коллегии КГБ СССР.

Он много был наслышан о Питовранове, своем высоком московском руководителе. Искренне уважал его и прислушивался к мнению коллеги. Его заместитель генерал Борис Семенович Иванов несколько раз предлагал встретиться с Евгением Петровичем, но Сахаровский так и не решился. Отделался только замечанием: «Удобно ли мне вторгаться в дела, которыми занимается сам Юрий Владимирович Андропов?»

Вскорости Ю.В. Андропову, которого заинтересовала новая сфера деятельности «молодого» пенсионера со способностями крупного руководителя, рассказали о целях и стратегии работы фирмы «Фирмы». Через несколько дней Юрий Владимирович встретился с Евгением Петровичем Питоврановым на конспиративной квартире. Председатель КГБ внимательно слушал конкретные предложения генерала запаса, делая изредка пометки в блокноте. Потом они стали обсуждать некоторые детали новой разведывательной организации, работающей «нелегально с легальных позиций». В конце беседы председатель КГБ заметил, соглашаясь с предложениями Евгения Петровича, что нельзя ограничиваться существующей структурой разведывательной работы. Поэтому открывающаяся возможность перепроверки данных, получаемых по линии разведок КГБ и ГРУ и предлагаемых Питоврановым, не просто интересна, но и чрезвычайно важна в государственном масштабе.

Материалы по «Фирме» докладывались и Леониду Ильичу Брежневу, который тоже согласился в необходимости иметь такой орган, возникший практически на оперативной целине, хотя было известно, что ФБР и ЦРУ США уже давно используют этот канал в СССР и в других странах социалистического блока.

Андропов впоследствии провел еще несколько встреч с Питоврановым за пределами Лубянки, на одной из конспиративных квартир. Все коллеги надеялись, что новый председатель КГБ вернет в строй действующих работников госбезопасности генерал-лейтенанта запаса. Не вернул… и вот почему. Потому, что в этой оперативной ипостаси он видел только Питовранова, без военной формы, в цивильном костюме. Других кандидатов он бы не рассматривал. Светиться на этом участке действующим работником председатель посчитал неоправданным и не только в смысле конспирации. Здесь нужен был человек с «крышей», хотя многие, в том числе и иностранцы, знали, что он человек с Лубянки, но уже пенсионер. В этом была изюминка разворачивающего большого дела.

При этом Е.П. Питовранов «врос» в ТПП крепко, проработав там, как уже говорилось выше, до 88-го года. Он был нужен,

потому что появились конкретные результаты ответственейшей работы. В ПГУ даже был срочно создан отдел «П», названный в честь Питовранова. Именно оперативные работники «Фирмы», а никто другой, на рубеже 70-х — 80-х годов получили от своего агента-бизнесмена из числа иностранцев информацию о том, что один из советских послов в Северной Америки, член ЦК КПСС якобы сотрудничает с американской разведкой.

Ю.В. Андропов, получив и перепроверив эти сведенья через другие источники, срочно отправился докладывать обобщенную справку по этой ситуации Леониду Ильичу Брежневу. Тот внимательно прочитав документ, почмокал ртом и с негодованием холодно отрезал: «Среди членов ЦК не может быть предателей!» Говорят, вернувшись на Лубянку, Юрий Андропов порвал документ на глазах у своего заместителя Виктора Чебрикова. А посол пошел в гору по партийной линии и стал новым серым кардиналом в партии, каким являлся еще недавно Суслов при Брежневе, а затем этот суетливый партийный функционер стал прорабом «перестройки» при Горбачеве.

Можно себе представить, что испытывал Питовранов, видя как «агент влияния» продолжал свое восхождение к партийному Олимпу, фактически игнорируя органы госбезопасности. У него теперь был непробиваемый панцирь. Этот щит держали над его головой сначала Горбачев, а потом Ельцин. Подробнее о парадоксе с членом Политбюро А.Н. Яковлевым будет рассказано ниже.

Вспомнился мне и другой, почти аналогичный случай из личной практики, когда подразделение работало по делу оперативной разработки на предателя и шпиона Чернова — технического работника сначала из ГРУ, а потом устроившегося на Старой площади. Как он пробрался в сердце партии — ЦК КПСС — знали только те, кто его рекомендовал на этот секретный объект государств, и, конечно, оперативники, ведущие дело разработки.

Когда начальник отдела отправился докладывать об этом факте первому заместителю председателя КГБ генералу армии Циневу, тот отреагировал по-брежневски: «Вы что, одурели? Какой шпион в сердце партии? Даже близко возле ЦК КПСС не может и не должно быть шпиона. Разве вы не знаете, что мы по партийцам, тем более на Старой площади, никогда не работали и не работаем…»

Через сутки, правда, Чернов был срочно уволен с работы, а военным контрразведчикам этот ответ Цинева не только усложнил работу, но чуть не провалил дело. А потом вообще начались чудеса в решете.

Ельцин осужденного на восемь лет шпиона Чернова выпустил из тюрьмы якобы по состоянию здоровья. Разве после таких провалов можно было спокойно работать контрразведчикам? Конечно, нет. Поэтому многие увольнялись, считая, мягко говоря, подобные действия высоких «арбитров» ошибочными и вредными для Государства Российского.

В начале 90-х годов, после смены руководства ТПП — председателя В.Л. Малькевича, ее возглавил бывший первый секретарь Московского горкома комсомола С.А. Смирнов.

В октябре 2001 года решением правления ТПП России Смирнов был отстранен от исполнения обязанностей президента палаты. Коллеги выразили ему вотум недоверия по результатам проверки ревизионной комиссии. Это решение было подтверждено IV съездом ТПП, состоявшимся 14 декабря 2001 года, избравшим новым президентом Палаты Е.М. Примакова. Это из области истории ТПП после ухода оттуда Е.П. Питовранова.

Как уже говорилось выше, в последнее годы жизни Е.П. Питовранов работал консультантом представительства Итало-российской торговой палаты в Москве.

Желтая пресса и либералы не унимались в борьбе против органов госбезопасности, критикуя их за прошлые ошибки и преступления всех чохом, глубоко не вникая в суть исторических срезов. «Пальбу» открыли и по Питовранову. В сентябре 1995 году в Москве состоялся процесс по иску Евгения Петровича против тележурналиста Владимира Молчанова по обвинению в клевете. Журналист заявил о причастности генерала к убийству председателя Еврейского антифашистского комитета, актера Соломона Михоэлса в 1948 году. Суд закончился мировым соглашением. Молчанов опроверг в эфире свою прежнюю информацию с обвинениями Питовранова в организации убийства артиста, получив уточняющие материалы об этом преступлении.

Питовранов понимал одну аксиому советской власти: партия не давала своих проштрафившихся в обиду, что потом ей и вышло боком. А советский народ потерял свое единое государство — СССР.

Но вернемся к питоврановской «Фирме», которая с каждым месяцем набирала обороты в организации тонкой работы с так называемым «еврокоммунизмом», с наиболее массовыми и авторитетными компартиями — французской, итальянской, испанской и югославской. Руководители их — Жорж Марше, Энрико Берлингуэр, Долорес Ибаррури и Броз Тито соответственно, претендовали на главенство в европейском коммунистическом движении. Приходилось органам

госбезопасности помогать аппарату КПСС в их миротворчестве. В этих делах сотрудники «Фирмы» делали тонкую работу еще тоньше. Они понимали, как бы ни грызлись политика и политики, их одолеют экономика и экономисты вместе с торговлей и торгашами. Это лошади и машины любого государства.

Но наше дело с ТТП связано с деятельностью спецслужб в интересах государства, поэтому «Фирме», руководимой Е.П. Питоврановым, удалось быстро наладить тесные деловые отношения практически со всеми евро-коммунистическими странами — вернее, с их руководителями. Несколько помощников из числа сотрудников торгово-экономических ведомств за качественно проделанную работу были награждены знаком «Почетный сотрудник госбезопасности».

Борьба за любую власть — всегда напряженная. Конфликтная степень противостояния и противодействия существующих социальных сил и организаций в вопросах отношения к той самой власти требовала глубокого внимания и тонкого понимания со стороны сотрудников «Фирмы», работающих за границей.

Последствия борьбы за власть по большей части деструктивны и разрушительны, ведущие к ухудшению положения страны и жизни ее граждан. Наглядным примером могут служить воцарение в ходе битв за власть в середине 80-х и начале 90-х двух Герострат СССР Горбачева и Ельцина соответственно. Выход был — поиск компромиссов, согласия, примирения с мыслями и думами о народе, а не об удовлетворении своих властных амбиций. Однако они этого не хотели понимать и принимать.

Но в реальной жизни бывало еще хуже в княжеской Руси, царской России и Советском Союзе. Делалось просто: своих оппонентов-претендентов на власть, в том числе и родственников, очередной князь, царь, вождь без зазрения совести отправлял на эшафот, хотя каждый из них знал, что они никакие не враги, не шпионы, не бандиты, а всего лишь элементарные типы, тоже возжелавшие власти.

Серьезные задачи ставились перед «Фирмой», имевшей свои «точки» — представительства практически во всех социалистических странах. От ее представителей поступали тревожные сигналы. Руководители почти всех соцстран вели с Советским Союзом двойную игру, дабы скрыть от «старшего брата» реальные размеры национального дохода, преувеличив свою «бедность». Цель-получить больше «халявных» дотаций. В СССР они видели хорошую «дойную корову». Эту фальшь понимало руководство КПСС на примере лидеров союзных республик, которые тоже грешили этой самой болезнью —

«халявой».

Жизнь показала, что в таком деле достаточно эффективным становятся торгово-экономические связи, установленные еще в период добрых межпартийных отношений. Евгений Петрович использовал то обстоятельство, что у некоторый части ветеранов разведки нашлось немало друзей в спецслужбах этих стран. Они отлично ориентировались в обстановке и часто разделяли с советскими коллегами их озабоченность о потоках экономической дезинформации.

Хрущевская эпоха породила бум диссидентства, особенно оно набрало обороты после чехословацких событий 1968 года. В общем, авторитет властей в СССР катастрофически падал, а оппозиции, наоборот, рос. После обмена диссидента Буковского на лидера чилийских коммунистов Луиса Корвалана по Союзу стала ходить весьма похабная частушка следующего содержания:

Поменяли хулигана
На Луиса Норвалана.
Где б найти такую б…,
Чтоб на Брежнева сменять.

Некоторые историки считают, что неприятности с диссидентством, забастовки рабочих в Польше, застойные явления в жизни своей страны очень угнетало Леонида Ильича Брежнева и серьезно повлияло на здоровье советского лидера, сведя его в могилу раньше срока.

Сложными и для «Фирмы» были эти застойные 70-80-е годы, когда старческий маразм крепчал, чем стали пользоваться нечистые на руки чиновники. Злоупотребления с их стороны в финансовых делах и сферах стали расти как грибы после дождя. Коррупция стремительно разрасталась. Касалось это и «святого семейства» генсека. Как писал очевидец тех событий А.В. Киселев:

«Поскольку такие злоупотребления носили в основном экономический характер, то борьба с ними стала прерогативой «Фирмы», или, вернее, существенной частью ее повседневных забот. Несколько разработок, которые вел отдел, в том числе и за рубежом, завершились нашумевшими судебными процессами. Однако нигде — ни в судебных заседаниях, ни в прессе — не прозвучало ни оной фамилии наших сотрудников. Пусть так и останется, они не тщеславны, но фамилии их руководителей я назову с гордостью — это были Б.С. Иванов и Е.П. Питовранов. Называю их с гордостью потому, что надо вспомнить реальную

атмосферу тех лет, когда любой намек на такие действия заканчивался однозначно — немедленным увольнением с "укороченной" пенсией и лишением всех заслуг…»

Приведу один из эпизодов, ярко описанных соратником Е.П. Питовранова генералом А.В. Киселевым:

«В один из дней, когда Андропов лежал в больнице… по "кремлевке", или ее еще называли "вертушкой", раздался звонок. Сняв трубку, я услышал незнакомый, довольно раздраженный голос:

— Что вы копаетесь в МВТ? Кто вам вообще разрешил вести там работу втайне от «второй» Службы?

Извинившись, я ответил, что не улавливаю, с кем имею честь разговаривать, чем еще больше накалил ситуацию:

— Я что, каждому должен представляться? Вы у меня недавно сидели, говорили, а теперь не узнаете? — И немного помолчав, добавил: — Это Цинев.

Конечно же, я сразу вспомнил совсем недавний к нему вызов, где уже находился председатель КГБ Украины Федорчук. Тот попросил устроить его дочь в Торговую палату. Узнав, однако, что оклады там очень низкие, отказался. Вот и вся встреча.

— Георгий Карпович, извините еще раз, слушаю вас внимательно.

— Это я тебя слушаю…

Я доложил исполняющему обязанности председателя КГБ, что непосредственно по Министерству внешней торговли мы не работаем, отлично понимая, что это — прерогатива исключительно Второго Главка. Но по поручению Андропова лишь проверяем сигнал, поступивший от закордонного источника, которого перед контрразведкой «светить» мы не можем. А обеспокоенность Цинева нам тоже понятна — никакая тень от наших действий не может пасть на других руководящих сотрудников МВТ.

— А… Ну если тут сам Юрий Владимирович… — в трубке что-то щелкнуло, и она замолчала.

Мне стала понятна и природа его озабоченности: паническая боясь Брежнева, он, Цинев, оберегал сына генсека, Юрия, который тоже состоял в заместителях министра Внешторга».

Ах, эти российские карачки! Грибоедовская фамусовщина: «Ну как не порадеть родному человеку!»

Эти карачки, эта фамусовщина сопровождают нашу страну с древности до сих пор. Помниться автору, как на Лубянке где-то в 70-е годы без энтузиазма обсуждали «шедевры» сочинительского дара Л.И. Брежнева, написавшего в течение пары месяцев три книги: «Малая земля», «Возрождение» и «Целина». Они

моментально были высокооценены разного рода шептунами из СМИ и даже Союза писателей СССР. За книги «писатель» получил высшую в литературном ремесле награду — Ленинскую премию.

Со временем история написания книг раскрылась. Когда помощник генсека Шевченко принес Брежневу очередную книгу, тот искренне удивился:

— Что это? Я написал еще одно произведение? И про что же оно?

Выслушав содержание, он одобрительно заметил:

— Правильная книга, хорошая, пусть читают…

Глядя на творческий выстрел Брежнева, написал более толстую книгу и его болгарский коллега Живков.

У государственника Евгения Петровича Питовранова по воспоминаниям его коллеги Александра Викторовича Киселева реакция была примерно такая: «Им только и остается, что книжки писать, естественно не самим, а литературным наемникам. Где наши герои — там обязательно победа, и они не рядышком, не с боку в этой борьбе, а обязательно в центре… Дурь какая-то. Страна топчется на месте. Нет движения и роста в экономике.

Махровый застой. Все валится — надо, засучив рукава, работать и работать!

Какие современные обобщения сделал Евгений Петрович по тому времени и как они похожи на нынешнюю жизнь в постсоветском пространстве! Развязанный веник на отдельные прутики не метет… Мы чаще и дольше стали отдыхать вместо работы, которой должно быть невпроворот.

С развалом Советского Союза все республики, в том числе и Российская Социалистическая Федеративная, потеряли много чего, так как четко на части был разорван работающий механизм экономической кооперации.

Во время пребывания Б.С. Иванова в Афганистане Е.П. Питовранов несколько раз летал в Кабул для решения разведывательных задач в рамках «Фирмы». При одной из поездок он чуть было не погиб при очень странных обстоятельствах. Да… — «Восток дело тонкое!»

И здесь реакция и физическая подготовленность спасли ему жизнь, когда кем-то снятая с каменного башмака груженная дровами тяжелая арба понеслась с горки прямо на него по узкой улочке на окраине Кабула. Слева и справа были стены домов и глухие глинобитно-каменные заборы. Он успел схватиться за толстую ветку, нависшую над оградой, быстро подтянуться до такого уровня, что телега пронеслась под ним.

Это был, можно сказать, очередной его день рождения. Во время борьбы с бандитами и немецкой агентурой таких «новых

дней рождения» тоже было немало.

Будучи полностью поглощен афганскими делами, Иванов, прилетая по разным служебным поводам в Москву, неизменно интересовался делами «Фирмы». При долгих отлучках друзья, тем более заряженные энтузиазмом важной работы, обычно скучают друг без друга…

Евгения Петровича Питовранова природа, руководители и он сам себя словно создавали для какой-то великой миссии. Но его движение к конечной цели всякий раз приостанавливалось под разными предлогами какими-то силами извне. Знания и ум оперативника от бога творили порой чудеса в сложных ситуациях. Он всякий раз находил выход из создавшихся сложных положений. Но на эти ситуации, случавшиеся с Питоврановым, его друг Борис Иванов всякий раз реагировал по-крыловски:

Орлам случается и ниже кур спускаться;

Но курам никогда до облак не подняться!

По роду новой работы в ТПП Евгению Петровичу приходилось часто ездить по миру на различные торгово-экономические форумы, съезды, совещания и конференции.

Это случилось в далеком австралийском городе Сиднее. Советскую делегацию, прибывшую на сессию Международного совета торговых палат, встретили не очень приветливо. Все утренние газеты запестрели сообщениями, что «русских возглавляет господин Питовранов, выступающий как вице-президент Российской торговой палаты, но совсем недавно бывший наиболее одиозным руководителем КГБ».

Надо отметить, что в этой стране после войны скопилось очень много всякого антисоветского сброда. В своей основе это были пособники немецких оккупантов: полицаи, шуцманы, бандеровцы, власовцы и прочая предательская нечисть. Со всей страны съехались на митинг сюда наиболее горластые недоброжелатели. Стоял сплошной ор. Они толпились с антисоветскими лозунгами и плакатами, выкрикивая: «КГБ, вон из Австралии!», «Нет — тирании!», «Русские, убирайтесь вон!», «Убийцы Бандеры!» и прочие.

Потом разъяренная толпа окружила гостиницу и зал, где планировалась сессия. Один из операторов американской компании Си-Эн-Эн обратился к Питовранову:

— Не откажет ли господин генерал в любезности дать интервью нашему каналу? Говорят, у вас такая необычная биография?

Репортер явно ерничал, издеваясь над советским представителем, будучи абсолютно уверен в отказе, ибо всем было известно, что без санкций сверху за границей гражданам

СССР запрещалось давать интервью иностранцам.

— Что ж, вы делаете мне заманчивое предложение, я готов ответить на любые ваши вопросы, хоть прямо сейчас!

Репортера такой ответ привел в явное замешательство. Он даже заволновался.

— Это правда, вы не шутите?

— Нет, это правда, я не шучу…

На этом разговор неожиданно прервался.

Спустя минут десять в гостиничном номере Евгения Петровича раздался телефонный:

— Это говорит исполнительный директор австралийского филиала Си-Эн-Эн. Уважаемый господин президент! Наша компания имеет честь пригласить вас на телепередачу в прямом эфире сегодня в восемь вечера. Автомашина и личная безопасность гарантируются.

— Спасибо, договорились, — последовал короткий и конкретный ответ.

С советским послом в Канберре ни времени, ни возможностей срочно связаться не оставалось. По тем суровым для такого поступка временам советский гражданин Питовранов шел на очевидный риск. Можно было и отказаться, никто бы его за это не осудил.

Вот как описал этот эпизод коллега Е.П. Питовранова А.В. Киселев, которому со всеми подробностями, очевидно, рассказал его начальник:

«Едва включились камеры, сразу два интервьюера учинили ему “перекрестный допрос":

— Почему вы, русские, всегда скрываете то, что хорошо известно всему миру? Лично вы много лет руководили разведкой и контрразведкой, в чем, понятно, никогда не сознаетесь! Вы чего-то боитесь? — спросил один.

— Наверное, ему стыдно об этом говорить, — с ехидной ухмылкой добавил другой.

— Вы правы, я, действительно, испытываю чувство стыда, поскольку вынужден вести беседу с крайне невежественными людьми. Не позволив сказать мне ни слова, вы априори обвинили меня во всех смертных грехах. В моей стране привыкли уважать гостей. Что касается моего прошлого, то с готовностью подтверждаю имеющиеся у вас сведения: я, действительно, за 30 лет службы достиг высоких постов, чем искренне горжусь. Я честно служил своей стране, своему народу. Скоро мне исполнится шестьдесят. Возраст заставил меня сменить работу, и недавно я перешел в бизнес, что не осталось без внимания моих западных оппонентов.

Когда господин Макнамара из кресла военного министра США пересел в кресло директора мыловаренной компании — это норма. Если господин Хелмс, бывший недавно директором ЦРУ, направляется послом в Иран — это тоже ни у кого не вызывает возражений. А вот когда господин Питовранов из КГБ переходит в Торгово-промышленную палату, то это сопровождается столь бурной негативной реакцией. Вы можете объяснить почему?

При анонсированной 30-минутке монолог Питовранова продолжался около часа шел в прямом эфире на многомиллионную аудиторию без купюр и перерывов.

Широта эрудиции, энциклопедическая память, образная речь приковали внимание не только зрителей, но и самих ведущих. Один из них по окончании трансляции подошел к Евгению Петровичу:

— Господин президент, извините, мы действительно вели себя по-свински… Более интересного человека у нас еще не было!

Утром следующего дня на открытии форума председательствующий, следуя регламенту и традиции, представлял новичков. Дошел до советской делегации:

— Леди и джентльмены! Мне особенно приятно представить вам того господина Питовранова, который вчера мужественно и с большим достоинством защищал честь своей страны и лучшим образом разъяснил необходимость всемерного развития экономических связей между странами. Именно об этом мы и будем говорить на нашем высоком собрании!

Делегаты поднялись со своих мест и обрушили на виновника торжества шквал аплодисментов. Это тоже транслировалось на всю страну. Мгновенно исчезли воинствующие пикеты, прекратились телефонные угрозы, полиция быстро навела порядок вокруг здания, где проходила международная встреча. Сиднейцы, узнавая Питовранова на улицах, одаривали его дружественными улыбками.

По приезде в Москву Е.П. Питовранов получил высокую оценку от руководства Советского правительства и лично от Ю.В. Андропова».

Вместе с тем один из западногерманских журналов дал такую характеристику Питовранова:

«Высокий, спортивного телосложения, с легкой походкой, неизменно элегантный, в очках с тонкой золотой оправой, с проницательным взглядом и открытой улыбкой, он производит впечатление скорее маститого ученого, чем бизнесмена. Удивительно легко и с очевидной готовностью он поддерживает светский разговор и политическую дискуссию, излучая при этом доброжелательность и неотразимую привлекательность».

В июле 1971 года руководителя советской внешней разведки А.М. Сахаровского сменил Ф.К. Мортин, который руководил ПГУ всего несколько лет. В дела «Фирмы» он не вникал, так как считал себя на этой высокой должности временщиком, фигурой «проходной», поставленной исключительно для передачи дел многим тогда известному кандидату. Окружение знало, что приготовился заменить его заместитель, недавний начальник секретариата председателя КГБ В.А. Крючков. Он пришел в органы из аппарата ЦК КПСС вместе с Андроповым, где был его помощником по секретарским делам. Вместе они пережили и венгерский путч в 1956 году, и Кубинский кризис, и хрущевскую «оттепель», и приход к власти Л.И. Брежнева со своей днепропетровской командой.

С назначением в 1974 году руководителем ПГУ В.А. Крючкова мало что изменилось в его отношении к «Фирме», так как основные вопросы решал его заместитель генерал-лейтенант Б.С. Иванов. Однако следует отметить, что трудно складывались отношения между Е.П. Питоврановым и новым начальником внешней разведки, к которому он относился с предубеждением, считая Крючкова слабовольным, каждый раз «прогибающимся» человеком перед любым начальником и с низкими профессиональными качествами.

Такая оценка Владимира Александровича была подтверждена временем и его близкими коллегами. Особенно его негативные качества проявились в перестроечные 80-е и тревожные 90-е, когда решалась судьба целостности страны.

После того как он был назначен председателем КГБ СССР к вопросам безопасности и защиты государства, да пусть простит читатель автора за тавтологию, снова возникли серьезные вопросы. Он не сумел разобраться и назвать «агентов влияния» Запада в обойме пятой колонны, побоялся вмешаться в гибельный процесс тройки заговорщиков в Вискулях — Беловежской пуще и, наконец, не мог адекватно отреагировать на государственный переворот в августе 1991 года, когда не без помощи советников из ЦРУ лжедемократы разорвали страну на части, отбросив Россию к периоду XVII века.

Мы, оперативники, тревожное звучание именно того времени ощущали всеми фибрами души. И сердцами, и умом. Руководители ГКЧП, имея в своих руках армию, госбезопасность, милицию отдали на заклание, на растерзание проходимцам народ и единое государство.

Недолго профессионал Б.С. Иванов ходил в ранге заместителя В.А. Крючкова. Скоро шеф отправит его, умницу, в Афганистан. Именно в этот период готовилась очередная попытка

вернуть Е.П. Питовранова в кадры действующих сотрудников. Но на пути положительного решения этого вопроса раньше стоял «серый кардинал» Михаил Суслов, поэтому о положительном ответе на этот вопрос нужно было забыть. И вот почему? Просто никаких надежд не существовало — они стали невозможными в силу возрастных параметров нашего героя.

Говорят, время — лучший учитель, но, к сожалению, оно убивает своих учеников. Сколько бы мы ни старались, жизнь бежит быстрее нас, а если мы еще и медлим, она — жизнь проносится пулей. И хотя она, как говорят мудрецы, кончается в последний день, уходит от нас ежедневно, чего мы, увы, часто не замечаем или делаем вид, что не замечаем.

Стремительно бегущая по времени жизнь радикально меняла обстановку в верхних эшелонах власти. Смешанное чувство пережил Е.П. Питовранов в связи с возвращением Ю.В. Андропова в ЦК партии. Теперь у них заметно сокращались возможности для деловых встреч, но, несмотря на частые случаи госпитализации серьезно больного генсека, они все-таки имели место, ибо интересы государства были выше обстоятельств. Из воспоминаний Е.П. Питовранова:

«*Говорили мы подчас подолгу, несколько часов кряду. Я излагал свои соображения, подкрепленные, как правило, оценками ведущих советских экономистов, Юрий Владимирович свои, часто несхожие. Вместе искали оптимальные варианты. Но о чем сейчас говорить? Надо вспомнить то конкретное время — ведь вокруг него сразу возникла глухая стена, и любое его предложение, не говоря уже о каких-либо практических шагах, априори встречало противодействие. Старческий синклит, засевший в ЦК и правительстве, довольно зло и решительно сопротивлялся любым новациям…*»

По заданию Андропова внешняя разведка резко усилила экономическую составляющую. «Фирма» изыскивала возможности увеличить свой вклад в работу спецслужб с позиций легальной разведки. И оперативная деятельность продолжалась, но, к великому сожалению, время новаторства постепенно уходило. Политическая зашоренность и экономическая безграмотность высшего руководства не помогали бороться с застойными явлениями, а усугубляли кризис в стране. Создавалось впечатление, что все делается «от лукавого». Для того чтобы преодолеть его в огромной стране по Пушкину «…от финских хладных скал до пламенной Колхиды», нужна была всего пятилетка. Пусть не сталинская, а андроповская. Но у Юрия Владимировича такого временного ресурса, увы, не оказалось. Победила тяжелая и изнурительная болезнь.

Во время похорон на Красной площади раньше времени включили микрофоны, и вся страна услышала вопрос Черненко, обращенный к Тихонову: «Шапки снимать будем? Опасно… Морозно…»

Пожалели себя… И обнажать головы не стали. Продолжилась «гонка на катафалках» у тех, которые считали 70-летний с гаком возраст «средним».

Долго и трудно переживал Евгений Петрович смерть Андропова. Он потерял не только друга, но и сокровенные надежды на капитальный ремонт государственной машины.

Усталой и разочарованной стране предстояло пережить еще очередного «очередника», тоже тяжелобольного человека на посту генсека, трижды Героя Социалистического Труда Константина Устиновича Черненко. Его отличали порядочность, скромность, но этого так мало без здоровья для того, чтобы руководить Советским Союзом. Однако его единогласно избрали 13 февраля 1984 года на этот важный государственный пост в то тревожное время. Свита слепила очередного короля. К этому времени 72-летний генсек выглядел как промежуточная фигура. Его хватило всего лишь на год…

Очередной преемник — румяный пухлощекий Михаил Горбачев вместо созидательной пятилетки затеял «перестройку» в Большом доме, каким был СССР. В это суматошное время он не смог «отделить овец от козлищ». По характеру угодливый, трусливый, непоследовательный, называвший себя «учеником Андропова», а потом его оскорбивший в одном из выступлений, привел страну вместе с обкомовским вельможей, страдающим алкоголизмом Ельциным к ее развалу и уничтожению.

И вот этот любимец Юрия Владимировича Антропова — тот самый Михаил Горбачев после смерти, скажет не то что очень нелицеприятно, но даже подло и гадко: *«Да что Андропов особенного сделал для страны?! Почему бывшего председателя КГБ, пересажавшего в тюрьмы и психушки диссидентов, изгнавшего многих из страны, средства массовой информации у нас и за рубежом не сожрали с потрохами? Да, он полукровок!* (Наполовину еврей. — *Авт.) А они своих в обиду не дают».*

А вот как говорит о Горбачеве один из могильщиков страны, русский философ и публицист А.А. Зиновьевым: *«Должен сказать, я восхищаюсь, как Запад провел всю холодную войну, с блеском провел и, действительно, добился перевеса и в интеллектуальном отношении над нашими руководящими идиотами».*

Заслуженно — да!

Приход к власти Михаила Горбачева, в чем была также

немалая заслуга председателя КГБ СССР Виктора Михайловича Чебрикова, правившего на Лубянке с 17 декабря 1982 по 1 октября 1988 годы, привел страну к катастрофе. Многим тогда моим коллегам приходила на ум библейская строка: «Отойди от зла и сотвори благо!» Не отошел и не сотворил…

Член Политбюро ЦК КПСС Егор Лигачев рассказывал о Чебрикове той поры, что председатель КГБ выглядел человеком постоянно угрюмым и мрачным: «Ну что поделаешь, характер такой. Он был немного замкнутый, на первый взгляд несколько суровый, но спокойный, надежный человек, и мы все ему верили как участнику Великой Отечественной войны, имевшему множество ранений. Как же ему не верить?…»

Потом Горбачев разочаруется и в Чебрикове, обвинив чекистов во главе с ним в «политической слепоте». А после сместил его с поста председателя КГБ, а через год отправил на пенсию.

Многие коллеги автора были поражены известием, что бывший председатель КГБ СССР принял предложение певца, дельца и депутата Госдумы Кобзона поработать начальником его охраны. 60-летный Чебриков согласился. А Кобзону, наверное, льстило: Как же? Сам бывший глава КГБ его персону охраняет! Какое унижение ради шальных денег, которые водились у донецкого талантливого голосом и шустрого в коммерции еврея.

С приходом на должность председателя КГБ В.А. Крючкова в 1988 году «Фирма» стала практически рассыпаться. Разведка и контрразведка в том качестве, в каком они работали до этого, уже были не нужны «первому российскому немцу» и «царю овец», как его называл Брежнев, Горбачеву и его свите, несмотря на то что серьезно страдали интересы государства.

В 1988 году Евгений Петрович опять, во второй раз, вышел в отставку. Тихо, без помпы, без тех искренних приветствий, которые его сопровождали в 1965 году, когда отмечали его полувековой юбилей. Сам он тепло и сердечно за время долголетней службы проводил сотни ветеранов на заслуженный отдых, а для него таких слов не нашлось. Страна уже была нравственно и политически опустошена командой Горбачева…

Как писал его коллега по «Фирме» генерал А.В. Киселелев:

«Понятно, председателю Чебрикову опускаться до рукопожатия с опальным генералом было непрестижно, да и не знал он, видимо, о самом существовании “Фирмы”, а вот застенчивость руководства разведки объяснить трудно».

Руководил ПГУ КГБ в то время, как уже говорилось выше, угодливый, зараженный сологубовской «передоновщиной» и тоже, по существу, непрофессионал — Владимир Александрович

Крючков.

Поначалу Евгений Петрович «перестройку», затеянную Горбачевым, воспринял как продолжение линии Андропова и, надо сказать, искренне приветствовал ее. Однако, когда он заметил, что за ломкой хороших, выдержанных временем традиций стало появляться все больше и больше деструктивных элементов во внутренней и внешней политике, этаких пенкоснимателей, Евгений Петрович сказал решительное НЕТ «перестройке». Особенно, когда партийные вожди «перестройки» призывали покончить со шпиономанией и не вести разведку против западных «партнеров», которые напрочь отвергали эти глупости и занимались тем, что должны делать спецслужбы. Событиям того времени Е.П. Питовранов дал следующую характеристику: *«Спецслужбы, включая, естественно, и разведку, никогда и нигде не были и по своей природе не могут быть вне той конкретной политики, внутренней и внешней, которую исповедует государство в каждый исторический период. Как же может быть по-другому, если именно эти службы призваны ежедневно, ежечасно реализовывать эту политику? Для этого они и существуют!»*

Когда наступили лихие 90-е, Питовранов почти взорвался: *«Больше всего меня потрясло то, что российский народ снова безмолвствовал, проявляя то ли равнодушие к происходящему, а по существу — равнодушие к собственной судьбе, то ли непонимание грозящих ему очень суровых испытаний. Ведь с советским менталитетом слепо лезть в капитализм равносильно самоубийству. Будут процветать лишь жулики и хапуги. Да еще те чиновники, кто сумеет схватить жирный кусок общенародного пирога. Неужели кому-то не хватило всей той крови, которой мы заплатили и в революцию, и в войны, чтобы разумно и рационально, то есть по-хозяйски, образовать нашу жизнь?»* Наверное, не хватило, судя по событиям кровавых сентября — октября 93-го, во время расстрела собственного парламента, опять того же амбициозного партократа и общепризнанного любителя градуса, «демократа» Ельцина, убившего сотни своих ни в чем не повинных граждан, а по данным его друзей из телекомпании Си-Эн-Эн — несколько тысяч. Повод — лишь бы удержаться у власти с рейтингом в три процента?! Аналогично бряцал оружием и уже убил более десяти тысяч своих граждан другой обожатель зеленого змия и миллиардер, страстный любитель власти и шоколада Порошенко, войдя на трон государственным переворотом, как это сделал и Ельцин.

Только благодаря Путину последний остался не растерзан

народом в ходе назревающего бунта с пушкинскими определениями. Сегодня два братских народа — украинцы и россияне — переживают англосакскую экономическую, политическую и информационную навалу: их хотят не столько разъединить с использованием махрового национализма, но и, столкнув, уничтожить как братьев-славян.

Питовранов в одном из писем того периода писал:

«…Не может такой народ, такая держава, которая устояла, когда ее все хоронили, вот так, ни за понюшку табаку, пропасть. И, пожалуй, здесь не авось наш русский, а многовековой опыт надежду вселяет. Сейчас от всякой сволоты черным-черно. Народ, правда, начинает понимать что к чему, и, Бог даст, появятся новые силы. Несомненно одно: новая Россия будет значительно мудрее и могущественнее!»

Как уже говорилось выше, руку помощи Евгению Петровичу протянули сотрудники Итало-российской палаты — точнее, ее московское представительство. В скромной должности консультанта он провел там еще пять трудовых лет.

У Евгения Петровича оставались друзья и среди чекистов, военных, творческих личностей. Значит, они к нему тянулись, а он тянулся к ним из-за элементарной человеческой доброты. В числе благодарных за сделанную когда-то доброту в друзьях ходили Майя Плисецкая и ее муж композитор Родион Щедрин. С последним Евгений Петрович не только дружил, но и часто рыбачил. Оба были страстными любителями удочки и спиннинга…

Прима балета, всемирно известная балерина в своей книге «Я, Майя Плисецкая» писала:

«Я не забыла и никогда не забуду, что Евгений Петрович Питовранов принял участие в моей запутанной судьбе. И тогда в 1959 году, и позже. Да, он работал в КГБ. В чине генерала… Но там были разные люди. Казните меня, но я убеждена в этом. Негодяи, кровопийцы, палачи… Но были и исключения. Питовранов недолгое время был начальником контрразведки Советского Союза…

Профессиональный контрразведчик. В 1952 году по злобному доносу его арестовали и приговорили к расстрелу. В подвалах той же Лубянки — пытали. Жена — Елизавета Васильевна — с тремя маленькими детьми жила на то, что распродавала книги из домашней библиотеки. Мужество, с которым он держался на допросах, и смерть Сталина сохранили ему жизнь… Я не знаю всех извивов и перипетий его биографии. Но знаю, чувствую, что трагизм собственной судьбы отозвался участием в моих злоключениях…»

А теперь перебросим мостик воспоминаний к одному из руководителей контрразведки, а затем и разведки, заместителю председателя КГБ СССР генерал-полковнику Ивану Алексеевичу Маркелову, которого Евгений Петрович Питовранов еще в 1949 году вызвал как квалифицированного специалиста из Новосибирска и оставил в Москве. Вот что он сказал о своем старшем товарище: *«На службе я почти сорок лет, да и вообще уже прожито немало. Но такого человека, как Евгений Петрович, больше не встречал. Он — уникален».*

Его уникальность в том, что он всегда был открыт и доступен.

Природа щедро его наделила многими добродетелями: крепким здоровьем, проницательным умом, уравновешенным характером, неуемной любознательностью, что явилось фундаментом для развития способности аналитически мыслить, смелости, решительности и коммуникабельности. Нет, нет — это не лубочный герой, а живой человек: решительный, но не прямолинейный, смелый, но и осмотрительный. Это был огонь и лед — он умел любить и презирать! Он всегда был нацелен на большое дело в вопросах госбезопасности страны. Такие люди не способны на мелочность типа «оцеживать комара».

Но незаметно приблизившаяся старость делала каждый день свое черное дело. Нет, не было панического страха, как и не происходило переоценки ценностей. Однако это было время не только физиологического заката организма, когда стали беспокоить плохие сны. Но больше угнетала плохая действительность. Только теперь он окончательно понял, что такое старость: это когда каждый день чувствуешь себя на два дня старше и знаешь все жизненные ответы, но никто тебя не спрашивает и не задает никаких вопросов. Правда, настоящие друзья не забывали: интересовались, спрашивали и приезжали. Они наведывались к нему часто, но с каждым годом их становилось все меньше и меньше — уходили они далеко-далеко, и только воспоминания да черно-белые фотографии напоминали, что они недавно были рядом…

Он любил общение, любил семью и друзей, ненавидел и презирал открытых врагов и мнимых попутчиков.

Так случилось, что его загородный дом оказался по соседству с дачей коллеги, одного из заместителей министра госбезопасности СССР — фамилию не стоит называть, который еще в 1951 году, поддавшись угрозам следователя Рюмина, оклеветал Евгения Петровича и фактически обрек его на длительные и суровые муки в камере смертников.

Такое соседство не входило в планы прохвоста. Он, по всей вероятности, забеспокоился из-за старческих переживаний за свой

в прошлом постыдный поступок. А у таких людей стыд в такой ситуации, как правило, превращается в гнев, только обращенный вовнутрь. Появился страх перед ожидаемым бесчестием, которое всякий раз его накрывало, когда он видел спокойного и с достоинством прохаживающегося соседа.

Из-за прошлого бесчестия он чисто морально не мог выдержать присутствия рядом по соседству оклеветанного им человека и вскоре продал свою дачу…

Но случилось, как в пословице: «Не ищи беды: беда тебя сыщет». И сыскала она семью Питоврановых. В погожий июльский день 1998 года — дача сгорела дотла. Дочь Наталья, ворвавшись в горящее строение, чудом спасла задыхающегося от дыма отца. Здоровому все здорово, но случившееся ЧП подкосило здоровье. Родственники решили купить теплый деревенский дом. Отставного генерала на новом месте радовали тишина, щебет птиц, зеленый ситец березовой рощи и по-настоящему чистый воздух, без московского машинного угара.

Второго декабря 1999 года Евгений Петрович вышел на обычную утреннюю прогулку. Свежий морозный воздух бодрил. Поскрипывал сухой снег под ногами. Солнце, поднявшееся еще невысоко и светило из-за синей полоски лесного горизонта. Горело светило, но уже не грело. А так хотелось тепла обессиленному годами телу. Мотор уставал гонять кровь по кругу тела. Но несчастье не предупреждает о своем приближении. Его неожиданно качнуло, закружилась голова, ноги стали ватными и тяжелыми. И он присел на невысокую лавочку у ограды. Поднял воротник и задремал. Снежинки лениво кружились вокруг и падали ему на лоб, щеки и нос и совсем не таяли…

Такой легкой смертью закончился нелегкий путь удивительного человека — сына священника, генерала госбезопасности, возглавлявшего в разное время советскую разведку и контрразведку, руководившего крупнейшим по значению и численности представительством КГБ за границей и Торгово-промышленной палатой Советского Союза, сотрудника Сталина и Андропова, свидетеля и участника нескольких эпох советской и российской истории…

Замолк военный оркестр. Троекратный залп нарушил тягостную тишину Троекуровского кладбища. Текли слезы из глаз родственников, близких, друзей… Тяжело перенес уход друга Борис Семенович Иванов: *«Мы потеряли не просто редкостного, замечательного, мудрого и доброго человека. Это — невосполнимая утрата, поскольку он был Личностью, олицетворявшей эпоху…»*

Говорят, человек живет до тех пор, пока его помнят. Автор помнит его в том возрасте, когда Евгению Петровичу было 48, 49

и 50 лет, и приходилось, пусть накоротке, не только встречаться, но и общаться с ним. А это много значило, чтобы спустя много-много лет засесть за написание книги об этом Человеке.

Питовранов прожил интересную жизнь длиной в 84 года, оставаясь непримиримым бойцом со всяким земным злом. Он запечатлелся у многих, которые знали его, прежде всего, порядочным человеком и профессионалом. На его пути встречались всякий раз люди испорченные и нечестные, которые убеждали себя, что честность и порядочность существует только из-за какой-то неопытности и наивности людей и лишь потому, что начитались всякой проповеднической литературы. С ними можно согласиться только в одном: да, он много читал, у него был огромный чекистский и жизненный опыт, но он брал из книг пройденной жизни только уроки порядочности!

Агенты влияния

Когда, совершив ошибку, не исправил ее, это называется совершить ошибку.

Конфуций

Да, ошибка ошибке — рознь. Особенно та, которая действием умышленным и завуалированным направлена против общества и соотечественников в угоду противника. Ошибаться так — нечеловеческое свойство. Подобная ошибка — грабли, а наступив на них, не забудьте приложить лед ко лбу, а то шишка все лицо испоганит. Но бывают случаи, что такой удар может лишить и жизни. Все зависит от силы удара.

Разобравшись с действием граблей, правоохранители начинают погружение в знания древней истории с выкриком Юлия Цезаря: «Люблю измену, но не изменников!»

Утверждать, что их не было — это равносильно не верить в то, что у реки два берега. Даже моря и океаны имеют земные ограничения и очертания. Во все времена и в каждом государстве проявления от оппозиционного бурчания и до целенаправленного охаивания государственности с целью нанесения ущерба стране, в которой живут эти типы были, есть и будут. Задача органов социальной защиты видеть их и соответствующим образом, сообразуясь с действующими законами на них реагировать. Одних народ видит и слышит, другие работают тонко в рядах пятой колонны, третьи, тихой сапой, невидимо, но все равно разрушительно для государства.

Начиная с хрущевской «оттепели» и до сих пор, власти почему-то стесняются их называть. Но они были и остаются для борьбы за завоевание то ли власти себе, то ли показа умничанья и способности глубокого виденья перспективы через всякого рода пророчества, но всегда по заданию Запада.

Спокойствия обществу все они не приносят. О них знали наши вожди — генсеки и президенты — через подсказки спецслужб, которые профессионально определяли по фактам возможную их принадлежность к таковым.

Давайте разбираться исходя из открытых источников, перетряхивая ворох всевозможных материалов на эту тему.

Александр Николаевич Яковлев (1923–2005).

Начнем с «прораба перестройки» Александра Николаевича

Яковлева — любимца Горбачева и Ельцина, фронтовика, получившего, как он вещал, четыре ранения разрывными пулями…

«Стоп, — сказал когда-то автору фронтовик полковник Николай Васильевич Левшин, — если бы попала хоть одна разрывная пуля в любое место, боец бы не выжил. А тут четыре…»

Автор ни в коей мере не пытается поставить под сомнение признание Александра Николаевича — на войне как на войне. И пули по-разному летают и ранят…

Биографию А.Н. Яковлева не стоит пересказывать — она широко афишировалась при Горбачеве и Ельцине.

Итак, начнем с того, что в 1958 и 1959 годах он стажировался в Колумбийском университете США. Во время учебы Яковлев был в одной группе с сотрудником КГБ Олегом Калугиным. Научным руководителем Яковлева в США являлся Дэвид Трумэн, автор концепции политического плюрализма, ярый русофоб и антисоветчик. Он всеми фибрами души ненавидел славянство, русских и Советскую Россию. Видно, в тот период после тщательного изучения, был завербован американцами Олег Калугин, а Александра Яковлева готовили под несколько другой статус — агента влияния, зная, что он прибыл в США с должности инструктора ЦК КПСС. С такими кандидатами разведка США тоже осторожничала с проведением прямой вербовки. Она знала, как с ними лучше работать.

Обозреватель газеты «Коммерсант» Евгений Жирнов писал, что Яковлев был «…завербован иностранной разведкой». Утверждали и два весьма высокопоставленных сотрудника госбезопасности генерал-лейтенант Евгений Питовранов и председатель КГБ СССР Виктор Чебриков.

Первый при помощи и содействии Ю.В. Андропова создал в 1969 году специальную резидентуру КГБ «Фирма» под крышей Торгово-промышленной палаты СССР, получая информацию от западных бизнесменов, заинтересованных в контрактах с СССР. От предпринимателей «Фирма» перешла к установлению контактов с видными западными политиками. Сведения от одного из них, очень информированного американского политика, без промедления напрямую докладывали Андропову, а затем Брежневу. Как рассказывал мне Питовранов, он сообщил своему руководству, что посол в Канаде Яковлев сотрудничает с американской разведкой.

Андропов приказал Питовранову перепроверить информацию и получить какие-либо подтверждающие факты. За дело взялось представительство «Фирмы» в Канаде. Как рассказывал Питовранов, «сотрудники» «Фирмы» сообщили, что у посла

появились дорогие вещи и что он утверждает, будто это подарки знакомых. Траты посла якобы значительно превышали не только зарплату, но даже те средства, которые некоторые главы советских диппредставительств иногда умудрялись втихую приватизировать из представительских денег. Для Андропова этого было достаточно. Он поручил подготовить записку Брежневу. О том, что было дальше, мне задолго до Питовранова рассказывал Виктор Чебриков:

«Я помню такой случай. Юрий Владимирович Андропов показал мне записку, с которой он был на докладе у Брежнева. О том, что Яковлев по всем признакам является агентом американской разведки, Леонид Ильич прочел и сказал: "Член ЦРИ (Центральной ревизионной комиссии. — *Авт.) КПСС предателем быть не может"».*

Андропов при мне порвал эту записку.

«Юрий Владимирович не согласился с Брежневым, — вспоминал Питовранов, — но в споры не полез».

И возникает вопрос: если обозреватель газеты «Коммерсант» Евгений Жирнов говорил правду, то возникают вопросы о конспирации в работе к высоким руководителям, а если — нет, то к журналисту…

По отбытии приятной во всех отношениях десятилетней канадской «ссылки» А.Н. Яковлева почему-то не взяли на Старую площадь. Партийцы, по всей видимости, страховались из-за имеющихся каких-то материалов. Поэтому Яковлев был назначен директором Института мировой экономики и международных отношений АН СССР. На этой должности он проработал с 1983 по 1985 год. После смерти Генсека Ю.В. Андропова для Яковлева пробил «звездный час» через ходатайства Черненко, Громыко, а затем и Горбачева. Так он от завотделом агитации и пропаганды ЦК КПСС быстро дорос до члена Политбюро.

По его предложению были заменены и назначены редакторы крупных газет и журналов. В редакторской «перестроечной обойме» появились люди, которые проводили «политически правильный» курс по дискриминации и дискредитации советского строя и его истории. Они не брезговали никакой заказной чернухой. Критика Ленина как основателя СССР шла широким фронтом. Создатель Советского Союза обвинялся по широкому спектру — от шпионажа в пользу Германии и до страданий из-за венерической болезни. Размах компании по очернению Сталина был еще масштабней.

Благодаря усилиям Яковлева в СССР были впервые опубликованы псевдоисторические бредни Солженицына, повествующие страшилки о расстреле двадцати, а по другим

источникам — до 70 миллионов россиян в сталинских лагерях. Этот тотальный девятый вал лжи был направлен на «переформатирование» исторического сознания советского народа.

По воспоминаниям первого помощника члена Политбюро Е.К. Лигачева Валерия Легостаева, А.Н. Яковлев занимался несвойственной для идеолога работой — чисткой руководства Министерства обороны СССР в связи с делом Руста:

«Широкое, грубо прочерченное лицо А. Н. (Яковлева. *— Авт.) светилось торжественной улыбкой. Он пребывал в откровенно приподнятом, почти праздничном расположении духа. Прямо с порога, победоносно выставив перед собой ладони, выпалил: “Во! Все руки в крови! По локоть!” Из последовавших затем возбужденных пояснений выяснилось, что мой гость возвращается с очередного заседания Политбюро, на котором проводились кадровые разборки в связи с делом Руста. Было принято решение о смещении со своих постов ряда высших советских военачальников. Итоги этого заседания и привели Яковлева в столь восторженное победоносное состояние. Его руки были “в крови" поверженных супостатов…»*

В результате, как заявил на заседании Политбюро сам Горбачев, были отданы под суд 150 генералов и офицеров Советской армии. По данным американских спецов, внимательно следивших за ситуацией в СССР, «под Руста» было смещено не только руководство Войск ПВО во главе с маршалом авиации Колдуновым, но и министр обороны Соколов со всеми своими заместителями, начальник Генерального штаба и два его первых заместителя, главнокомандующий и начальник штаба ОВС Варшавского договора, все командующие группами войск (в Германии, Польше, Чехословакии и Венгрии), все командующие флотами и все командующие округами…

Наибольшее зло, которое Яковлев и Горбачев совместно причинили своему народу, состоит в том, что они похитили у него шанс провести действительно необходимые, исторически вызревшие и материально обеспеченные реформы. Реформы, при которых не надо рушить заводы и поедать всем миром, не брезгуя и не краснея, протухшую «гуманитарную помощь».

Причем сознательно автор ставит здесь на первое место Яковлева. Именно ему принадлежит и сама идея горбачевской «перестройки», и ее практическая разработка средствами массовой пропаганды особенно.

С конца 80-х годов Яковлев осуществил прикрытие деятельности прибалтийских сепаратистских движений, участвовал в фальсификации катынского дела, встречался

неоднократно с Джин Киркпатрик, бывшей при Рейгане членом президентского совета по национальной безопасности. Она высоко оценила вклад «прораба перестройки» в дела антигосударственных реформ, т. е. в разрушение Советского Союза.

Вероятнее всего, что именно Киркпатрик с 1985 года курировала Яковлева по линии американских спецслужб. Американка лично разрабатывала план поэтапных мероприятий по осуществлению в СССР «бархатной революции».

Не случайно мемуаристы обер-идеолога перестройки Яковлева награждают его грязными эпитетами и с отвращением пишут о нем как о человеке, причинившем огромный социально-политический ущерб державе. Он полностью был согласен с идеями Запада, особенно Германии, которая выражала незаинтересованность в чрезвычайно большом промышленном производстве на Востоке, т. е. в СССР.

Это означало, что ускоренную индустриализацию, начатую при Сталине, следует притормозить. Производство на Востоке должно увеличиваться ровно настолько, насколько это будет отвечать росту потребностей немецкого народного хозяйства. Развивать же надо сельхозпроизводство и добычу сырья, ибо именно в этих отраслях русская экономика должна дополнять германскую. Запад видел и видит Россию такой, которая не должна иметь никакой военной промышленности.

Выходит, что Яковлев и его молодой и податливый ученик, ставший генсеком Горбачев, целенаправленно в ходе «глубокой структурной перестройки» задались целью, чтобы российские народы никогда не перешагнули определенного положительного жизненного уровня. Все почти по Бисмарку: россияне — терпеливое племя — выдержат любые невзгоды.

Результат деятельности Герострат России — Горбачева и Ельцина — полное разрушение промышленного потенциала страны. В лихие 90-е годы из 30 000 работавших на страну промышленных предприятий осталось 5000. Заводы крушили и продавали за бесценок тем, кому они достались по воле кремлевских сюзеренов. Так, флагман по выпуску грузовых автомобилей завод им. Лихачева стоимостью в 1 миллиард долларов был продан через залоговые аукционы по-чубайсовски за 2 миллиона «зеленых» бумажек. Навар те, кто его продал, положили в карман, так как имущество завода стало частным. А потом уже хитро «проданный» завод начал окончательно разворовываться. Сегодня там развалины гиганта, на котором работали десятки тысяч москвичей и приезжих из других регионов страны. Станки сдали на металлом, кирпичные стены

развалили и растащили, а бетонные до сих пор стоят полуобрушенные, как памятники головотяпства, помноженного на негодяйство…

С приходом к руководству КГБ СССР В.А. Крючкова, человека исполнительного, но, к сожалению, из числа людей робкого десятка, всегда находящегося под опекой то Андропова, то Горбачева и таким образом потерявшего способность самостоятельно мыслить и смело доводить начатое дело до конца. Этот недостаток заметил в нем руководитель разведки ГДР — «Штази», верный друг Советской России, генерал-полковник Маркус Вольф. Борьба с агентурой влияния стала постепенно затухать, а либеральная власовщина занимать властные редуты в начале новых окаянных годов. Теперь они именовались еще и «предательскими девяностыми».

Председатель КГБ не мог и не должен был спокойно созерцать, как политические «бобры» грызут в Беловежской пуще ствол государственного древа, которое потом грохнулось, подмяв под собой всю страну с его многострадальным народом. Яковлев остался героем и при смене режима…

Выходит, Крючков побоялся довести дело до конца и изобличить этого агента влияния и других ему подобных — время начиналось предательское. Страна находилась на краю пропасти — внизу маячила черная бездна. Наверное, он понимал, что прошел тот период, когда СССР и его разведка имели огромные успехи в Америке и Европе перед Второй мировой войной. Тогда она располагала базой с опорой на компартии и интеллигенцию, симпатизировавшую Москве, особенно в Германии, Франции и Великобритании, а также в США. Теперь, с поражением СССР в холодной войне и появлением слабых и лукавых политиков, ее не существовало. Однако он на этом посту не должен был так думать. Государственная безопасность СССР находилась в его руках, и он обязан был защищать страну, в том числе от распада из-за явных и замаскированных «кротов».

Е.П. Питовранов был полностью солидарен со своим немецким коллегой Маркусом Вольфом, что Запад был глубоко уязвлен несомненными успехами советской разведки… Советский Союз был маяком, который привлекал к себе людей с глубокими идейными убеждениями. Агенты, завербованные в то время, были лучшими, ибо служили идеи. Они-то и дали Советскому Союзу возможность не отстать в ядерной гонке, и, кстати, многие из них остались нераскрытыми даже после маккартистских чисток, измены и бегства в Канаду в 1945 году бывшего начальника шифровального отдела посольства СССР в Канаде Игоря Гузенко.

Поэтому начиная с 60-х годов ЦРУ США начало готовить

агентуру влияния по разложению СССР изнутри.

Олег Данилович Калугин (1934)

Юным другом Александра Яковлева в период стажировки по Колумбийскому университету в США являлся Олег Данилович Калугин — сотрудник КГБ СССР. Несколько слов о нашем «герое». Родился 1934 году в Ленинграде. Его родители работали в системе НКВД: отец охранял руководящих деятелей Ленинграда, мать служила официанткой в столовой Областного управления НКВД. После окончания школы в 1952–1956 годах — слушатель Института иностранных языков МГБ СССР, с марта 1954 года — служба в КГБ СССР. Помимо специальных дисциплин углубленно изучал английский язык. В 1955 году получил первичное офицерское звание младший лейтенант.

В 1956–1958 годах — слушатель Высшей разведывательной школы № 101 КГБ СССР под псевдонимом Кедров. В эти годы он вступил в члены КПСС, являлся секретарем первичной организации учебной группы, членом редколлегии «школьной» стенной газеты.

В 1958 году старший лейтенант Олег Калугин зачисляется на должность оперуполномоченного в центральный аппарат ПГУ КГБ в Москве и сразу же вводится в действующий резерв Комитета госбезопасности. Его готовят к первой загранкомандировке в США в качестве стажера в рамках международных молодежных обменов. Для того чтобы не попасть под колпак ФБР США, почти шестилетнее обучение его в системе МГБ — КГБ было залегендировано мнимой учебой на филологическом факультете Ленинградского государственного университета (ЛГУ) имени Жданова. Для большей достоверности и правдоподобности оперативной легенды Калугину технической службой КГБ был изготовлен «диплом» с отличием № 981064 за подписью ректора ЛГУ членкора АН СССР, профессора А.Д. Александрова.

Итак, в 1958–1959 годах по программе фонда Фулбрайта для обучения журналистике он находился на оперативной стажировке в Колумбийском университете в Нью-Йорке в одной группе с А.Н. Яковлевым, аспирантом Академии общественных наук при ЦК КПСС. Во время пребывания в США показал себя «маяком вербовки»: привлек к негласному сотрудничеству «раскаявшегося» советского невозвращенца Анатолия Кудашкина под псевдонимом Кук. Это был инициативник, работавший в американской корпорации «Тиокол» над секретной разработкой твердого топлива для стратегических ракет. Эта работа Калугина стала стартом в карьерном взлете и росте молодого разведчика. По мнению коллеги Калугина полковника Александра Соколова,

подарившего автору книгу «Анатомия предательства: «’’Суперкрот" ЦРУ и КГБ», он утверждал, что Кук являлся агентом ФБР, специально подставленным Калугину.

Руководство ПГУ отметило «старание» молодого и перспективного разведчика и уже летом 1960 года направило его в долгосрочную служебную командировку в должности оперативного сотрудника в «легальную» резидентуру КГБ СССР в Нью-Йорк, действовавшего под прикрытием постоянного представительства СССР при ООН. Калугин работал без дипломатического статуса — корреспондентом Московского радио, где до этого проходил ознакомительную стажировку.

Там он пробыл до 1964 года. Через год его снова направляют в США на должность заместителя резидента «легальной» резидентуры под прикрытием пресс-атташе советского посольства в Вашингтоне. На сей раз уже с дипломатическим паспортом. Во время отсутствия главного резидента Калугин неоднократно исполнял его обязанности, что позволило попадаться чаще на глаза большому начальству и знать больше секретов, чем знал до этого.

В 1971 году, вернувшись из США, он меняет профиль своей оперативной деятельности: из политической разведки переходит во внешнюю контрразведку. В 1973 году назначается руководителем Управления «К» ПГУ КГБ — внешней контрразведки. В сорок лет получил звание генерал-майора. С 1972 по 1979 год неоднократно выезжал в краткосрочные инспекционные поездки в резидентуры за рубежом.

Запомнился автору такой случай.

Где-то в середине 70-х, зайдя по вызову начальника отделения подполковника Николая Петровича Петриченко, я увидел его побледневшим с телефоном в руке. Оперативник резко, чеканными фразами рубил кому-то свою правду-матку о недопустимости участившихся фактов головотяпства со стороны офицера безопасности в нью-йоркской резидентуре, граничившего с расшифровкой наших негласных источников. Потом он резко закончил перепалку словами: «Они с вами перестанут работать при таком подходе к делу. Вы поняли? — затем бросил трубку и выругался: — Чертовы холеные блатники… лезут напролом в таком деликатном деле как негласные помощники. Действует, словно вражина».

Это был первый словесный выстрел по Калугину со стороны принципиального оперативника из другого главка.

Потом выяснилось, что смелый и честный начальник отделения военной контрразведки за дело отчитал спесивого начальника Управления «К» ПГУ КГБ молодого генерала. Через

некоторое время наше взаимодействие с этим подразделением пошло в более деловом ключе: критика или страх за карьеру помогли наладить деловые отношения с управлением внешней контрразведки.

В 1975 году Калугина наградили орденом Красного Знамени за руководство и личное участие в реализации по выводу через заманивание перевербованного в Вашингтоне Николая Артамонова (агент Парка), которого контрразведчики КГБ подозревали в двойной игре и сотрудничестве с ЦРУ. Его похитили сотрудники опергруппы КГБ в Вене и планировали нелегально переправить через австро-чехословацкую границу, но операция закончилась смертью Артамонова от передозировки анестезирующих препаратов.

Как это напоминает захват в Париже в 30-е годы и транспортировку лидера РОВС белогвардейского генерала Кутепова, которого тоже умертвила оперативная группа во главе с Серебрянским передозировкой хлороформа. Но это было случайностью, а с Артамоновым — нет.

Бывший сотрудник ПГУ КГБ полковник А.А. Соколов обвинил Калугина в предумышленном убийстве агента-двойника, который мог раскрыть причастность самого советского разведчика в чине генерала к негласной работе на ЦРУ.

Но стремительная карьера Калугина в начале 1980 года внезапно оборвалась. Дело в том, что его агент Кук неожиданно возвратился в Союз и был оформлен на работу в качестве сотрудника Института экономики и международных отношений АН СССР, руководителем которого стал А.Н. Яковлев. Интересный узел, не правда ли?

А дальше события развивались в жанре детектива. Контрразведчики УКГБ по Москве и Московской области захватили Кука с поличным при попытке совершения преступной сделки. Оказалось, «советский американец» занимался незаконными валютными операциями, скупкой и попыткой вывезти в США художественные ценности и ювелирные украшения. Но это был предлог для его ареста по подозрению в шпионаже и антисоветской деятельности. Тень падала на самого Калугина, который пояснил, что это руководство московского управления в лице генерал-полковника В.И. Алидина внедрило Кука, агента провокатора-валютчика, в его окружение.

Другим ударом по «седьмому небу» Калугина в ПГУ стало невозвращение из командировки в США заместителя генерального секретаря ООН Аркадия Шевченко и его предательство, о чем раньше предупреждал контрразведчика резидент в Нью-Йорке Юрий Дроздов. Но Калугин не принял

соответствующих мер против протеже главы МИД и члена Политбюро Андрея Громыко.

В 1980 году Ю.В. Андропов, борясь за чистоту мундира своего ведомства, переводит генерал-майора Калугина из центрального аппарата КГБ в территориальные органы. В 1987 году Калугин пишет письмо Горбачеву и передает его через Яковлева. В нем он предлагает реформировать органы госбезопасности с их деполитизацией и департизацией, ликвидацией функций политического сыска, отчетностью перед парламентом и большей долей гласности.

В 1989 году, по достижении пенсионного возраста, его отправляют сначала в запас, а потом в отставку. Демократическая лихорадка проникла и в его сознание. Он стал участвовать в разных либеральных тусовках не только в столице, но и в других городах.

Это было в начале сентября 1991 года. Олег Калугин, теперь уже бывший советский разведчик, вошел в кабинет несколько дней тому назад назначенного председателем КГБ СССР Вадима Бакатина, подобранного сначала для партийного Олимпа, а потом и для руководства МВД и КГБ самим Егором Лигачевым, отвечавшем в ЦК партии за подбор кадров.

«— Что вас заставило встретиться со мной, предателем и тайным агентом ЦРУ? — довольно смело спросил вошедший с отекшим лицом, воспаленными глазами и в помятом костюме Олег Калугин.

— Не мелите чепухи. Я знаю вас как честного, добропорядочного, ничем негативным не запятнанного человека. Иначе не пригласил бы сюда, — довольно-таки приветливо ответил Бакатин с редко появлявшейся улыбкой на лице.

Бакатин понимал, как никто другой, что не в те оглобли впрягся на Лубянке.

— Ну, так давайте перейдем к делам, а их у нас много…»

Так Калугин стал бакатинским советником по «избавлению СССР от КГБ» и пробыл на Лубянке около трех месяцев — почти столько, сколько сумел удержаться и сам председатель. По всей вероятности, именно Калугин тоже мог приложить руку к идее Бакатина передать американцам, в частности их послу Джеймсу Коллинзу, схему подслушивающих устройств в посольстве США в СССР.

Вот как вспоминал об этом случае тогдашний руководитель Агентства федеральной безопасности РСФСР В.В. Иваненко:

«Он тогда сдал систему, не посоветовавшись с профессионалами. Я об этом узнал только по радио. Бакатин потом говорил, что этот шаг он согласовал с обоими

президентами (СССР и РСФСР — Горбачевым и Ельциным. — *Авт.), у него было письмо с их визами. Но разве это компетенция президентов? Думаю, что они не понимали, к чему это может привести. А для сотрудников КГБ это был удар. Сдавать святая святых — технику подслушивания в посольстве если не противника, то конкурента!*

Бакатин оправдывался: мол, американцам все равно об этом было известно. Ничего подобного! Там была применена совершенно новая технология. Элементы звукопроводящей системы были замурованы в кирпичах. Мы их получали от зарубежных поставщиков. Это было ноу-хау. Строили зарубежные подрядчики, которым американцы доверяли. КГБ завербовал подрядчиков».

16 июня 1990 года Калугин выступил на конференции в ЦК КПСС с заявлением о негативной деятельности КГБ. Потом его понесло: он стал давать интервью налево и направо, подчас выбалтывая секретную информацию.

17 июля Прокуратурой СССР было возбуждено уголовное дело против него по обвинению в разглашении государственной тайны…

КГБ СССР выступил с заявлением, где высказывания чекиста были названы клеветническими. Указом президента СССР от 29 июня 1990 года Калугин был лишен государственных наград, Постановлением СМ СССР — звания генерал-майора и персональной пенсии в 350 рублей в месяц, а приказом председателя КГБ СССР — знака «Почетный сотрудник госбезопасности».

В июле 1990 года он вышел из Компартии и стал активистом в демократическом движении. Часто выступал на митингах в Москве. Летом того же года стал народным депутатом от Краснодарского края, в группу поддержки которого входили следователи Генеральной прокуратуры СССР Николай Иванов и Тельман Гдлян.

В 1995 году выехал на работу в США без намерения обосноваться там на ПМЖ, а в 2002 году по заочному приговору Московского городского суда Олег Калугин был признан виновным в государственной измене и приговорен к 15 годам лишения свободы в колонии строго режима.

Через год Калугин получил американское гражданство, и это свидетельствовало, что он боялся возвращаться в Россию с учетом предательства и сдачи некоторых агентов КГБ СССР сотрудникам Федерального бюро расследования (ФБР) США. Кроме чистого предательства, он в последние годы пребывания в СССР и России действовал и как агент влияния.

Вот и получается, что распродажа друзей за 30 сребреников

— не признак банкротства, а признак карьеры…

Александр Исаевич Солженицын (1918–2008)

В России писателя обожают и критикуют, хвалят и презирают, ставят памятники и оскверняют их. Одни видят в нем пророка, а другие — злобного пасквилянта.

Этому писателю, названному властями не иначе как «соль земли русской» и «совесть нации», только, очевидно, не русской, был открыт памятник и в Москве по случаю 100-летнего юбилея. Не он ли призывал к «полному и безоговорочному расчленению Советской России», т. е. уничтожения ее целостности.

Это не его ли бредовые идеи, призывавшие к отказу России, для лучшей жизни в будущем, от трех прибалтийских и закавказских республик, отрыва от Казахстана, а может, от Украины и Белоруссии с отдачей Молдавии Румынии, засели в головы Ельцина и его последователей.

Так вот глава России в Беловежье предложил расчленить, наверное, по рецептам Солженицына Советский Союз на части. Отделиться от других республик и зажить самостоятельно. Рвануло в Вискулях так, что до сих пор летят к нам осколки с неба и умываются кровью «совки», как небрежно, через губы кричали простым россиянам власовского пошиба либералы.

Россияне помнят все параметры «патриотического» выступление «совести нации» в Сенате США 15 июля 1975 года с проклятиями в адрес Родины.

Помнят и публицистичный фильм Би-Би-Си, поставленный в 2004 году под названием «Власть кошмаров: Происхождение политики страха», где на 34-й минуте на сцене появляется Солженицын и, обращаясь к властям США, взывает к немедленной борьбе против ненавидимой им Родины. Вопрос, разумеется, риторический: ждать не надо — надо шарахнуть по СССР ядерным оружием! При этом он экспрессивно жестикулировал на сцене. Видать, это не что иное, как результат кропотливой актерской работы перед зеркалом.

Еще он призывал покаяться россиянам за «преступления сталинизма». Так покаялся же еще Хрущев на XX съезде партии, что дало возможность самому Солженицыну не только выйти на свободу, но и заняться литературной деятельностью!

Итак, каялись мы при Хрущеве, Брежневе, Андропове, Черненко, Горбачеве, Ельцине, каемся при Путине. Не кажется ли, читатель, что это мы делаем до неприличия часто и долго! Рана не заживает, если в ней ковыряться — можно занести инфекцию. А тем временем в разоблачительном раже писатель «земли русской» гнал чернуху на Советскую Россию, а потом и на

ельцинскую понес.

У каждого государства есть страницы истории, которыми можно гордиться, но почему только Россия должна стесняться своей истории и постоянно посыпать голову пеплом по требованию Запада? Нас и Солженицын заставлял каяться. Перед кем? Перед Европой, которая сжигала на кострах людей под видом «ведьм» и «еретиков», и Америкой, которая уничтожила инков, ацтеков, майя, вырезала половину Африки. А остаток, отправив на галерах, продала в рабство?!

Может, хватит нам писать о своей истории в извиняющемся и самоуничижительном тоне — люди устали от этой блажи!

«Русский патриот» мирно проживал в штате Вермонт, под охраной спецслужб США, но «приют» надо было активно отрабатывать, выдавая «на гора» том за томом книги, «разоблачающие преступления советского режима».

Взять роман «В круге первом» — конец 50-х годов. Он начинается эпизодом, когда советский дипломат Иван Володин звонит в американское посольство и сообщает о том, что советская разведка готовится получить в США чертежи ядерной бомбы. При этом сей литературный персонаж выведен положительным героем как лучший друг Вашингтона. Как он похож своими действиями на предателей того времени Попова и Пеньковского.

Зато оперативники органов разведки и контрразведки практически во всех его книгах выводятся с сарказмом, карикатурно, не хватает разве что только нарисованных рогов и копыт. А ведь план Трумэна атомных бомбардировок 52 крупных городов СССР был реален. Помешало получение советскими физиками собственной ядерной бомбы, вклад в разработку которой, действительно, внесли и наши разведчики. А как минимум — дружественные советским людям американские супруги Юлиус и Этель Розенберг: они заплатили за это своими жизнями.

«Демократы» образца 1991 года пришли незаконно, обманным путем к власти и опустили за несколько лет экономику России ниже плинтуса. Зато Россия стала свободная от денег и социальных гарантий. Мы возвратились после сумасбродной дележки державы к границам XVII столетия.

С уходом Хрущева с политической арены для Солженицына, потерявшего покровительство, настали тяжелые времена. Спроса на лагерные мемуары, по крайней мере, сверху не было. Без партийного нажима издатели отказывались печатать тяжеловесные тексты его рукописей — книги не раскупались. Зато довольно скоро на «русского писателя-диссидента» обратили

внимание новые хозяева и рекламные спонсоры — спецслужбы США, которым было нужно антисоветское топливо для костров холодной войны и такое же пойло для обывателей.

Им были позарез нужны персонажи, критикующие советский общественный строй в ходе проведения «идеологических диверсий», как правило, прошедшие через тюрьмы и ссылки. Солженицын подходил на эту роль. Особенно их интересовал лагерный жанр под «архивность» писаний автора с призывами к уничтожению и утилизации Советского Союза и его населения. Брежневу не захотелось жесткого оппозиционера арестовывать. Он пошел по другому пути…

В 1974 году автор служил в Южной группе войск. В одной из центральных газет в гарнизонной библиотеке прочитал такое официальное заявление:

«СООБЩЕНИЕ ТАСС

Указом Президиума Верховного Совета СССР за систематическое совершение действий, не совместимых с принадлежностью к гражданству СССР и наносящих ущерб Союзу Советских Социалистических Республик, лишен гражданства СССР и 13 февраля 1974 года выдворен за пределы Советского Союза Солженицын А.И.

Семья Солженицына сможет выехать к нему, как только сочтет необходимым».

Вскорости он с женой оказался в стране — флагмане «свободы и демократии» — Соединенных Штатах Америки, где нужно было набирать очки в антисоветской риторике и показывать мокрую спину новым хозяевам в своей оценке Родины, которую он оплевывал вместе с народом. Рейтинг Солженицына быстро рос в рамках антисоветских спецпроектов.

Нет смысла пересказывать жизнь «вермонтского отшельника» и его объемные книги с тяжелым, как гири, языком и обилием непроверенных и часто самодельных цифр с отсылкой типа «один человек сказал». Надо быть откровенным, о нем много чего написано с полярными знаками. Многие граждане их не читали, а если и принимались читать, то закладка оставалась на первых страницах книг надолго, если не навсегда. Однако следует признаться в объективности: отдельные рассказы, повести и статьи читались с интересом.

Во время первого визита Б.Н. Ельцина в США в 1992 году он позвонил из Вашингтона писателю в Вермонт и имел с ним «длинный» разговор на разные темы. Говоря, в частности, о Курильских островах, Солженицын дал совет российскому президенту: *«Я изучил всю историю островов с XII века… Не наши это, Борис Николаевич, острова. Нужно отдать, но дорого…»*

Вместе с семьей Солженицын вернулся на родину 27 мая 1994 года, прилетев из США в Магадан. После из Владивостока проехал поездом через всю страну и закончил путешествие в столице. Вернулся изгнанник помпезно. Его встречали толпы народные как национального героя — властные СМИ сработали четко в плане организации экзальтированных толп граждан.

Он одним из первых, наблюдая из-за «бугра» за политическими переменами в России, высказался в поддержку президента Ельцина. Оппозиция обиделась. Новое руководство России подарило писателю на правах пожизненного наследуемого владения государственную дачу «Сосновка-2» в Троице-Лыкове площадью участка 4,35 га и выделило бесплатно квартиру в Козицком переулке.

В рабочем кабинете построенного двухэтажного кирпичного дома рядом с дачей с большим холлом, застекленной галереей, гостиной с камином, концертным роялем и библиотекой, висят портреты Петра Столыпина и Александра Колчака. Кстати, оба являются масонами.

А потом вдруг, а может, и не вдруг, он оказался не нужным… ни оппозиции, ни властям. Несмотря на активную деятельность с циклом выступлений в Госдуме и на телевидение по ОРТ, к нему уже никто не прислушивался. Люди в речах почувствовали «бамбук» — фальшь.

Правда, сегодня с новой силой фимиам воскуряется Солженицыну в газетах, журналах, кино, на телевидении, в скульптуре… Так, недавно в Москве установлен памятник, на открытии которого присутствовал и держал короткую речь президент России В.В. Путин, возложивший цветы к пьедесталу. Примем как аксиому: каждый человек вправе оценивать художника так, как он его воспринимает.

А что касается памятников — в России они недолговечны. Стоит поменять руководство, а потом и власть, как тут же найдутся типы, которые снимут их с пьедесталов или порушат в обломки, тем более противоречивым и жестким «пророкам».

И все же у читателей возникает много вопросов к творчеству писателя, где он порой смело утверждает о том, что после тотального расчленения России всем русским следует… переселиться в Северо-восточную Сибирь — в район концлагерей. Он говорит о неизбежности войны с Китаем, где погибнет 60 миллионов русских. Подсчитал учитель математики. Зачем?

А потом он, живя в Америке, стал призывать к ядерным бомбардировкам Советского Союза, причем несколько раз.

Мой товарищ, кстати, из числа либералов, как-то сказал: *«Когда я вижу лик Солженицына в школьном классе между*

портретами Пушнина и Достоевского — делается не по себе. И получается: “Учим детей принимать озлобленность!"».

Поэтому есть смысл ради объективности выслушать одну и другую сторону и самого юбиляра…

Президент РФ Владимир Путин:

«Александр Исаевич Солженицын обращал внимание на проблемы нашего общества не потому, что он был как-то враждебно настроен к стране. Наоборот, он был патриотом, он хотел сохранить страну, а она не сохранилась, потому что мы не обратили внимания вовремя на то, на что он обращал внимание. Надо внимательно и объективно ко всему относиться».

Историк Наталия Нарочинская:

«Александр Исаевич Солженицын, без сомнения, — одна из масштабнейших общественных фигур в нашей истории XX века. Писатель, ставший мыслителем, пропустивший многострадальную русскую историю через личную непростую судьбу…

Мировоззрение Солженицына обретало новые грани вместе с осмыслением истории взлетов и падений, грехов и заблуждений русской истории…

Он не мог проявить малодушие, прекрасно осознавая, что к нему могут отнестись с недоверием, что есть и те, кто неоднозначно судят о сыгранной им на Западе роли».

Протоиерей Алексий Уминский:

«…Мы все — ученики и воспитанники нашей культуры, но Солженицын — это отдельная веха в истории. Его имя признано во всем мире, причем неслучайно. В процессе чтения Солженицына происходит главное — так необходимое нам воспитание Человека в человеке…»

Поэт и публицист Юрий Кублановский:

«…Без солженицынского мира, его литературы современный русский человек был бы просто беден. Ни одно из предшествующих произведений не отражало историю нашей страны в двадцатом веке так точно, как это сделал Александр Исаевич.

Солженицын — это ключ к пониманию России».

Протоиерей Александр Авдюгин:

«Я знаю, что к Солженицыну сейчас по-разному относятся, но для меня это великий писатель, знаток языка и мастер передавать чувства словом — так может далеко не каждый. Как он писал — никто не пишет: он дал русской литературе новый язык, Солженицын противоречив, но он искренен. И это главное в нем…»

Кинорежиссер Сергей Мирошниченко:

«Я делал три фильма о Солженицыне… Из общения с ним я усвоил для себя несколько простых вещей. Начну с самого главного: художники делятся на два типа — верующих в Бога и неверующих. Они создают два совершенно разных направления в искусстве. Как говорил Александр Исаевич, верующий человек — это подмастерье Бога, а человек неверующий — это демиург, который может творить все, что он захочет. Для меня это очень важный момент…»

Ректор училища им. М.С. Щепкина Борис Любимов:

«…В публицистике Солженицын отразил и приход к Богу и Церкви — деликатно и ненавязчиво. Александр Исаевич, как маленький подмастерье в руках Бога, разгадывает Божественный замысел о мире — таковым было его восприятие своей функции в жизни».

Критически отзывались о творчестве Солженицына не только признанные советские авторитеты, но и диссидентские круги в лице Андрея Сахарова. Он его не понимал и не принимал так, как другие оппозиционеры.

Но начать хочу с оценки творчества Солженицына посла США в Советском Союзе (1969–1973) Джейкоба Бима:

«Солженицын создавал трудности для всех, имеющих с ним дело… Первые варианты его рукописей были объемистой, многоречивой, сырой массой, которую нужно было организовать в понятное целое… она изобиловала вульгаризмами и непонятными местами. Их нужно было серьезно редактировать».

Писатель Михаил Шолохов:

«У меня одно время сложилось впечатление о Солженицыне, что он — душевнобольной человек, страдающий манией величия… Я не психиатр и не мое дело определять степень пораженности психики Солженицына. Но если это так — человеку нельзя доверять перо: злобный, сумасшедший, потерявший контроль над разумом, помешавшийся на трагических событиях 37-го года и последующих лет, принесет огромную опасность всем читателям, и молодым особенно…»

Литературовед Лев Копелев обвинил его в духовном расколе русской эмиграции и нетерпимости к инакомыслию.

Писатель Варлам Шаламов называл творчество Солженицына не иначе, как «…деятельность дельца, направленная узко на личные успехи со всеми провокационными аксессуарами подобной деятельности».

Критики автора «Жить не по лжи» отмечают серьезные расхождения между приведенными ими оценками числа репрессированных в Советском Союзе и архивными данными, ставшими доступными в период перестройки. Его осуждают за

оправдание сотрудничества советских коллаборационистов с нацистами в годы Великой Отечественной войны.

Классик русской военной прозы Юрий Васильевич Бондарев писал:

«Не могу пройти мимо некоторых обобщений, которые на разных страницах делает Солженицын по поводу русского народа. Откуда этот антиславянизм? Право, ответ наводит на очень мрачные воспоминания, и в памяти встают зловещие параграфы немецкого плана “Ост"…»

Чувство злой неприязни, как будто он сводит счеты с целой нацией, <…> клокочет в Солженицыне, словно в вулкане. Он подозревает каждого русского в беспринципности, косности, <…> и как бы в восторге самоуничижения с неистовством рвет на себе рубаху, крича, что сам мог бы стать палачом. Вызывает также, мягко выражаясь, изумление, его злой упрек Ивану Бунину только за то, что этот крупнейший писатель XX века остался до самой смерти русским в эмиграции.

Солженицын, несмотря на свой серьезный возраст и опыт, не знает “до дна” русского характера и не знает характера “свободы” на Западе, с которым так часто сравнивает русскую жизнь…»

Протодиакон Владимир Василии:

Касаясь творчества Солженицына, утверждал, что «литературный власовец» «…с известного момента своей борьбы с Россией, которая ему не нравится, стал участником и заложником большой политической игры. Игры, направленной внешне против Советского Союза. На самом деле — против России. Вольно или невольно, но А.И. Солженицын оказался участником целого ряда информационных акций. Одна из них — реабилитация власовского движения. Именно Солженицын запустил в умы читателей ядовитую мысль: не власовцы изменили Родине, а Родина трижды изменила им».

Поэт Расул Гамзатов:

«С раздражением пришел Солженицын в нашу литературу, со злом ушел он из нее. Жить на земле, пропитанной кровью и потом многих поколений своего народа, и смешать с грязью его прошлое, настоящее и будущее — это уж слишком».

Философ Александр Зиновьев:

«Солженицын сыграл в высшей степени свою негативную роль в истории нашей страны. И как фальсификатор истории, и как игрушка в руках тех, кто навязали русскому народу определенные умонастроения. Социологически он абсолютно безграмотный человек. Все, что он говорил с социологической точки зрения — это бред сивой кобылы.

Все его предложения — это разрушение России. Он стал

знаменем разрушения России».

Из письма Твардовского Солженицыну по поводу книги «Раковый корпус»:

«Даже если печатание зависело целиком от одного меня, я бы не напечатал. Там неприятие советской власти… У вас нет подлинной заботы о народе! Такое впечатление, что вы не хотите, чтобы в колхозах было лучше, в вас нет ничего святого… Ваша озлобленность уже вредит вашему мастерству».

Маршал Советского Союза Василий Чуйков из письма Солженицыну:

«Как могли вы, Солженицын, дойти до такого кощунства, чтобы оклеветать тех, которые стояли насмерть и победили смерть?! Сколько надо было иметь ядовитой желчи в сердце и на устах, чтобы приписать победу штрафным ротам, которых до и во время Сталинградского сражения не было и в природе…

Вы, Солженицын, возвели ложь и нанесли гнусное оскорбление тем войскам, которым рукоплескал весь мир…

Василий Зайцев, Яков Павлов, Люба Нестеренко, Рубен Ибаррури… Над этими героями вы, Солженицын, посмели издеваться, изливая на них потоки лжи и грязи.

От имени живых и погибших в бою сталинградцев, от имени их матерей, жен и матерей я обвиняю вас, Солженицын, как бесчестного лжеца и клеветника на героев-сталинградцев, на нашу армию и наш народ».

Летчик Алексей Маресьев:

«Солженицын полностью разоблачил себя как предатель Родины, как сознательный и злобный враг советского общественного строя. Только обезумевший от ненависти маньяк, человек без рода и племени может глумливо говорить о подвиге нашего народа в Великой Отечественной войне, о героях, память о которых священна…»

Писатель Сергей Михалков:

«Солженицын — человек, переполненный яростью и злобой, пренебрежением и высокомерием к своим соотечественникам, Опять же, прежде всего — к русским».

Певец Дин Рид (США):

«Вы говорите, что «вся атмосфера (вашей) страны пропитана ненавистью, и еще раз ненавистью, не останавливающейся даже перед расовой ненавистью. Вы, должно быть, говорите о моей родине, а не о своей. Ведь именно Америка, а не Советский Союз, ведет войны и создает напряженную обстановку возможных войн с тем, чтобы давать возможность своей экономике действовать, а нашим диктаторам, военно-промышленному комплексу наживать еще больше богатства и власти на крови наших собственных

американских солдат и всех свободолюбивых народов мира! Больное общество у меня на родине, а не у вас, г-н Солженицын!»

В Китае распространение произведений Солженицына подпадают под статьи уголовного преследования.

А теперь есть смысл предоставить несколько слов самому Солженицыну, в которые он поверил и убедил сам себя.

• «Нет на свете нации более презренной, более покинутой, более чуждой и ненужной, чем русские…

Снятие ответственности с Ельцина — великий позор. Я считаю, что Ельцин и человек сто из его окружения должны предстать перед судом…»

• «Подождите гады! Будет на вас Трумэн! Бросит вам атомную бомбу на голову!»

• «…мировое зло (СССР. — *Авт.),* ненавистное к человечеству, и оно полно решимости уничтожить ваш строй. Надо ли ждать, что американская молодежь должна будет гибнуть, защищая границы вашего континента?!»

• «Россия согрешила перед собой и другими народами, поэтому иссякли ее моральные, социальные и политические силы… Россия должна покаяться!»

• «Россия не нуждается в море, мы не морской народ… Наша активность на море противоречит исконному русскому образу жизни. Так же как от моря, мы должны отказаться и от своих земель в советской части Азии, где живут народы, чуждые нам по своей культуре, языку и — прежде всего — по религиозным традициям».

• «Англия, Франция, США одержали победу во Второй мировой войне. (А где СССР? — по Солженицыну он не причастен к Победе. — *Авт.)* Победоносные государства всегда диктуют мир, они добиваются твердых условий, они создают род ситуаций, который соответствует их философии, их представлению о свободе, их представлению о национальных интересах…»

• «…в 1939-40 годах, бродили под бутырскими сводами и истекали от крупных и средних павших ежовцев. Говорили ежовцы, что в два эти года расстреляно по союзу ПОЛМИЛЛИОНА «политических» и 480 тысяч блатарей…»

• «Это волчье племя — откуда оно в нашем народе взялось? Не нашего оно корня? Не нашей крови? Нашей. Так чтобы белыми мантиями праведников не шибко переполаскивать, спросим себя каждый: а повернись моя жизнь иначе — палачом таким не стал бы и я? Это страшный вопрос, если отвечать на него честно…»

Нам его адепты поясняют — вырвано из контекста!

А некоторые почитатели Солженицына считают фальшивкой

такую его словесную эквилибристику, гуляющую по Интернету уже несколько лет. Для доказательства надо прочесть все 30 томов — не осилит читатель. Вот эти дикие обвинения.

• «Нет в этом мире мельче, сволочнее и хамовитее особи, чем кацап. Рожденный в нацистской стране, вскормленный пропагандой нацизма, — этот ублюдок никогда не станет человеком. У его страны нет друзей — либо холуи, либо враги. Его страна способна только угрожать, унижать и убивать. И за сохранение этого статуса Рассеей рядовой кацап готов пожертвовать собственной жизнью, жизнями своих родителей и детей, качеством жизни своего народа. Воистину: кацапы — звери. Лютые, кровожадные, но… смертные».

Я не читал все 30 томов Солженицына, чтобы упрекнуть его в этой позорной цитате, но вот что нашел в изречении гетмана П.П. Скоропадского:

«Нет в этом мире мельче, сволочнее и хамовитее особи, чем галичанин. Рожденный в нацистской стране, вскормленный пропагандой нацизма этот ублюдок никогда не станет Человеком. У его страны нет друзей — либо холуи, либо враги. Его страна способна только угрожать, унижать и убивать. И за сохранение этого статуса рядовой галицай готов пожертвовать собственной жизнью, жизнями своих родителей и детей, качеством жизни собственного народа. Воистину: галицаи — звери. Лютые, кровожадные, но… смертные».

Получается Солженицыну приписали грубую фальшивку, причем сляпанную весьма топорно и сотканную из бредовой мерзости на Украине во время процветания хунты. По Интернету она начала гулять два года назад в период обострения отношений между Киевом и Москвой.

Подло, гадко и мерзко обвинять писателя в том, что он не писал. Это ради справедливости. А если он повторил где-то эти слова — очередной упрек ему.

Говоря о «классике» русской литературы Солженицыне с высоким содержанием процентов можно утверждать, что молодежь его книг не читала. Нет у нее особенного желания проводить время с ними. И не потому, что существуют Интернет и электронные книги, а потому что юноши и девушки поняли то, что им предлагают в качестве утверждения, нередко при сравнениях с архивными данными, которые сегодня частично открыты, предлагают явную ложь с желчью пополам.

Солженицын как «литератор» был отыскан и использован Хрущевым и его окружением как инструмент антисталинской пропаганды, «реабилитации невинных жертв сталинских репрессий» и прикрытия массовой чистки политически неугодных

новому хозяину Кремля кадров.

И все же А.И. Солженицын — одна из самых противоречивых фигур СССР и современной России. Для подлинных русских патриотов, как писал историк и монархист Владимир Николаевич Осипов, его имя стоит в одном ряду с такими фамилиями, как И.А. Ильин и И.П. Солоневич. Для советских граждан — это самый страшный враг СССР… Противников у Солженицына всегда было достаточно… А.И. Солженицына ненавидят как «православные патриоты», так и наши псевдолибералы образца 90-х годов…

В своем труде «Россия в обвале» он прямо обвинил ельцинских «демократов» в том, что именно они виноваты в капитальном развале России.

Для того чтобы «Архипелаг» изучать в школе, есть смысл убрать бесчисленные полоумные глупости, которыми он напичкан. Например, утверждение о том, что большевики живыми осужденными преступниками, особенно охотно антисоветчиками, кормили в зоопарках страны львов, тигров и крокодилов. Правда, автор говорил, что сам он этого не видел, не слышал ужасных воплей из чрева крокодилова, или о том, что десятки барж, груженных интеллигентами, выводили в открытое море и там топили…

Объяснение: «Но — говорят. Почему не поверить!»

И поверил и понес дальше до самого Стокгольма, где получил Нобелевскую премию за «Ату на Советскую Россию!»

Наталья Дмитриевна Солженицына (Светлова), гражданка США, выступая по государственному российскому телевидению, объявила, что советская власть разными коварными способами извела 20 миллионов своих соотечественников. А вот ее супруг утверждал, что большевики истребили 66 миллионов. Кто же прав? Тут можно посчитать проявление исторической супружеской неверности Натальи Солженицыной.

Публицистика Солженицына не дает зарубцеваться русским ранам, растравливая их вновь и вновь. Она — это не что иное, как его самооправдание и самолюбование.

Он, как позер и фразер, создал условия своими произведениями для внутренней холодной войны. Все чаще его называют в России литературным власовцем за мерзкое утверждение:

«Отмываться всегда трудней, чем плюнуть. Надо уметь быстро и в нужный момент плюнуть первым».

Во Владивостоке соотечественники повесили табличку «Иуда» на памятник Солженицыну. Навязчивое желание властей продвинуть этого персонажа в массовое сознание с его

фантастическими опусами про ГУЛАГ закономерно встречает недовольство и подобное сопротивление в духе протестных акций. И оно будет нарастать.

Солженицын, в период своего нахождения в эмиграции, больше всех орал о правах человека. Стоило ему триумфально возвратиться в Россию, замолк и спокойно взирал, как попирались права человека в стране, в развал которой и сам внес немалую лепту — значит, его целью было тщеславие, а не народные страдания. Многие его друзья, разобравшись в личности Солженицына, говорили: «Александр Исаевич сходится во взглядах только с самим собой!»

А его статья-эссе «Жить не по лжи», опубликованная в двух изданиях: 18 февраля 1974 года — в лондонской газете «Дейли Экспресс», а впервые в СССР — 18 октября 1988 — в киевской многотиражке «Рабочее слово». Символично, не правда ли?!

Поэтому многих россиян и граждан других стран на постсоветском пространстве удивляет действие властей по насильственному внедрению солженицынских идей и творений в программы школ и вузов.

Надо помнить есенинские строки:

Лицом к лицу
Лица не увидать.
Большое видится на расстояньи…

Время, и только время, приводит к правде, хотя и она редко бывает чистой и никогда — однозначной.

А то, что эта троица — Яковлев, Калугин и Солженицын — терзала нашу Отчизну, бередя ее раны разного рода недоброкачественностью, желчью и клеветой, очевидно!

Это время хорошо и правильно понимал Евгений Петрович Питовранов.

Разлом, разграб, распад 90-х…

Я чувствую, что ты слаб, солдат.
Слабый человек прячется за ложной моралью,
пока не придет день,
когда ему придется применить ее на себе.
Человеческая сила кроется в знании своего места,
которое он должен защищать, проливая пот и кровь!

Дэвид Лоуренс

«После кончины Ю.В. Андропова, — скажет в одном из интервью видный философ нашего времени Александр Александрович Зиновьев, — началась эра верхоглядов и откровенных государственных неумех, прикрытых стажем кабинетной партийной работы и партбилетом. Одни страдали отсутствием здоровья, другие отличались завидным здравием, но были не глубоки в большой политике, третьи топили это самое здоровье в горячительных напитках и не хотели становиться государственниками. Мыслям трудно было соединиться для продуктивной работы».

Однако все трое, добравшиеся до власти и в Советской России, и в Российской Федерации, имели общий недостаток: не чувствовали под собой страны. Они, словно марионетки, висели на нитках или проволочках, которые дергались страстями, амбициями, властолюбием и, самое опасное, нередко сильными мира сего с явными русофобскими корнями на Западе.

А два последних, затеявших непонятную «перестройку» и понятные только для их карманов «реформы без реформ», оказались разрушителями Отчизны. Они не думали о благосостоянии народа и безопасности страны, они мечтали только о своей власти над людьми и государством, не забывали только о ежемесячном, но чаще о ежедневном пополнении своих банковских счетов. Будущее они похоронили, построив на его могиле церковь из прошлого. Вера — это хорошо, но где движение вперед через время сложное и даже опасное? Этого движения вперед к улучшению жизни народ не ощутил, зато

почувствовал запах распада. Страна рушилась под ударами Запада и своих оторви голов, а если быть ближе — откровенных предателей в политике.

Горбачев, не умея разъяснить другим да и самому себе, постоянно повторял бессмысленный лозунг: «Больше социализма!». Пока народ напрягался и морщил лбы, пытаясь понять, чем и как измерить параметры социализма, генсек отменил плановую экономику. Сразу же началось активное разрушение хозяйственных связей и, как закономерный процесс, уменьшились поступления в бюджет.

В буклете фотохудожника Андрея Будаева, выпущенном в 2006 году под названием «Постсоветская демократия. 15 лет пародии» содержатся слова, что многолетний абсурд в политической и экономической жизни страны сыграл свою жестокую роль в понимании «реформаторских амбиций политиков, воспитанных во времена постсоцреализма. Уже всем ясно, что это привело к «ваучеризации страны», обнищанию народа, неприкрытому грабежу старшего поколения, катастрофической беспризорности, алкоголизму и наркомании. В «политической копилке» олигархии и чиновничества — расстрел парламента, нескончаемые кавказские войны, строительство финансовых пирамид, банкротство либеральной экономической мысли и непригодность западных рецептов оздоровления страны, приведшие к дефолту 1998 года и трудностям, которые до сих пор переживает наш народ.

Бесконтрольный вывоз природных ресурсов, стагнация производства, демографический коллапс, размещение национального финансового резерва за рубежом, монетизация, назначение наместников, подконтрольность СМИ…

Кто, закрыв глаза и уши, пишет сценарий судьбы многомиллионного народа?

Кто суфлирует каждую реплику главных «героев», питает воображение режиссеров нашей истории?

Думать и решать всем нам. И желательно быстрее. Войска США и НАТО уже гнездятся на Украине. Украинские русские Донбасса уже пять лет под градом снарядов и мин украинской военщины. Российский МИД только огрызается на нападки, а люди гибнут — настреляли уже более 13 000 человек. Кто остановит этот молох гражданской бойни? Только Россия принуждением к миру!

Есть смысл посмотреть, как вела себя финансовая система. По данным специалистов-экономистов, в 1985 году внешнего долга практически не существовало, в 1987 году он вырос до 37 млрд долларов. К концу 1991 года он превысил 120 млрд

«зеленых». Именно тогда возникли совместные предприятия с участием иностранного капитала и правом вывозить за рубеж и продукцию, и прибыль. Руководители более или менее работающих предприятий набрали кредитов по горло. Но ведь занимают деньги чужие, а отдавать приходится свои, а их надо заработать. Где их взять, если промышленность через несколько лет уже лежала на боку. Поэтому расплачиваться приходилось золотом или брать новые кредиты.

Горбачеву в «закромах» страны досталось 719 тонн золота. Плюс примерно более 200 тонн ежегодной добычи. К концу его правления нарисовалась цифра в 2000 тонн. В США эта цифра составляла 8000 тонн. За несколько месяцев правления Ельцина, к концу октября 1991 года, по заявлению тогда модного экономиста Явлинского запас золота составил всего лишь 240 тонн. Вопрос, кто, где и как профукал почти 1600 тонн драгметалла, до сих пор висит в воздухе.

Евгений Петрович глубоко переживал за состояние дел в государстве, которое он защищал с оружием в руках, буквально ползая по снегам и болотам Поволжья, вступая в боевые столкновения с немецкими разведывательно-диверсионными группами и отрядами, забрасываемыми противником в глубокий тыл Красной армии. Еще большую цену этой борьбы он узнал, занимая высокие посты и возглавляя разведку и контрразведку МГБ СССР, а потом работая в «Фирме», в так называемой разведке Андропова.

После событий 1991 года Евгений Петрович, как и многие трезвомыслящие и патриотично настроенные граждане, рассуждал примерно так, как и они: «Советский мир был мой и наш. При всех его недостатках это был мой дом — наш дом. Я жил в нем спокойным хозяином, знающим, что завтра будет так же, как и сегодня, а может, лучше — снижались цены. Во всю мощь работала социальная система. Я был нужен стране, заводу, школе, больнице… Рабочие места гарантировали мне ежемесячную зарплату, премии, надбавки. Постсоветский капиталистический мир для меня чужой, потому что в нем я стал товаром. Меня покупают и продают. При всех достоинствах этого мира я в нем чужой. Как и миллионы других людей, не нужен, потому что нет рабочих мест. Я лишний в этом обществе. В советском мире я имел защиту — государство, партию, профсоюз, коллектив, друзей…

В том обществе мускулы и приемы драки были не нужны. Ум и образование были сильнее. Теперь я не рискую один гулять в парке и ночью опасаюсь ходить по улицам. Охранник Хозяина любой фирмы получает во много раз больше, чем преподаватель

института или ученый, не говоря об учителе или враче».

Действительно, 90-е годы прошлого века ворвались в нашу жизнь толпами, митингами, манифестациями и демонстрациями. Люди хотели перемен. КПСС уже ничего не обещала. А вот либералы разных мастей, подкрашенные многоцветными демократическими красками, предлагали существенное улучшение жизни.

Часто в эти годы Евгений Петрович, встречаясь с друзьями, приезжающими к нему на скромную дачу, дискутировали по поводу перемен в обществе. Нет, они по-стариковски не ворчали, а трезво оценивали события и речи какого-нибудь трибунного политика — как правило, очередного удачливого демагога, способного своими речами повести людей в совершенно непредсказуемом направлении.

Он рассказывал друзьям, особенно молодым, сколько интересного, нужного для безопасности страны он наблюдал в жизни и службе, к сожалению, не вошедшего в прокрустово ложе чекистского жанра той поры, отвергающего то, что незыблемо, обязательно и истинно. Запад как смотрел на восточных славян — на их Большую страну, хотя и обломанную с краев, так и смотрит, а порой и подло действует. Он ненавидит и боится только сильную Россию, которой исторически не везло и не везет на руководителей.

Ученые, учителя, врачи, писатели, рабочие, инженеры, фермеры делали и делают историю, а цари, генсеки и президенты просто ее подписывают. Как и солдаты на войнах делают историю молча, а победы подписывают политики, вину же за поражения вешают на разведку.

Накатывались лихие 90-е малиновыми пиджаками, стрелками при финансовых разборках, вороватой дележкой приватизированного государственного имущества и другими прелестями наступающего переходного капиталистического периода. Газеты, журналы и телевидение «пишущими перьями» и «говорящими головами» агитировали народ. Они призывали не бояться частной собственности, а соглашаться с идеями младореформаторов Гайдара, Чубайса, Коха, Авена и других в направлении либерализации цен, разрешения свободы торговли, урегулирования внешнего долга и открытия западных кредитных линий, совершить переход к адресной социальной поддержке малоимущих. Получилось все, кроме последнего. На помощь малоимущих не хватило денег. Этот долговой шлейф властей тянется до сих пор. О рытвины и ухабы младореформаторов мы спотыкаемся и сегодня…

Один из гостей на даче у Питовранова, при обсуждении

газетной статьи об убийстве царской семьи, как-то заметил:

— Понимаете, Евгений Петрович, словно в поддержку этих материалов по телевидению жуют сопли, изображающие «зверства» большевиков. В газетах и журналах потоком идут аналогичные статьи. И делают это в основном люди, не пережившие никаких «зверств» советского периода, а многие процветавшие в те годы…

— Вместе с ходом времени меняется значение вещей, но прошлое остается прошлым, даже боги не могут изменить его, — философски заметил Евгений Петрович.

А гость продолжал:

— Да, я согласен с вами — ничто не принадлежит нам, одно только время наше. Я раньше не одобрял, например, убийство царской семьи. Видя нынешние спекуляции на эту тему, я теперь на сто процентов одобряю эту «расправу» большевиков. Правда, не надо было всех приговаривать к расстрелу, но царь заслужил такой участи кровью россиян на фронтах с бездарным его руководством, расстрелянных рабочих на Ленских приисках, невинных людей — при стачках и манифестациях. Я считаю «расправу» над этим ничтожеством, проигравшим все свои войны и бросившим государство, когда победа над Германией была в его кармане… Власть валялась пьяным российским мужиком в серой шинели — ее и подобрали большевики. Карму, настигшую царя, считаю не просто справедливой, а крайне необходимой. Это священная месть за все то зло, какое причинила людям романовская монархия. Я готов простить советской власти все репрессии за одно только уничтожение монархии и классов помещиков и капиталистов…

— Мне кажется, — обратился Евгений Петрович к собеседнику, — монархии, несущие средневековое мракобесие, — это большой анахронизм.

— Но у нас сегодня трудно объяснимая катавасия в ельцинском королевстве, — если у нас капитализм, то коммунистический, если коммунизм — капиталистический. Какой-то дурдом… «Все смешалось в доме Облонских…» — заметил гость.

— То ли еще будет, если не найдется новый степенный поводырь для России, — горько усмехнулся Евгений Петрович. — Упаси бог быть России слабой — сожрет Запад. Помните, что сказал Наполеон: «Сила никогда не бывает смешной».

— Согласен: власть и сила не портят людей, зато дураки, когда они у власти, портят власть. Вот мы и живем с вами — вернее, доживаем при такой власти. Они погубят страну.

— А про свет в конце тоннеля вы слышали?

— Я знаю, на что вы намекаете, Евгений Петрович. Когда что-то кончается в жизни, будь то плохое или хорошее, остается пустота. Но пустота, оставшаяся после плохого, заполняется сама собой. Пустоту же после хорошего можно заполнить, только отыскав что-то лучшее.

— Эрнест Хемингуэй?

— Да, Евгений Петрович!..

— Кто для вас Горбачев? — спросил гость.

— Человек, застрявший в двери между прошлым и будущим, — ответил грустно отставной генерал с незатуманенными мозгами…

Евгений Петрович Питовранов доживал отмеренные Всевышним мятежные, по Бунину «окаянные дни!»… Он крайне возмущался, когда его поколение граждан либеральная челядь называла «совками». Прожив в одной системе социально-политических координат, он, как человек высокоэрудированный, понял, куда завели страну и что с ней натворили случайные люди в политике Горбачев и Ельцин. Пройдет немного времени и тот же Александр Александрович Зиновьев — философ и антисоветчик, патриот России, депортированный из СССР за границу за свои смелые взгляды на прогнившую партийную власть, скажет: «Сейчас все то, что было достигнуто в советский период для миллионов таких “совков", как я, потеряло всякую ценность и вообще оказалось ненужным. Это — самая большая потеря русского народа за всю его историю. Потеря трагическая, катастрофическая. Произошла переоценка ценностей. Появились многочисленные профессии, для овладения которыми не нужно никаких особых способностей и никакого особого образования, а оплачиваются они намного лучше, чем учителя, профессора, медицинские и научные работники…»

Обогащение общества и образование слоев благополучных и даже богатых привели к новому расслоению общества, к смещению системы ценностей в сторону материальных интересов, к росту материальных аппетитов высших и средних слоев, в которых тон стали задавать представители поколений предателей…

Если даже Евгению Петровичу они не попались на глаза — кстати, именно в эти годы их писал Зиновьев, то он явно мог рассуждать адекватно. Рассуждал он примерно так: «Какая такая власть могла дать мне, провинциальному мальчишке, высшее инженерное образование, причем бесплатно? А потом, в 28 лет получить генеральские погоны, а в 31 — должность заместителя министра».

Питовранов понимал, что туман, заволакивающий сознание

многих граждан России по поводу плюсов и минусов лихих 90-х постепенно развеивается. И у каждого россиянина свой скелет в шкафу, который, в случае его обнародования, способен нанести значительный урон его репутации.

Отношения к 90-м поначалу было однозначное — хотелось разительных перемен. А когда у табачных киосков стали выстраиваться длинные очереди, когда обесценились вклады, когда в собственных квартирах, полученных бесплатно в советское время, мы стали не собственниками, а арендаторами у частных компаний, когда стали рушиться обещания о прозрачных границах между государствами, бывшими республиками Союза, и о здоровой конкуренции, когда холодильник стал побеждать монотонный телевизор — народ зароптал, заволновался, вышел на улицы городов. Это было время, когда преступность и политика шли рука об руку… А Евгений Петрович хотел совсем другого для своего народа и своей страны… Конечно, радостного, благостного и благородного в жизни, обещанного новыми властями.

Этап развития новейшей России в период 1991–1993 годов называют дискуссионным. После 93-го, с расстрелом Парламента из танковых орудий в центре Москвы и с окутанным по периметру Белым дом спиралью Бруно, заставляли признаваться многих, что от своих комплексов теперь уже убежать невозможно. Они гонятся за нами и «кусают» нас до сих пор. Эти комплексы заставляют нас задавать, который уже год один и тот же вопрос: как это варварство могло случиться на пороге XXI века в России? Его сотворил тиран — человек с затаенными страхами за свой совершенных грех. И ответ у здравомыслящих людей, а их большинство, звучит один и тот же: из-за безнаказанности бесшабашных головотяпов, случайно пробравшихся во власть в период, когда за преступления нет наказания!

А преступление страшное по последствиям совершилось двумя советско-российскими Неронами — Горбачевым и Ельциным: они сожгли наш Общий дом, подтолкнули Россию к пропасти.

И вот в этом разломе, разграбе и распаде приходилось доживать стражу безопасности страны генералу с задатками большого политика Евгению Петровичу Питовранову. Он глубоко понимал, что страна все больше и больше погружается в пучину дикого беспредела под воздействием прозападной, либерально настроенной элиты, пробравшейся к власти в новой России. Новое государство, грубо и болезненно вырванное, кровоточащее из рваной осколком раны — огромной Большой державы, задыхалось от хаоса и безвременья.

Понятно, народ, в ходе площадной митинговщины, поверил обещаниям авантюристов-политиков, собравшихся в Беловежской пуще, навести порядок в экономике и создать счастливую жизнь соотечественникам: одни обещали сделать это буквально через несколько лет, другие — в течение 500 дней, третьи готовы были лечь на рельсы, если цены повысятся хоть на копейку.

Манифестации, митинги, по оценке Евгения Петровича, — это язык тех, кого до конца не выслушали. А с другой стороны, их ввели в заблуждение, а если проще — обманули. Он считал, что в стране те, кто волей случая, а не мозгами появился у властных пьедесталов и трибун, обманывали простых граждан — тружеников.

Ломать не строить, причем быстро, стремительно крушить — большого ума не надобно. Многим из поводырей казалось, что перейти из социализма в капитализм — пустяк, это почти так, как перебраться на другой берег реки вброд. Если бумаги терпели написанное в СМИ, а уши как-то верили говорящим головам на ТВ, экономика же рухнула. 17 августа 1998 года из-за тяжелой экономической ситуации, сформировавшейся в РФ после распада СССР, российские власти во главе с Ельциным объявили технический дефолт. Тогда в течение всего нескольких месяцев курс рубля по отношению к доллару обвалился в три раза, из-за чего рублевые накопления россиян, естественно, обесценились, а инфляция взлетела до небывалых высот. Соотечественники до сих пор с ужасом вспоминают это страшное время. В народе его назвали «черным августом».

По данным Московского банковского союза общие потери российской экономики от «черного августа» составили 96 миллиардов долларов. Коммерческие банки потеряли 45 миллиардов, корпоративный сектор — 33 миллиарда «зеленых» американских бумажек, а обычные граждане — 19 миллионов долларов. Рост национальной экономики сократился в 3 раза — до 150 миллиардов долларов.

Бедлам, начатый с периода горбачевской «перестройки» и ельцинского безвременья, когда огромное количество промышленных мощностей не было занято, продолжал буквально терроризировать страну. Опасность эта коснулась и обороны страны. Из-за отсутствия топлива не летали самолеты, не ходили корабли, не совершили для практики военные водители 500-километровых маршей. На боку лежали промышленность и сельскохозяйственное производство.

В беседе с коллегой и близким другом Борисом Семеновичем Ивановым Евгений Петрович откровенно высказался: «…не тот паровоз Россия прицепила к тяжеловесному составу. У него нет

необходимой мощности, поэтому он не в состоянии сдвинуть состав с места. Нужны кардинальные изменения — от перемены “-измов" страна не изменится. При таком положении мы можем оказаться в хвосте событий. Россия подобных экспериментов не выдержит. Нужно созидание по масштабам сталинской индустриализации…»

Это говорил и так думал человек высокого полета — Евгений Петрович Питовранов, который являлся для автора первым высокого уровня оперативным педагогом, воспитателем, о котором всегда сказать что-то теплое…

Послесловие

Совершенство характера выражается в том, чтобы каждый день проводить, как последний в жизни.

Мари Аврелий

Есть люди, которые ответственны за каждый прожитый день перед совестью, как перед Богом. Именно к таким людям автор относил и относит после упокоения генерал-лейтенанта Е.П. Питовранова. Но такие личности вечно в строю тех живых, которые встречались и общались с ним.

Евгений Петрович по воспоминаниям сослуживцев участвовал в судьбах многих сотен людей, подчас ему малознакомых, помогая им в разных, даже невероятно сложных ситуациях, таких как получение жилья, лечение и трудоустройство. И когда что-то удавалось, светлел лицом, радовался и ничего не ждал взамен, кроме разве что простого человеческого уважения.

Евгений Питовранов, действительно, был незаурядной личностью, достаточно большей известности, чем есть. Не потому ли он стал самым молодым генералом в истории органов госбезопасности — в 28 лет, что сродни истории досрочного присвоения генеральского звания примерно в этом же возрасте Николаю Кравченко, военному контрразведчику, герою «Тегерана-43».

Евгений Петрович как человек высокообразованный, по оценкам его сослуживцев по Высшей школе, глубоко вникал во все тонкости учебного процесса. Для него эта сторона деятельности была в новинку. Но он был не из тех, кто охотно берет самое тяжелое бремя и взваливает его на чужие плечи. Свой кусок педагогической и административно-хозяйственной работы он не перекладывал на других. Вместе с тем был требователен к себе и подчиненным. Он любил работу — она захватывала его целиком.

Именно таких специалистов сегодня не хватает России, чиновники которой до сих пор маются с ответом на вопрос: почему налог на дороги есть, а дорог хороших нет. Но с них и надо спрашивать: почему? Наверное, потому что, к великому нашему сожалению, неограниченную власть мы дали людям ограниченным. Они и жируют всласть. Без волевого бульдозера

тут не обойтись — то ли властного, то ли народного. А пока граждан терзают сомнения: сможет ли сегодняшняя власть, от которой все мы ждет перемен к лучшему, избавиться от ограниченных и жирующих? А ведь обещали либералы народу российскому: мы сломаем плохое государство и построим хорошее! Китай, Сингапур, Япония, Южная Корея, Вьетнам не ломали ни государственной машины, ни идеологии… Они отстраивали экономику под вызовы времени. И жестоко карали богачей за претворение в жизнь их лозунга: «Убытки ваши, а прибыль моя!».

И встали достойно с колен, и даже с пятой точки. А у нас одни чиновники говорят: «Денег нет, но вы держитесь!», другие: «Деньги есть — потерпите и все будет!» или «Государство вам не должно!» Резонно возникает вопрос: народ вас выбирал для таких отговорок и отписок? Нет, нет и нет!!!

Россияне молчаливо терпят… Ждут от Кремля ПОСТУПКОВ правильных!

Сегодня мы прошлое загнали в угол. «А ведь без мудрости былого, — как говорил Евгений Петрович, — глупеет мир». Почти 30 лет мы строим что-то непонятное без чертежей, расчетов и, самое главное, советов — гурта. Коллективизм заменили индивидуализмом. Человеческие отношения расчехлили, сумели их расчеловечить в погоне за прибылью. Совесть постепенно превращается в товар. Разве это не опасность для государства? Почему мы стали одиноки — без надежных союзников с потерей авторитета той России, которая называлась Советским Союзом? Почему все больше и больше людей с ностальгией вспоминают не поездки в Москву за колбасой, а бесплатное образование и здравоохранение, достижения в науке и культуре, реальную дружбу народов? И ждут умной и сильной руки!

Если мы не поймем, что в горниле подобных тревожных событий зарождается и закаляется непременный хаос российского и даже славянского масштаба — мы проиграем бой на право называться цивилизованной страной. А он, этот хаос, ощущается, его видят думающие люди, ему рукоплещут только пятая колонна и англосаксы во главе с Америкой, соединенной в Североатлантический союз Штатами.

Почему нередко российское чиновничество ополчается на умных, но не продвинутых, не замеченных властью? Потому что, с одной стороны включается зависть — невольное признание чужого превосходства, а с другой — если вас никто не любит, будьте уверены — это ваша вина.

О нарождающейся олигархии Евгений Петрович говорил: «Бог выбирает богатых для того, чтобы они распределяли богатства

среди бедных». Но почему-то первые растут как грибы после дождя, а отдачи безработное население от них, особенно в глубинке, не чувствует.

Ах, как нам сегодня не хватает таких людей, какими были Евгений Петрович Питовранов и ему подобные!

Литература

1. Власов М, Мудрость // Сайт «Психология человека», 2018.
2. Питовранов Евгений Петрович // Сайт персоналий Службы Внешней Разведки Российской Федерации, 2017, 2018.
3. Киселева А.В. Сталинский фаворит с Лубянки, СПб, Изд. дом «Нева», 2003.
4. Красновский В, Арифджанов Р. Тайные часовые истории. Минск: Позитив-центр, 2013.
5. Вольф М, Игра на чужом поле, Тридцать лет во главе разведки» М, Международные отношения, 1998,
6. Судоплатов П, Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930-1950-е годы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1997.
7. Боффа Дж, История Советского Союза. В 2 т. М, Международные отношения, 1990.
8. Прудникова Е, Бушкова А. Берия, последний рыцарь Сталина. М.: ОЛИА Медиа Групп, 2007.
9. Топтыгина А. Неизвестный Берия. СПБ.: Изд. дом «Нева»-М.: Олма-Пресс, 2002.
10. Чуева С. Спецслужбы Третьего рейха. СПб.: Изд. дом «Нева», 2003, Кн. 2,
11. Фоминых А. Немецкие диверсанты в Кировской области // Статья на сайте, 2018.
12. Шелленберг В. Мемуары. Минск: Радиола — плюс, 1998.
13. Рожнева О, Зависть. Из наследия Оптинских старцев // Статья на сайте, 2013.
14. Еременко В.А., Соловьев А,К. Вражьи тропы, Тайный фронт мирного времени М.: Вече, 2004. Кн. 2. Глава «Шпионаж из подземелья».
15. Бутаков Я. Что стало причиной ссоры Хрущева с Мао Цзэдуном? // Сайт «Русская семерка», 14 августа 2018 г,
16. Волкова Ф.Д. Тайное становится явным, М.: Изд-во полит, лит-ры, 1989.
17. Платошкин Н.Н. Жаркое лето 1943 года в Германии. М, ОЛМА-ПРЕСС, 2004,
18. Кононов С, СМЕРШ, Моменты истины. М.: ЯУЗА-ЭКСМО, 2009,
19. Кубасова А, «Хозяин» и «Подрывники» // Красный Север. 29 марта 1995 г.
20. Плисецкая М. Я, Майя Плисецкая, М, Новости, 1994,
21. Соколова Н, Сталинская «оттепель» // Загадки истории. — 2012, — № 10.
22. Воронцов С. Ошибки и успехи отца народов. Сталин во

время войны: «растяпа» или «непоколебимый полководец? // Загадки истории. -2017. — № 5.

23. Старикова Н, Сталин без сталинизма» // Загадки истории. — 2018. — № 13.

24. Раскопки гробницы Тимура // Известия, 22 июня 1941 г,

25. Сейере М., Кан А. Тайная война против Советского Союза. М.: Изд-во полит, лит-ры, 1947.

26. Орлова А. Тайная история сталинских преступлений, Нью-Йорк — Иерусалим — Париж: Время и мы, 1983 г

27. Жирнов Е. Чисто сусловское византийство // Власть. — 2005. -№ 42 (645),

28. Квицинский Ю. Досье Иуды. М.: Олма-Пресс, 2001,

29. Соколов А.А, Анатомия предательства: «Суперкрот» ЦРУ и КГБ, М, Изд, «Проект Лубянка», 2005.

30. Пустыни /У Загадки истории, — 2014, — № 6,

31. Калюжный Д. Люди из стали // Загадки истории. — 2012. — № 16.

32. Бражник А. Кем по происхождению был Никита Хрущев // Сайт «Русская семерка», 1 августа 2018 г,

33. Нешевец М, Кузмиченок В, В детстве Сталин прятался за матерью от гнева своего отца. Москва // metrO. 19 декабря 2018 г,

34. Литвак Б.Г. Великие управленцы, М.: Наука-Пресс, 2006,

35. Постников Л,А. Краткий очерк истории Высшей школы КГБ СССР им. Ф.Э, Дзержинского, М, 1990.